

История вестготов (Geschichte der Westgoten)

Дитрих Клауде

Пер. с нем. Иванова С.В.

СПб.: Издательская группа "Евразия", 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА. ПОТЕРЯННОЕ ГОСУДАРСТВО	3
Ранняя история вестготов до их вторжения в Римскую империю (376 г)	5
I. Происхождение готов. Жизнь готов в Южной России. Нападения на Римскую империю.	5
II. Королевская власть. «Судьи». Зачатки христианства. Язычество.....	7
Передвижения вестготов в пределах Римской империи (376-418 гг).	10
I. Проникновение в империю. Битва при Адрианополе. Поселение вестготов на Балканах. Аларих. Первое нападение на Италию. Второе нападение. Захват Рима. Атаульф. Мирный договор с Римом. Валяя.	10
II. Проблемы миграций. Отношение Атаульфа к Римской империи. Римляне и вестготы. Состав племени. Королевская власть. Христианизация вестготов.	16
Тулузское королевство (418-507).....	23
I. Теодерих I. Турисмунд. Теодерих II. Еврих. Аларих II. Поражение при Пуатье.	23
II. Поселение в Галлии. Численность племени. Область поселения. Законодательство. Институт дружины. Организация войска. Язык и литература. Римляне в вестготском государстве. Отношение римлян к вестготам.....	31
Из Тулузы в Толедо (507-567 гг).....	46
I. Гезалех. Теодерих Великий. Амаларих. Теудис. Теудегизель. Агила I. Атанагильд....	46
II. Поселение в Испании. Взаимоотношения вестготов и римлян. Королевская власть. Система управления. Церковная политика.	51
Возрождение вестготского государства при Леовигильде и Реккареде (568-601 гг).	57
Завоевания Леовигильда. Мятеж Херменегильда. Внутренняя политика. Церковная политика. Обращение Реккареда и вестготов. Последствия для королевской власти.	57
Толедское государство (601-711 гг).	65
I. Лиува II. Виттерих. Гундемар. Сисебут. Свинтила. Сисенанд. Хинтила. Тульга. Хиндасвинт. Реккесвинт. Вамбы. Эрвиг. Эгика. Витица. Родерих. Арабское завоевание Испании. Агила II. Ардо. Пелагий.	65
II. Государственное самосознание. Провозглашение короля. Королевская власть. Несвободные на королевской службе. Церковь и папство. Церковное и светское управление. Политизация церкви. Церковная собственность. Возвышение Толедо. Частные церкви. Монастыри. Язычество. Знать. Свободные. Вольноотпущенники. Рабы. Искажения в социальном развитии. Экономика. Архитектура. Литература.....	74
Приложение. Государство свевов в Испании (409 – 585 гг).	109
Библиография.....	115
I. Сокращения	115
II. Источники.....	116
III. Литература	117
Хронологическая таблица.....	118

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА. ПОТЕРЯННОЕ ГОСУДАРСТВО

В средневековой истории государство вестготов всегда стояло особняком. С одной стороны, оно явилось единственным политическим образованием, пережившим другие варварские королевства. С другой стороны, вклад вестготов в европейскую культуру минимален — мусульманское завоевание Испании искоренило даже те немногие ростки образованности, которые только-только стали появляться на Пиренейском полуострове.

Хотя вестготы были не так удачливы в военном деле, как остготы, вандалы, и франки, они тем не менее сумели воспользоваться своим уникальным геополитическим и географическим положением, ловко маневрируя между интересами этих держав — многочисленные союзы, перманентные войны, религиозные распри закалили кочевников и приучили их полагаться исключительно на собственные силы. Даже когда великий византийский император Юстиниан I, победитель остготов и вандалов, попытался завоевать Испанию, он не смог добиться больших военных успехов — исконное население было вполне довольно господством варваров и их умеренной внутренней политикой, а жесткая административная система Константинополя у многих вызывала естественное отторжение. Отразив угрозу с Востока, вестготские короли начали проводить либеральные политические и экономические реформы, что еще больше укрепило их власть в различных слоях общества.

Уникальным феноменом для средневековых реалий стало мирное сосуществование ортодоксального христианства и арианства, ереси, осужденной еще на I Вселенском соборе в 325 г. Вестготы, будучи арианами по вероисповеданию, в отличие от других варваров (яркий пример тому свирепые гонения на ортодоксов в королевстве вандалов) стремились инкорпорировать своих религиозных противников в государственную систему, предоставив им значительные права в духовной и социальной сфере. Когда в VII в. правящая верхушка перешла в ортодоксальную веру, этот переход был настолько плавным и органичным, что не вызвал каких-либо преследований ревностных ариан. Особо стоит отметить успехи цивилизованных варваров в юриспруденции — кодификация вестготского права остается единственной в своем роде, поскольку ни одно варварское государство не сумело подвести под свое существование правовую базу.

Причины гибели державы вестготов лежат на поверхности: слабость королевской власти, не опиравшейся на сильную знать, отсутствие военной реформы, потребность в которой ощущалась на протяжении всего VII в., кроме того, стоит добавить сюда и экономическую зависимость от торговли,

которая в начале VIII в. была подорвана захватом арабами Ближнего Востока и Северной Африки. Возможно, если бы в этих сферах были проведены реформы, Испания, не нуждалась бы в Реконкисте. Но история не признает сослагательного наклонения — книга известного немецкого историка Дитриха Клауде может быть рекомендована не только всем интересующимся этим загадочным периодом истории, но и современным политикам как своеобразное предупреждение – разрушить государство можно в одночасье, но повторно отвоевать и собрать потерянное во много раз тяжелее...

Ранняя история вестготов до их вторжения в Римскую империю (376 г)

I. Происхождение готов. Жизнь готов в Южной России. Нападения на Римскую империю.

Так как восточногерманские племена, к которым относятся и готы, вступили в контакт с римлянами довольно поздно, их ранняя история известна нам лишь по сведениям, происходящим из их собственной традиции, иногда неотличимой от германских героических сказаний и саг. Остготский историк Иордан, труды которого основываются на утраченной истории готов Кассиодора, называет прародиной готов «остров Скандза» (Иордан, О происхождении и деяниях гетов, пер. Е. Ч. Скржинской, СПб 1997, 25. Далее – Иордан)). При этом до сих пор продолжаются споры, следует ли идентифицировать этот остров с островом Готланд или Естер– и Вестерготландом (Иордан, 9. Ср. также Wenskus, S. 442ff. Ср. Wagner, *Getica*, S. 214). Из этой страны в дохристианскую эпоху значительная часть готов переселилась через Балтийское море в область Вислы, хотя какая-то их часть осталась в Скандинавии: (Wenskus, S. 434). Еще в начале VI века между остготами в Италии и скандинавскими готами существовало постоянное сообщение (Иордан, 24). Сходные события – переселение части готов и оседание другой части в прежней области поселений – еще не раз повторятся в будущем. По данным погребений, приход готов в область Вислы следует относить к I веку до н. э. Прежнее население было покорено или изгнано со своих земель.

Около середины II века н. э. готы обратили свои взоры на юг. Иордан считает основной причиной перенаселение. И на сей раз какое-то число готов осталось на месте: из них, по-видимому, образовалось племя гепидов (Wenskus, S. 469). Новая миграция, вероятно, растянувшаяся на долгие годы, привела готов в Южную Россию, где они закрепились в области между Днепром и Доном, (Иордан, 30 и сл.). хотя относящиеся к этому периоду археологические данные с трудом поддаются однозначной интерпретации (Thompson, S. 2). По всей видимости, во время миграций и расселения на обширной территории связи между частями когда-то единого готского племени ослабли (Schmidt, S. 197). Ко времени императора Клавдия II (268-270) впервые появляются упоминания об остготах и вестготах как отдельных племенах (Wenskus, S. 472). Иордан считает, что они получили свои названия по географическому признаку. Однако скорее всего первый компонент слова «остготы» происходит от **austra* (сияющий), а в имени «вестготы» следует выделять индоевропейское **uesu* (хороший), так что в конечном итоге речь может идти о хвалебных самоназваниях. Поэтому корректнее было бы

говорить об остроготах и визиготах (Schmidt, S. 203). Однако мы будем следовать общепринятому словоупотреблению. Между остготами и вестготами на протяжении многих столетий сохранялись тесные отношения. Неоднократно засвидетельствованы переходы из одного племени в другое, а также браки между представителями этих двух племен.

Поэтому мы имеем полное право говорить о двух разных народностях одного готского племени (Wenskus, S. 475).

Когда в Римской империи в 30-х годах III в. н. э. разразился тяжелый кризис, готы переправились через нижний Дунай и опустошили соседние земли (Schmidt, S. 203). Набеги прекратились лишь тогда, когда римляне согласились выплачивать готам ежегодную дань. После прекращения выплат готы – на сей раз вместе с другими восточногерманскими племенами – вновь обрушились на империю (Иордан, 90 и сл.). На протяжении нескольких десятилетий земли по нижнему Дунаю, а также весь Балканский полуостров оставались ареной ожесточенной борьбы. Особенно большую угрозу для империи представляли готские нападения на Малую Азию, а также пиратские походы, которые вело понтийское племя боранов при существенной готской поддержке и которые наносили значительный урон почти всему восточному побережью Средиземного моря. Положение империи улучшилось только после того, как император Клавдий II в 269 г. нанес готам тяжелое поражение при Нише. При императоре Аврелиане, победившем вестготов в 271 г. во Фракии и Иллирии, на дунайские земли вернулся мир; впрочем, не в последнюю очередь этому способствовал уход римлян из провинции Дакии. После того как гарнизоны, имперские служащие, аристократия и, вероятно, значительная часть прежнего населения были отведены на южный берег Дуная, готы без боя заняли оставленные земли (С. Daicoviciu, *La Transsylvanie dans l'antiquité*, Bukarest 1945). На рубеже III и IV веков н. э. готы населяли территорию, границами которой были Дунай на юге, Олт (левый приток Дуная) на западе и, скорее всего, Днестр на севере (Thompson, S. 4). При Константине Великом ничто не нарушало стабильности границы по Дунаю. В 322 г. был заключен договор, предоставлявший вестготам статус федератов, согласно которому они обязались за ежегодные выплаты оборонять границы империи и поставлять военные части для службы в императорских войсках (Stein, S. 198). Благодаря этому условию договора возросло римское влияние на германцев, так как готские вспомогательные войска за время своей службы должны были ближе познакомиться с римским образом жизни. То, что после заключения договора в 322 г. в источниках за три с половиной десятилетия не появляется ни одного упоминания о вестготах, говорит о довольно дружественных отношениях; впрочем, судя по различным косвенным свидетельствам, римская власть в пограничных землях заметно ослабла (Thompson, S. 13).

II. Королевская власть. «Судьи». Зачатки христианства. Язычество.

Исход готов из Скандинавии, по всей видимости, сопровождался значительными изменениями в организации общества (Wenskus, S. 467). Так, следует предполагать, что уже в то время существовал некий социальный правящий класс. Иордан сообщает, что переселение произошло при короле Бериге; таким образом, неоспоримым кажется существование сакрального по своему происхождению института королевской власти. Так как о могуществе и власти готского короля говорит и Тацит, переезд через Балтийское море, должно быть, способствовал дальнейшему возвышению королей у готов (Тацит, Германия, 42). В Южной России готы попали под влияние сарматских кочевых племен и стали настолько сходны с ними по своему образу жизни, что римские источники не всегда различают германские и сарматские племена Южной России (Wenskus, S. 469). Характерный ландшафт, широкие южнорусские равнины, наверное, также способствовали «окочевливанию» готов. Сарматскому влиянию, возможно, также следует приписывать введение в военную организацию десятичной системы. Эволюция королевской власти в течение южнорусского периода неясна. Иордан сообщает имена нескольких королей, не вошедших в генеалогическое древо Амалов, поздней остготской королевской династии (Иордан, 26). Король Острогота (возможно, легендарный), согласно Иордану правивший остготами, тем не менее, появляется в генеалогии Амалов (Иордан, 82; ср. однако 98). Возможно, имела место смена династий, сопровождавшаяся политическим разрывом остготов и вестготов, так как

Остроготе не удалось добиться признания от всех готских народностей (Wenskus, S. 472). Несколько лучше мы информированы о ситуации, сложившейся после захвата Дакии. Если до тех пор племя вступало лишь в мимолетные и всегда враждебные контакты с римским миром, то теперь оно поселилось на земле, на протяжении полутора столетий принадлежавшей империи. Хотя неверно было бы утверждать, что уже в то время начались заимствования из римской культуры, находившейся на более высокой ступени развития, тем не менее, именно тогда произошло первое мирное соприкосновение вестготов и провинциальных римлян. Таким образом было положено начало процессу романизации, закончившемуся только в VII веке. Как развивались взаимоотношения пришельцев-готов и оставшихся на своих землях римлян, неизвестно. По всей видимости, вестготы избегали селиться в римских городах. На кладбище Сатана-де-Муреш обнаружена керамика, орнамент которой представляет собой смешение германских и римских мотивов. Другие находки из того же места говорят о культурном влиянии римлян на вестготов (Thompson, S. 34). Этот процесс заметно усилился благодаря интенсивной торговле вестготов с пограничными провинциями империи.

В этот период уже нельзя говорить о единой королевской власти, которой подчинялись все группы вестготов. В качестве политических вождей

выступают царьки, получившие в римских и греческих источниках названия *reguli* и *basiliskoi* (Schmidt, S. 243). И, по-видимому, передававшие свою власть по наследству (Об этом говорит тот факт, что Атарид был сыном царька Ротестея (Thompson, S. 54). Королева Гаата передала власть своему сыну Аримеру (Thompson, S. 158) Они правили небольшими родами, а их могущество по большей части основывалось на дружине (Thompson, S. 43, 52). Все племя могло в особых ситуациях объединяться под руководством одного вождя. Таким вождем после 364 г. стал Атанарих, которого наши источники называют «судьей» (*iudex, dikastes*) (Thompson, S. 44). Уже ко времени миссионерской деятельности Вульфилы мы обнаруживаем некоего безымянного «судью», которого вполне можно считать вождем всего племени (Thompson, S. XVIII). Вероятно, в основании словоупотребления источников лежит какой-то неизвестный нам готский термин. Атанарих сам требовал от римлян называть его не королем, а судьей, так как первое предполагает авторитет, а второе мудрость. По всей видимости, вестготы считали, что королю присуща не только власть, которой, несомненно, обладал Атанарих, но и определенная сакральность (Wenskus, S. 322). Функции Атанариха по большей части заключались в военном руководстве, так что его можно было бы назвать герцогом, если понимать это слово в его исконном значении, то есть полководцем (W. Schlesinger, *uber germanisches Heerkoenigtum*, в: *Beitrag zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters*, Bd. I, Gottingen, 1963, S. 57f. Ср. также Н.-Д. Kahl, *Europaeische Wortschatzbewegungen im Bereich der Verfassungsgeschichte*, ZRG germ. 77, 1960, S. 198). Атанарих командовал дружиной, которая осталась с ним и после того, как в результате поражения от гуннов вестготы покинули его (Schmidt, S. 418). Если Атанарих был единоличным военным предводителем вестготов, то более древние источники позволяют сделать вывод о том, что первоначально вестготы выбирали двух герцогов. Во времена Константина Великого упоминаются два вождя, Ариарих и Аорих, преемником которых был, впрочем, один Геберих (Иордан, 112). «Судьи» назначались на свою должность собранием племени. В «Страстях св. Сабы» упоминается собрание «мегистанов» (знати), которое вынесло решение о преследовании христиан (Passio S. Sabae, ed. H. Delehaye, *Analecta Bollandiana* 31, 1912, S. 216-221). Это собрание состояло из людей, пользовавшихся наибольшим уважением у соплеменников или отличавшихся знатностью происхождения (Thompson, S. 49). С уверенностью можно говорить о том, что в собраниях участвовали царьки. Неясен вопрос об участии широких народных кругов. Е. А. Томпсон отрицает существование народного собрания и придерживается мнения, что центральным органом всех вестготских родов было только собрание мегистанов; (Thompson, S. 49). Л. Шмидт, напротив, приравнивает собрание мегистанов к народному собранию (Schmidt, S. 244). Когда в 376 г. готы приняли решение просить Римскую империю принять их на римской земле, этому решению предшествовали долгие обсуждения (Аммиан Марцеллин, Римская история, пер. Ю. А. Куликовского, А. И. Сонни, СПб 1994, 31, 3, 8. Далее – Аммиан Марцеллин). Иордан говорит об «общем решении»

(*communi consilio*) вестготов вступить в переговоры с императором Валентом (Иордан, 131). Остается неясным, указывают ли эти сообщения на всенародное собрание.

В «Страстях св. Сабы» далее упоминается совет деревни, обладавший, впрочем, очень узкими полномочиями (Thompson, S. 66). Вестготы познакомились с христианством в III веке. В ходе своих грабительских набегов на Римскую империю они захватили множество пленных, среди которых были и христиане. Обращением готов занимались, прежде всего, христиане из Каппадокии. Какую роль наряду с этим при распространении христианства играло дакороманское население, неизвестно (Schmidt, S. 235). Скорее всего, христианство еще долгое время оставалось религией низших слоев вестготского общества, состоявших из инородцев. Существование христианских общин подтверждается просьбой христиан готских земель о назначении епископа. В ответ на эту просьбу константинопольский патриарх послал Вульфилу, родители которого, происходившие из Каппадокии, были захвачены в рабство вестготами и который сам родился в вестготском государстве. Он провел несколько лет в Константинополе, где и был посвящен в священники (Thompson, S. XIV). Вульфиле не было суждено проявить себя у вестготов: приблизительно через 7 лет после своего назначения, около 348 г., он был вынужден покинуть страну вместе со своей общиной. Он и его последователи нашли убежище в Римской империи, где по указанию императора Констанция они поселились в области Никополя на Истре (ныне Тырново, Болгария). Потомки переселенцев жили там еще в середине VI века. Их называли малыми готами (*Gothi minores*), они вели в этой скудной местности очень бедную жизнь и считались неспособными к войне (Иордан, 267). Так как потомков общины Вульфилы называли готами, следует предположить, что значительную часть изгнанных около 348 г. христиан составляли именно готы. Вульфила и после поселения в пределах Римской империи продолжал ревностно стремиться к распространению среди вестготов истинной веры. Он разработал готский алфавит, что позволило ему переводить на готский язык книги. До этого времени готам был известен только рунический алфавит, использовавшийся скорее для религиозной и магической практики, чем для литературных целей (Thompson, S. 31). Писательская деятельность Вульфилы приняла значительные размеры (Thompson, S. 115). Его главным трудом стал перевод Библии на готский язык, от которого до нас дошли только фрагменты в так называемом Серебряном кодексе. Остальные произведения Вульфилы не дошли до нас: так как их автор был еретиком, они были уничтожены. Вульфила жил во время христологических споров, когда церковь волновали вопросы о соотношении божественной и человеческой природы в Христе (M. Werner, *Die Entstehung des christlichen Dogmas*, 1959). Несмотря на то, что готский епископ занимал в этой дискуссии срединную позицию, позднее он был осужден как арианин (Thompson, S. XXI). Возможно, именно его деятельность привела к тому, что через некоторое время вестготы обратились в арианство. С изгнанием общины Вульфилы христианство, тем не менее,

вовсе не было искоренено. Наряду с арианами среди готов были и ортодоксы, и аудиане. Секта аудиан, основатель которой Аудий особенно подчеркивал антропоморфное явление Бога, даже добилась крупных успехов и основала множество монастырей (Schmidt, S. 236). В период с 369 по 372 гг. по решению совета мегистанов проходило всеобщее преследование христиан, в основе которого лежали антиримские настроения, чрезвычайно сильные среди вестготов. По-видимому, все христиане, вне зависимости от того, к какому течению в церкви они принадлежали, считались вражескими приспешниками (Thompson, S. 99). В одной церкви мученической смерти было предано 26 христиан. Жертвами преследований стали также готы Саба, Инна, Пина и Рима, так что можно предположить, что христианское вероучение небезуспешно распространялось среди готов. Готское язычество оставило после себя лишь скудные следы. Культ богов организовывался отдельными родами, у которых были свои идолы и свои жрецы (Schmidt, S. 248; Thompson, S. 60). По всей видимости, никогда не существовало культа, общего для всех вестготов. Богу, которого Иордан называет римским именем Марс, приносились человеческие жертвоприношения (Иордан, 41). Во время преследования христиан 369-372 гг. Атанарих возил по стране деревянного идола, которому принуждал поклоняться христиан. В «Страстях св. Сабы» засвидетельствовано проведение культовых трапез (Thompson, S. 99). Кроме этого нам вряд ли известно что-либо еще об обрядах и содержании готских верований.

Передвижения вестготов в пределах Римской империи (376-418 гг).

I. Проникновение в империю. Битва при Адрианополе. Поселение вестготов на Балканах. Аларих. Первое нападение на Италию. Второе нападение. Захват Рима. Атаульф. Мирный договор с Римом. Валия.

Мир, наступивший после побед императора Валента, оказался недолговечным.

Продвигавшиеся на запад гунны победили и подчинили себе остготов. Часть народа, к которой присоединились и некоторые аланские племена, бежала на запад.

Сопrotивление, которое пытались оказать на Днестре вестготы во главе с Атанарихом, тоже было быстро сломлено (Seeck V, S. 98). После этого, по-видимому, Атанариха оставила значительная часть племени, отошедшая в область, позднее получившую название Семиградья. Большинство вестготов в 376 г. попросило убежища в Римской империи.

При тогдашних обстоятельствах такая просьба вовсе не была необычной. И до этого римские императоры принимали и расселяли на своих

землях варварские народы. И все же вступление в пределы империи целого племени создало тяжелые политические и экономические проблемы (Schmidt, S. 403) оценивает численность вестготов на 376 г. примерно в 40000 человек). Нельзя было недооценивать возможности того, что попытки интегрировать вестготов в империю могут потерпеть неудачу. Обеспечение столь большого количества переселенцев и их расселение также ставили перед римской администрацией чрезвычайно серьезные задачи.

Осознавал ли император Валент возможные последствия своих действий, когда соглашался на просьбу вестготов, нам неизвестно. В любом случае он мог рассчитывать на существенное увеличение военной мощи империи, уже долгое время страдавшей от недобора новобранцев.

Осенью 376 г. вестготы переправились через Дунай у Силистрии. Прокормление множества людей привело к большим трудностям; к этому добавилась недобросовестность римских служащих, отпускавших продовольствие по завышенным ценам, так что некоторые вестготы были вынуждены продавать в рабство своих жен и детей (Stein, S. 290; Schmidt, S. 405). Дело дошло до трений между готами и римлянами, и когда в одном из столкновений было убито несколько готов, разразился открытый конфликт. Тем временем Дунай перешли остальные части ост- и вестготов, которых Валент до того отказывался пустить на территорию империи. В Риме массовый неконтролируемый наплыв германцев метко сравнивали с извержением Этны (Аммиан Марцеллин, 31, 4, 9). Вместе с присоединившимися к ним рудокопами и рабами они опустошали и разоряли земли, не нападая на укрепленные города. После того как местные римские войска не смогли добиться сколь-нибудь значимых успехов, император Валент снарядил главное войско, чтобы окончательно изгнать захватчиков.

Император Западной Римской империи Грациан пообещал свою помощь и двинулся со своей армией на Балканы. И все же Валент вступил в бой, не дождавсь Грациана. 9 августа 378 г. под Адрианополем римляне потерпели одно из тяжелейших поражений в своей истории; Аммиан Марцеллин сравнил его с битвой при Каннах (Ibid., 31, 13, 19). Император Валент и оба военачальника погибли, большая часть войска была рассеяна. Битва при Адрианополе означала «в действительности начало конца Римской империи» (Stein, S. 293). Балканы оказались беззащитны пред набегами вестготов, войско оторых после нескольких неудачных нападений на укрепленные города рассыпалось на отдельные грабительские орды.

Поначалу империя была не в состоянии организовать оборону. Грациан вернулся на запад, которому также угрожали вражеские нашествия; на трон императора Востока он возвел испанца Феодосия, энергичным попыткам которого оттеснить готов за Дунай не суждено было увенчаться длительным успехом (Schmidt, S. 415). Только в 382 г. был заключен мирный договор, который, по-видимому, в сущности, повторял условия договора 376 г. Вестготы обязались охранять границу и поставлять вспомогательные войска. Взамен они получили земли для поселения (предположительно, в Нижней Мезии) и ежегодную плату. Раздела земель между германцами и местным

населением не было, так как области, предназначенные вестготам, совершенно обезлюдели вследствие войны. Другие группы вестготов были непосредственно включены в римскую армию; эта мера представлялась необходимой из-за военного ослабления государства. Уже вскоре после 378 г. вестготы позволяли проводить среди них воинские наборы, хотя их соплеменники сражались против Феодосия; впрочем, готов-новобранцев посылали служить в отдаленные части империи (Seeck V, S. 128). При Феодосии германцы, а среди них и многочисленные вестготы, заняли даже значительную часть руководящих постов в армии. Процесс германизации армии – а тем самым и империи – с тех пор проходил очень быстрыми темпами (Stein, S. 299).

Уже до заключения мира с вестготами, во главе которых стоял Фритигерн, Грациан поселил готов под началом Сафрака и Алатея в Паннонии. Атанарих не присоединился к Фритигерну, с которым он, очевидно, враждовал, но в 381 г. отправился с дружиной в Константинополь, где был с большими почестями принят Феодосием (Schmidt, S. 418).

Хотя договор 382 г. положил конец войне, обстановка на Балканском полуострове оставалась лабильной. Вестготы не хотели превращаться в мирных пахарей и беспокоили окрестности грабительскими набегами (Wenskus, S. 476). В то же время, по-видимому, определенный вес среди вестготов приобрела антиримская партия.

Между 391 и 394 гг. время от времени происходили сражения, и хотя вестготы постоянно терпели неудачи, общая ситуация становилось все более и более неопределенной. Во главе вестготов стоял Аларих, которого мы в первый раз встречаем именно при этих обстоятельствах. Неизвестно, был ли он тогда вождем всего племени.

В 394 г., когда император вел войну против узурпатора Евгения, выполняя обязанности римских федератов, вестготы поставили в римскую армию свои вспомогательные войска. Так как в решающей битве вестготы понесли особенно тяжелые потери, они сочли, что это было подстроено Феодосием для ослабления их племени (Seeck V, S. 253). Еще на обратном пути из похода в готской части войска вспыхнул мятеж, предводителем которого был Аларих и к которому затем присоединились тайфалы (Wenskus, S. 477).

Сначала Аларих двинулся на Константинополь, а затем в Грецию. Афины избежали разграбления, но были вынуждены выплатить тяжелую контрибуцию. Организация действенного отпора Алариху на начальных этапах затруднялась спором между римским и константинопольским дворами о правах на владение Восточной Иллирией.

Стилахон, бывший тогда фактическим руководителем политики Западной Римской империи, был готов оказать помощь, но только свержение его злейшего врага при константинопольском дворе позволило ему отправиться в поход на опустошенный Аларихом Пелопоннес. Аларих попал в тяжелейшее положение и был окружен (397 г.).

И все же Стилихон дал вестготам уйти, за что – скорее всего, несправедливо – был обвинен в измене (Orosius VII, 37, 2). Нам неизвестно, что послужило причиной таких действий римского военачальника – его собственные трудности со снабжением (Schmidt, S. 431) или политические соображения. Позднейшее поведение Стилихона наталкивает на мысль, что он включил Алариха в свои политические расчеты и стремился в дальней перспективе к заключению с ним дружественного союза (Stein, S. 353).

После отхода Стилихона Аларих вторгся в Эпир, входивший во владения Восточной Римской империи, и прекратил военные действия только тогда, когда император Аркадий наградил его высокой должностью. По сведениям источников, он был назначен магистром армии Иллирика; (Schmidt, S. 430). Аларих использовал свое положение для того, чтобы обеспечить вестготов оружием римского производства. В 401 г. он со своим племенем двинулся на запад и больше не тревожил Восточную империю.

Напротив, вестготы, принятые в римское войско, доставляли Константинополю множество хлопот. Перешедший при Феодосии на службу империи и быстро добившийся большого влияния и авторитета вестгот Гайна (Ibid., S. 433). вынудил Аркадия назначить его магистром армии. Опираясь на войско, составленное преимущественно из готов, он самовластно управлял Восточной Римской империей, пока летом 400 г. не произошло восстание городского населения. В уличных боях были уничтожены основные готские силы, а об остатках готов позаботился гот Фравитта, достигший на императорской службе высоких почестей и даже облеченный консульским саном (Stein, S. 362). Он разбил Гайну и его сторонников и тем самым провел черту под прогерманской политикой Восточной империи. На западе, несмотря на случайные вспышки римского национального самосознания, события развивались совсем иначе (G. Ostrogorsky, *Geschichte des byzantinischen Staates*, Munchen 1952, 2 S. 45). Аларих ушел из Эпира, скорее всего, потому что истощенная земля больше не могла прокормить его народ. В Италии, на которую после этого двинулись вестготы, они рассчитывали на богатую добычу, так как эта страна до сих пор не подвергалась нападениям варваров. Аларих перевалил через восточные Альпы, пересек Венетию и осадил Милан, в котором находился император. Стилихон вынудил готов снять осаду с города и отступить. При попытке занять Асти они понесли тяжелые потери; 6 апреля 402 г. произошла кровавая битва при Полленции (ныне Полленца на левом берегу Танаро), не принеся, впрочем, окончательной победы ни одной из сторон (O. Seeck, *Die Zeit der Schlachten bei Pollentia und Verona*, *Forschungen zur deutsche Geschichte* 24,

1884, S. 173-188). Но так как римлянами был захвачен готский лагерь, причем в плен попала и семья Алариха, Стилихону удалось заключить с вестготами договор, по которому Аларих должен был покинуть Италию (Были ли плененные вестготы выданы своим соплеменникам или остались на римской военной службе в качестве наемников, неизвестно; в пользу последнего высказывается: Seeck V, S. 574. В пользу выдачи: Stein, S. 379). Тем не менее, по неясным причинам вестготы повторили свое нападение в

том же или в следующем году (О 402 годе говорит О. Seeck, *Die Zeit der Schlachten bei Pollentia und Verona*. И напротив, Шмидт (S. 440) относит эту битву к 403 г). Стилихон вновь преградил путь Алариху и разгромил его при Вероне. При отступлении вестготское войско попало в окружение. И все же Стилихон, как и в 396 г., упустил возможность уничтожить вестготское племя и заключил с Аларихом федеративный договор, вследствие чего вестготы были расселены в области Савы (Seeck V, S. 379).

Вероятно, тогда многие вестготы перешли непосредственно на службу империи. К их племени, скорее всего принадлежал и Сар, в последующие годы игравший значительную роль в качестве римского полководца (Schmidt, S. 440). Аларих по заданию Стилихона предпринял поход в Восточный Иллирик, чтобы присоединить эту провинцию к владениям Западной Римской империи. И все же это предприятие было прежде времени прекращено. Аларих потребовал в качестве компенсации за поход 4000 фунтов золотом, и хотя Стилихон смог добиться принятия этого требования, уступчивость римского полководца по отношению к Алариху немало поспособствовала его крушению. Летом 408 г. Стилихон пал жертвой антигерманской партии. Начались убийства семей германских солдат, живших в итальянских городах, после чего те, естественно, стали уходить с императорской службы и присоединяться к вестготам.

После смерти Стилихона Аларих вновь двинулся в Италию; вестготские требования о денежных выплатах и расселении в Паннонии были отклонены. Не встретив на своем пути сопротивления, Аларих проник в Италию и осадил Рим, который вскоре сдался на милость победителя из-за нехватки продовольствия. Аларих получил 5000 фунтов золота, 35000 фунтов серебра, 4000 шелковых платьев, 3000 шкур, окрашенных пурпуром, и 3000 фунтов перца (Seeck V, S. 394). Сверх того, римляне должны были отпустить к Алариху всех рабов, находившихся на тот момент в городе, которых он принял в свое войско (Schmidt, S. 443). Гонорий отклонил существенно возросшие требования Алариха: тот требовал предоставить земли для поселения в Венетии, Далмации и Норике (что открыло бы вестготам дорогу на Рим, а сам император оказался бы в полной зависимости от воли Алариха), а также высший полководческий пост, который дал бы ему право единолично командовать и без того разваливающейся западноримской армией. После отказа Аларих сократил свои требования до передачи одного Норика, но после некоторых колебаний Гонорий счел необходимым решить вестготскую проблему военным путем. Теперь Аларих прибег к иным методам: он вновь двинулся на Рим и вынудил сенат провозгласить императором префекта города Аттала (Seeck V, S. 403). Если бы Алариху удалось добиться всеобщего признания Аттала, вестготы могли рассчитывать на выполнение всех своих требований. Но и этот ловкий ход не принес желаемого результата. Аттала признавали императором только там, где в данный момент стояли готские войска. Хотя язычник Аттал и позволил крестить себя готскому епископу и принял христианство в арианском

варианте, он не согласился переправиться с готами в Африку, чтобы захватить богатые хлебом провинции.

Несомненно, антигермански настроенный Аттала вовсе не хотел отдавать вестготам провинции, игравшие ключевую роль в снабжении Рима (Stein, S. 392). Так как Аттала также не мог обеспечить вестготов срочно требовавшимися запасами хлеба, Аларих вступил в новые переговоры с Гонорием, но они, хотя вестготский вождь и сместил Аттала, не привели ни к какому результату, так как Сар отсоветовал Гонорию заключать мир. После этого Аларих предпринял третий поход на Рим. 24 августа 410 г. обессиленный голодом город пал жертвой предательства. Хотя Рим и был подвергнут крупным грабёжам, на современников произвело большое впечатление поведение Алариха, запретившего трогать церкви и их имущество.

Падение Рима, все еще считавшегося столицей империи и не захватывавшегося со времен нападения галлов в IV веке до н. э., потрясло современников. Стала отчетливо видна слабость империи и нависшая над ней угроза. В консервативных кругах возрождалось язычество; падение Рима объясняли отступничеством от древних богов.

Против этих течений Августин написал свое главное произведение «О Граде Божием» (*De civitate Dei*) (v. Campenhausen, S. 195). Захват измученного города не принес вестготам никаких выгод. Им было нужно зерно. Это предприятие можно объяснить только тем, что Аларих переоценил политический эффект захвата Рима. Гонорий, находившийся в Равенне и чувствующий себя в полной безопасности, был не более расположен к переговорам, чем до падения столицы. Положение Алариха не улучшило даже то, что в руки готов попала Галла Платидия, сестра императора.

Аларих двинулся через Кампанию в Южную Италию, чтобы оттуда переправиться в Африку, но эта затея провалилась из-за бури в Мессинском проливе. После этого Аларих повел свои войска обратно на север. В этом походе в 410 г. его и настигла смерть. Он обрел свой последний покой на дне Бусенто у Козенцы (Schmidt, S. 452 и там же прим. 3).

Преемником Алариха был избран его родственник Атаульф, который, отказавшись от африканских планов, двинулся в Галлию. Политическое положение там было чрезвычайно запутано. Узурпатор Константин III осенью 411 г. покорился Гонорию, но вместо него о своих притязаниях на императорский трон при поддержке бургундов и аланов объявил новый претендент Иовин (Stein, S. 400). Попытки Атаульфа договориться с Иовином закончились провалом. Высшее должностное лицо в Галлии, префект претории Дардан, побудил Атаульфа вступить в переговоры с Гонорием. На сей раз обе стороны были готовы к компромиссу. Вестготы удовлетволялись передачей им для поселения провинции Аквитании Второй и сопредельных земель в провинции Новемпопулана и Первой Нарбоннской провинции. Сверх того, они получили согласие на поставки столь необходимого им зерна. Со своей стороны, вестготы обязались сражаться за империю в качестве федератов.

Переданные вестготам территории охватывали значительную часть Западной и Юго-Западной Франции с городами Бордо, Тулузой и Пуатье. С другой стороны, вестготы не получили выхода к Средиземному морю, сохранение власти над которым оставалось первоочередной задачей императора.

Вследствие недоразумений военные действия против римлян вскоре возобновились.

Так как правитель Африки Ираклиан провозгласил себя императором, легитимное правительство оказалось не в состоянии обеспечивать обещанные поставки хлеба.

Вестготы сочли это нарушением договора и в 413 г. захватили Нарбонн. Там в начале 414 г. состоялось бракосочетание Атаульфа и Галлы Плацидии. Несмотря на этот шаг, существенно укрепивший проримские тенденции в вестготской политике, мир удалось заключить далеко не сразу, так как на Галле Плацидии хотел жениться и Констанций, влиятельнейший человек при равеннском дворе. Атаульф вернул из политического небытия полузабытого Аттала и вновь возвел его на императорский трон. Прекращение всех поставок продовольствия со стороны равеннского правительства в конечном итоге вынудило вестготов уйти из Галлии. Зимой 414-415 гг. Атаульф двинулся в Испанию; в августе 415 г. он был убит в Барселоне своим дружинником из личной мести. Его преемника Зигериха через неделю постигла та же участь. Новый король Валия вернулся к плану Алариха в несколько измененном виде и попытался переправиться в Африку через Гибралтарский пролив. Впрочем, эта попытка также закончилась неудачей. Так как возвращение в Галлию натолкнулось на римское сопротивление, Валия был вынужден пойти на мирные переговоры. В сущности, был восстановлен договор 413 г. Вестготы получили значительное количество продовольствия, отказали Атталу в дальнейшей поддержке и передали римлянам Галлу Плацидию (Ibid., S. 404).

Выполняя обязанности федератов, они выступили в поход против аланов и вандалов-силингов в Испании и между 416 и 418 гг. в значительной степени уничтожили их основные силы. После завершения войны в Испании вестготы отправились в отведенные им для поселения земли. Валия умер в конце 418 г., вероятно, еще до возвращения своих соплеменников в Аквитанию.

II. Проблемы миграций. Отношение Атаульфа к Римской империи. Римляне и вестготы. Состав племени. Королевская власть. Христианизация вестготов.

Для времени между пересечением вестготами Дуная и их расселением в Галлии особенно актуальны три проблемы: отношения вестготов с римлянами, развитие королевской власти, объединившей все племя в единое целое, и принятие христианства в форме арианской ереси.

Кажущиеся бесцельными блуждания вестготов в пределах империи на протяжении примерно 40 лет на самом деле отражают адаптационные сложности, с которыми столкнулись готы с момента своего перехода через Дунай. Войны до и после битвы при Адрианополе отделили вестготов от их изначально оседлого образа жизни; очевидно, на время они вошли во вкус своей роли «странствующих воинов», что, должно быть, чрезвычайно затрудняло возвращение к оседлости. К тому же предыдущими войнами вестготы разорили выделенные им на Балканском полуострове земли, так что требовалось положить много времени и трудов, чтобы эти территории вновь стали приносить доходы. Причину странствий вестготов следует видеть в поиске прочной экономической базы, способной обеспечить племя необходимыми продуктами.

То, что за походами вестготов вовсе не стоял план уничтожения Римской империи, показывает прежде всего политика Алариха, который всегда стремился к переговорам с римскими властями. Так, Аларих провозгласил своего императора, только когда выяснилось, что Гонорий уклоняется от заключения мира. Впрочем, и этот поступок в сущности не угрожал самой системе: он явился признанием внутренних устоев Римской империи. Аларих считал, что следует стремиться к установлению договорных отношений непременно хоть с каким-нибудь императором. Он никогда не рассматривал возможности образования собственного, полностью юридически независимого от Рима государства. О том, что среди знатных вестготов были люди, которые думали по-другому, говорит высказывание Атаульфа. Во время своего пребывания в Нарбонне он сказал, что поначалу он хотел разрушить Римскую империю, чтобы установить на ее месте империю готов. Однако непривычка его соплеменников к законам и дисциплине убедила его в том, что будет лучше, если вестготы войдут в историю как воссоздатели Римской империи (*Orosius VII, 43, 5f.: se inprimis ardentem inhiasse, ut oblitterato Romano nomine Romanum omne solum Gothorum imperium et faceret et vocaret essetque, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset et fieret nunc Athaulfus quod quondam Caesar Augustus, at ubi multa experientia probavisset neque Gothos ullo modo parere legibus posse propter effrenatam barbariem neque reipublicae interdici leges oportere, sine quibus respublica non est respublica, elegisse saltem, ut gloriam sibi de restituendo in integrum augendoque Romano nomine Gothorum viribus quaereret habereturque apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator*). Следовательно, сначала Атаульф был врагом Рима. То, что подобные воззрения разделял не он один, доказывает возвышение Валии, который был обязан возведением на престол своим антиримским настроениям (*Ibid. VII, 43, 9*). Вероятно, к этому же течению, которое можно назвать «национал-готской» партией, принадлежал и его предшественник Зигерих (Так у Шмидта (*S. 459*) на основании образа действий Зигериха. Орозий (*VII, 43, 9*) говорит о миролюбии Зигериха. Вероятно, он не обладал достаточной информацией о его правлении, длившемся всего одну неделю).

Позднее Атаульф в корне изменил свою первоначальную позицию. То, что его высказывание не было ни голословным заявлением, ни выдумкой Орозия, подтверждается свадьбой Атаульфа и Галлы Плацидии, прошедшей по римскому обряду (Schmidt, S. 456). Брак гота с римлянкой был из ряда вон выходящим событием, особенно если вспомнить, что смешанные браки были запрещены вплоть до VI века. О политической значимости этой свадьбы можно судить по выбору имени для ребенка, названного в честь своего деда Феодосием (Ibid., S. 458). В этом Атаульф отступил от обычая давать вестготским царевичам германские имена, неукоснительно соблюдавшегося до VII века. Кроме того, имя Феодосий говорит о том, что этот ребенок мог претендовать на императорский трон. Ввиду бездетности Гонория подобные надежды вовсе не были беспочвенны. И действительно, позднее Западной Римской империей 30 лет правил сын Галлы Плацидии от второго брака Валентиниан III. Имя Феодосия одновременно содержит демонстративный намек на проготскую политику Феодосия I, которого Иордан назвал «другом мира и готов» (Иордан, 146).

Подобное понимание политики Феодосия показывает, какие надежды тогда питал Атаульф; его программу можно обобщить в словах «мир путем как можно более тесного римско-готского союза». В качестве сына Атаульфа Феодосий в перспективе мог быть провозглашен королем вестготов. Тогда он одновременно встал бы во главе Римской империи и готского племени. Однако, так как ребенок умер спустя несколько месяцев после рождения, этим планам не суждено было осуществиться.

Если внимательно рассмотреть политику Атаульфа по отношению к Риму, особенный вес приобретает сообщение Иордана о намерениях Алариха. Как сообщает Иордан, он просил Гонория поселить вестготское племя в Италии, чтобы оно жило рядом с римлянами и оба народа стали как бы единым целым (Там же, 152: ... quatenus si permetteret, ut Gothi pacati in Italia residerent, sic eos cum Romanorum populo vivere, ut una gens utraque credere possit (Если бы он позволил готам мирно поселиться в Италии, они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое (пер. Е. Ч. Скржинской)). Иную позицию занял Шмидт (S. 447), посчитавший это высказывание продуктом остготской пропаганды Кассиодора.

Впрочем, после всего вышесказанного, такая точка зрения кажется ошибочной).

Следовательно, Аларих стремился к сближению римлян и вестготов, которое должно было в итоге привести к слиянию. Устойчиво проготская политика Стилихона предполагает, что этот римский полководец вполне обоснованно надеялся найти понимание среди готов. Таким образом, концепция Атаульфа возникла вовсе не на пустом месте; скорее она представляется естественным продолжением прежних тенденций. В связи с этим кажется маловероятным предположение Л. Шмидта, согласно которому проримская позиция Атаульфа является результатом влияния Галлы Плацидии, якобы выставившей необходимым условием своего согласия на

брак изменение Атаульфом вестготской политики (Schmidt, S. 456). Движущими причинами такой политики были явления как материального, так и идейного порядка. Вестготы должны были на собственном горьком опыте понять, что все победы над империей не имеют никакой цены, если не удастся добыть продовольствие. Кроме того, вожди вестготов довольно рано могли оценить значение государственной организации; в словах Атаульфа явно звучит уважение к строю и порядку римского государства. Его жалобу на готов следует понимать в том смысле, что он считал их неспособными создать организацию, хотя бы отдаленно напоминающую римскую. Примечательно, что Аларих, Атаульф и Валия поначалу были враждебно настроены к Риму. Но затем все трое убедились, что разрушение империи, если оно вообще возможно, не принесет вестготам никакой выгоды.

Таким образом, встает вопрос, имела ли бы успех политика, направленная на сотрудничество между римлянами и вестготами. Одни вестготы, несомненно, не могли поправить пошатнувшееся военное положение империи. В этом пункте Атаульф переоценил возможности своего племени. Сверх того, нехватка войск была лишь следствием конституционного кризиса империи, который нельзя было устранить, лишь прибегнув к помощи вестготов. Создается впечатление, что обе стороны неверно оценили положение. Вестготы, как и римляне, не смогли осознать подспудных причин слабости империи.

Римляне неоднократно завязывали дружественные отношения с вестготами.

Приведенное выше высказывание Атаульфа Орозий узнал от человека, принадлежавшего в Нарбонне к ближайшему окружению короля (Orosius VII, 43, 4).

Паулин из Пеллы, которого Аттал назначил смотрителем королевской сокровищницы (*comes sacrae largitionum*), присоединился к этой партии «из любви к готскому миру» (Paulinus von Pella, *Eucharisticos*, v. 302). Он рассказывает, что многие готы защищали хозяев, у которых они останавливались, от посягательств их соотечественников (*Ibid.*, v. 289). Римское окружение Аттала также оказывало определенное влияние на руководящие круги вестготов. По меньшей мере, у них была возможность получить сведения об устройстве и организации римского государства из первых рук. Низшие слои общества, по-видимому, получали представление о римском образе жизни и воззрениях от многочисленных перебежчиков (Орозий (VII, 41, 7) говорит о том, что были такие римляне, которые с большей охотой жили под властью готов, чем под властью империи. Так как Орозий писал вскоре после 418 г. и, таким образом, описывал обстоятельства, предшествовавшие поселению, следовательно, эти римляне присоединялись к готскому племени еще во времена его миграций). И все же во время миграций отсутствовали предпосылки для интенсивной романизации. Хотя то, что вестготы научились ценить материальные достижения римской

цивилизации, доказывает требование предоставить им большое количество перца.

Этнический состав племени с трудом поддается определению, так как во время миграций он подвергся значительным изменениям. Уже во Фракии к вестготам присоединились рудокопы. К ним добавились остготские, аланские и гуннские отряды.

Численность вестготских войск резко возросла после убийства Стилихона, когда к вестготам из Италии бежали солдаты-германцы; по некоторым данным, тогда к ним перешло 30000 человек, среди которых были, вероятно, и остготы, в 406 г. попавшие в римский плен. В 408 г. к Алариху перешло приблизительно 40000 рабов (Wenskus, S. 476).

Должно быть, большинство воинов было германского происхождения, но среди них находились и негерманцы. Наконец, ко времени правления Валии вестготы получили подкрепление со стороны отряда остготов во главе с Беремудом и его сыном Витирихом, стремившихся избавиться от гуннского владычества (Иордан, 174). Так как Беремуд принадлежал к роду Амалов, он надеялся со временем стать правителем вестготов.

Л. Шмидт оценивает численность вестготов к моменту битвы при Адрианополе примерно в 40000 человек, в то время как при расселении в Галлии она могла составлять приблизительно 100000 (Schmidt, S. 403, 453). Так как вместе с тем следует считаться со значительными потерями в ходе непрекращавшихся боев, прирост населения, скорее всего, происходил исключительно за счет притока новых отрядов.

Только часть вестготов, поселившихся в Галлии, идентична готам и их прямым потомкам, перешедшим в 376 г. через Дунай. Впрочем, приток иноплеменников не представлял опасности для единства племени, так как присоединившиеся вскоре стали причислять себя к вестготам и ощущать себя частью вестготского племени. Вестготы составляли кристаллизующее ядро «лавины народов». Строго говоря, следовало бы различать два аспекта: этническое происхождение захвативших Галлию вестготов и их ощущение принадлежности к единому политическому конгломерату, но исторически релевантна только самоидентификация, так что этническое происхождение людей, ощущавших себя вестготами, представляется несущественным.

Для поддержания единства среди вестготов большое значение имела эволюция королевской власти. Фритигерна следует называть еще герцогом. В принятии решений он был в высокой степени зависим от знати. Когда в 382 г. вестготы заключили мир с Феодосием, договор с их стороны утвердили «правитель и старейшины» (Ibid., S. 419).

Таким образом, они представляли не Фритигерна, а племя. В военных вопросах Фритигерн также мог только советовать, но не приказывать. После поражения Валента вестготы вопреки воле своего вождя начали осаду Адрианополя (Ibid., S. 412). Еще раньше Фритигерн, чтобы избежать ненужных потерь, пытался отговорить соплеменников от проведения осад (Аммиан Марцеллин 31, 6, 4). Ослабла ли герцогская власть после битвы при Адрианополе, как полагал Л. Шмидт, не вполне ясно (Schmidt, S. 413).

Однако распыление основных сил вестготов, отсутствие у них единого руководства показывают слабость положения Фритигерна.

После его смерти, точную дату которой мы не можем установить, сначала, по-видимому, на его место не был назначен преемник; вестготы получили нового вождя только с выборами Алариха. Когда Исидор Севильский видит причину возвышения

Алариха в расторжении договора (*foedus*) с империей и считает это признаком новообретенной самостоятельности, конечно же, речь идет о позднейшей интерпретации, тем не менее, правильно определяющей политическое значение этого события (*Isidor HG 12: ... Gothi patrociniū Romani foederis recusantes Alaricum regem sibi constituunt, indignum iudicantes Romanae esse subditos potestati*). Вероятно, Аларих был провозглашен герцогом (*Schmidt, S. 425*). Его приходу к власти, несомненно, способствовало происхождение из рода Балтов, знатнейшего готского рода после Амалов, (*Иордан, 146*). и все же только военные успехи дали ему в глазах соплеменников право именоваться «могущественным королем» (*Wenskus, S. 322*).

Укрепление авторитета Алариха проявилось прежде всего в том, что он выступал представителем своего племени в переговорах с римлянами и заключал договоры. И все же по существу его власть была немногим больше власти герцога. Когда во время похода в Италию его войско попало в окружение, он был вынужден выслушивать горькие упреки знатных готов (*Claudian, bell. Pollent., v. 485*). Перед принятием важных решений Аларих советовался с «одетым в шкуры сенатом готов» (*Ibid., v. 481*).

Упомянутый Сидонием Аполлинарием в середине V века «совет старейшин», возможно, идентичен собранию, о котором говорит Клавдиан (*Apollinaris Sidonius, Carmina VII, v. 458*).

Правители вестготов достигали своего положения путем выборов (Аларих: *Иордан, 146*; Атаульф: *Schmidt, S. 452, прим. 5*; Валия: *Orosius VII, 43, 9*. У нас нет свидетельств о выборах Зигериха). Круг выборщиков и процедура выборов неизвестны. Права наследования поначалу не существовало, хотя Атаульф был обязан своим возвышением не в последнюю очередь родству с Аларихом. Атаульф рассчитывал, что после его смерти королем будет избран его брат (*Schmidt, S. 459*). Так как Зигерих приказал убить детей от первого брака Атаульфа, он, по-видимому, считал возможным переход к ним власти по праву наследования. Происхождение Валии неизвестно. Так как остгот Беремуд питал надежды на свое избрание королем, знатность рода должна была играть существенную роль при выборах.

Судьба царьков неясна; так как во время миграций связь родов ослабла, следует предполагать и уменьшение их власти. Вероятно, они влились в состав готской знати. В любом случае, источники предоставляют нам о руководящем слое крайне скудные сведения. Говоря о времени миграций, нужно учитывать значительную социальную мобильность, так как отныне

основанием для высокого положения в обществе служили не земельные владения с их гарантированным доходом, а военная добыча.

Ко времени перехода через Дунай большинство вестготов были язычниками. По единодушному свидетельству источников, они решились на принятие христианства только после вступления на территорию империи. Так как заключивший с ними договор император Валент придерживался арианского вероисповедания, вестготы приняли арианство. Это вероучение сознательно уклонялось от христологических спекуляций; его приверженцы в догматическом отношении вернулись во времена до Никейского собора (325 г.) и ссылались на Библию, в которой не встречаются понятия, разработанные св. Афанасием и его последователями (Schubert, S. 22). Принятие вестготами арианства стало результатом случайно сложившейся религиозно– политической ситуации (Schaeferdiek, S. 5). Уже Феодосий принял исповедание

Афанасия, но вестготы не изменили своих взглядов, тем более что они до 382 г. находились в состоянии войны с римлянами. Когда был заключен мир, это не послужило поводом к обращению в ортодоксальное вероисповедание. Впрочем, скорее всего, большинство вестготов не вполне ясно представляло себе важность догматических различий.

Единичные случаи сохранения язычества отмечались еще в IV веке. Фравитта был сторонником древних богов, хотя не исключено, что он исповедовал язычество греко-римского образца (Thompson, S. 105).

Готы, отделившись от племени и состоявшие на императорской службе, частью перешли в ортодоксальную веру. Это подтверждается просьбой епископов Суннии и Фретелы к Иерониму. Они просили ученого написать комментарии к переводу Библии (Ibid., S. 138).

Христианизация вестготов проходила очень быстрыми темпами. Так, в день битвы при Поллентии они не ожидали нападения римлян, так как полагали, что христиане не сражаются на Пасху. Бережное отношение к римским церквям в 410 г. также говорит о христианских убеждениях вестготов.

На церковную организацию наложили свой отпечаток условия постоянных миграций.

Речь шла о племенной церкви, к которой принадлежали только члены этнических групп, участвовавших в общих передвижениях и которая, таким образом, не была ограничена определенной территорией. У племени был по крайней мере один епископ, который, в отличие от своих римских собратьев, не имел постоянного места жительства. О клире нам ничего не известно. Языком богослужения был готский (Schubert, S. 23). Уже во Фракии появился готский праздничный календарь (Издан Н. Achelis, *Der aelteste deutsche Kalender, Zs. f. neutestamentl. Wiss.* 1900, S. 308).

Эпоха миграций стала для вестготов периодом перехода от старых, в государственном отношении примитивных форм к становлению государства на римской земле и под римским влиянием. В течение этих 40 лет изменились этнический состав племени, внутреннее устройство,

перестроившееся в связи с усилением королевской власти, и религия вестготов. Народ, поселившийся в 418 г. в Аквитании, связан с вестготами, перешедшими в 376 г. через Дунай, только лишь этническим самосознанием.

Тулузское королевство (418-507)

I. Теодерих I. Турисмунд. Теодерих II. Еврих. Аларих II. Поражение при Пуатье.

Приход к власти Теодериха I (засвидетельствован вариант Теудеред) по времени совпадает с колонизацией вестготами провинции Аквитания Вторая и пограничных частей соседних провинций. По всей видимости, сначала племя было целиком и полностью занято освоением этих земель, так как первые упоминания о вестготах снова появляются в источниках только в 422 г. В этом году они совместно с римским полководцем Кастином выступили против вандалов, поселившихся в Бетике. Важнейшей чертой, определявшей вестготскую политику на протяжении последующих десятилетий, было стремление заполучить выход к Средиземному морю, что на первых порах выразилось в попытках захватить города Арль и Нарбонн. Когда после смерти

Гонория в 423 г. императорский трон узурпировал Иоанн, Теодерих I использовал эту смуту для расширения границ своего государства. И все же при осаде Арля (425 г.) он потерпел поражение от римского полководца Аэция (Seeck VI, S. 95). Включал ли договор, подписанием которого в 425 г. завершилась война с Римом, пункт о расторжении федеративных отношений, неизвестно (О расторжении федеративных отношений говорит Шмидт (S. 464). С ним соглашается М. Торрес (M. Torres, Historia de Espana, S. 62). И напротив, Р. д'Абадаль (S. 34) говорит о сохранении статуса федератов Теодерихом I. Мы присоединяемся к этой точке зрения, ибо передача имперских земель без договора о foedus в те времена была бы чем-то неслыханным. Полного суверенитета достиг только вандальский король Гейзерих в 442 г (Г.-И. Диснер, Королевство вандалов. Взлет и падение, СПб 2002, перевод Санина В. Л. и Иванова С. В., с. 68-69 [Далее – Диснер]). Подобная уступка вестготам в более ранний период нашла бы свое отражение в наших источниках). Впрочем, вестготы и без того нарушили этот договор всего лишь через несколько лет. Новое нападение на Арль вновь было отбито Аэцием, причем предводительствовавший войском вестготов военачальник попал к римлянам в плен (Schmidt, S. 465). Хотя вестготы после окончания войны в целом соблюдали условия договора, их посольство, направленное в 431 г. к свевам, кажется, вело переговоры о заключении анти-римской коалиции; об этом говорит тон повествования хрониста Идация

(Hydatius 96). Однако в то время свевы не были расположены к политическим авантюрам.

Более масштабная война с римлянами началась в 436 г., когда вестготы двинулись на Нарбонн. После недолгой осады они вынудили римского полководца Литория к отступлению. К сожалению, мы располагаем чрезвычайно скудными сведениями о дальнейшем ходе борьбы. Мы знаем лишь то, что события стали разворачиваться не в лучшую сторону для вестготов и Литорий в 439 г. стоял перед воротами Тулузы.

Уверенный в своей победе Литорий отклонил просьбы о мире, которые обращал к нему осажденный Теодерих. В решающей битве, закончившейся в пользу римлян, римский полководец был смертельно ранен (Ibid., S. 467). После этого галльский префект претории Авит счел за благо заключить с вестготами мирный договор; вероятно, именно тогда они сложили с себя статус римских федератов (Stein, S. 482). и тем самым сделали важный шаг на пути к развалу Римской империи. Причина того, что на протяжении последующих десятилетий не происходило военных столкновений с участием вестготов, лежала, возможно, в тяжелых потерях, понесенных вестготами в боях с нанятыми Литорием гуннами. Во внешнеполитической сфере Теодерих добился одного крупного успеха: он обручил одну из своих дочерей с Гунерихом, сыном короля вандалов Гейзериха. В основе этого брачного союза, очевидно, лежал союз политический, острие которого могло быть направлено только против Рима. Совместное выступление вестготов и вандалов могло нанести империи роковой удар. К счастью Валентиниана III этому не суждено было сбыться. В 442 г. Гейзерих заключил с Римом мирный договор. Так как вскоре после этого возникла возможность свадьбы Гунериха с римской принцессой, Гейзерих обвинил свою вестготскую невестку в заговоре. Несчастной отрезали нос и уши, и в таком виде отослали к отцу (Диснер, с. 72). Таким образом, вандало-вестготский союз распался. Теодерих обратился к свевам, но скрепленный брачным союзом альянс с Рехиаром вовсе не был безоблачным. Напряженными оставались и отношения с Римом. Причину этого следует искать в политике Аэция, который опирался на наемников-гуннов, чтобы сохранять максимальную независимость от вестготов. Только нападение гуннов сплотило вестготов и римлян. Гонория, дочь Галлы Плацидии и сестра Валентиниана III, которую вынудили дать обет вечной девственности, захотела вступить в брак с Аттилой, который после этого потребовал в приданое половину империи. Затем, когда его притязания были отвергнуты, король гуннов попытался столкнуть вестготов и римлян. Однако Теодерих отдавал себе полный отчет в том, что в конечном итоге Аттила был столь же опасен и для вестготов, (Stein, S. 494). и привел свое войско к Аэцию. Совместно они вынудили Аттилу снять осаду Орлеана. В битве при Каталаунских полях, местности в окрестностях Труа, Аттила потерпел поражение. Вестготы составляли, пожалуй, большую и во всяком случае самую боеспособную часть победителей. Теодерих погиб в бою. Еще на поле битвы вестготское войско провозгласило королем его сына Турисмунда (Schmidt, S. 471). Аэций не

стремился к полному уничтожению гуннов, они обеспечивали его независимое положение от вестготов. Поэтому он посоветовал Турисмунду как можно быстрее двигаться в Тулузу, чтобы предупредить возможные попытки его братьев захватить власть в свои руки. То, что подобные опасения не были измышлением римского полководца, подтверждает убийство Турисмунда в 453 г. Отход вестготов позволил Аэцию дать уйти побежденным гуннам. Когда в 452 г. Аэций отражал возобновившиеся нападения гуннов на Италию, Турисмунд выступил против аланов, союзников Рима, в районе среднего течения Луары и подчинил себе область вокруг Орлеана (Prosper Tiro, a. 453). Это событие показывает, что за последние годы власть вестготов распространилась на север, так как эти земли не граничили с территориями, которыми вестготы владели по договору 418 г. В какой-то момент Турисмунд направился к Арлю, где галльскому префекту претории Тонанцию Ферреолу удалось с помощью дипломатии – он будто бы пригласил короля на званый пир – отговорить его от намерений захватить город (Apollinaris Sidonius ep. 7, 12, 3). Смена правителя, которая произошла в 453 г., повлекла за собой и изменения в вестготской внешней политике: брат и преемник Турисмунда, Теодерих II, проводил проримскую политику и восстановил федеративные отношения. Если тем самым новый король признал теоретическое верховенство империи, вместе с тем возрос и политический вес вестготского государства. Теодерих хотел стать основной опорой Рима (Seeck VI, S. 327). Уже в 454 г. вестготское войско под предводительством его брата Фредериха двинулось в Испанию, чтобы подавить восстание багаудов в Тарраконской Испании (Hydatius, 158).

После убийства Валентиниана III (455 г.) Теодерих II без колебаний признал нового императора, Петрония Максима. Когда тот был в свою очередь убит, Теодерих побудил возложить на себя бармы галльского сенатора Авита, который познакомил вестготского короля во времена его юности с римской культурой. В сопровождении вестготских войск Авит после своего избрания 9 июля 456 г. прибыл в Италию. Впрочем, большая часть войска вестготов во главе с Теодерихом II двинулась в Северную Испанию, чтобы отразить нападения свевов, разграблявших римские земли. Теодерих заключил с королем бургундов Гундиоком союз, в котором основную силу составляли вестготы (Prosper Tiro, a. 457). Отсутствие Теодериха сыграло роковую роль в судьбе его ставленника Авита: император пал жертвой интриги западноримского патриция Рикимера, который по материнской линии был племянником короля вестготов Валии (Seeck VI, S. 331). Убийство Авита привело к фундаментальным изменениям в вестготско-римских отношениях. Если сначала Теодерих II, по-видимому, пытался продолжать политику Атаульфа и поддерживать Римскую империю военной мощью вестготов, для чего были созданы самые благоприятные предпосылки, так как Теодорих и Авит были друзьями, (Stroheker, Senator. Adel S. 52). то теперь король вестготов отвернулся от Рима, помогать которому и далее было, очевидно, бессмысленно. Теперь речь могла идти лишь о том, чтобы извлечь как можно больше выгод из сложившегося

положения. В этом стремлении он нашел поддержку у галльской аристократии, которая после убийства Авита ощутила, что ее лишили возможности принимать участие в политическом руководстве империей. Чувства галльской аристократии иногда принимали даже ярко выраженные сепаратистские черты (Stein, S. 552). Теодерих II двинулся на Арль, но императору Майориану удалось отстоять город. Это был последний властелин Рима, который предпринимал энергичные попытки восстановления былого могущества. Федеративный договор с вестготами был возобновлен (Ibid., S. 560). Убийство Майориана в 461 г. также ничего не изменило в отношениях вестготского государства с Римом, но на этот раз Теодерих сумел использовать эту ситуацию. Так как новый император, ставленник Рикимера Ливий Север, не был признан римским полководцем в Северной Галлии Эгидием, он обратился к Теодериху. Король вестготов в 462 г. под предлогом оказания помощи Ливию Северу завладел Нарбонном, который он столь давно хотел присоединить к своим владениям. И напротив, поход Фредериха в область среднего течения Луары закончился тяжелым поражением (Marius v. Avenches, a. 463). Эгидий был тогда опаснейшим противником вестготов. Он вступил в переговоры с королем вандалов; (Hydatius, 224). вероятно, планируя одновременное нападение на Италию и на королевство вестготов. Смерть Эгидия избавила Теодериха от этой угрозы. Вестготы не замедлили перейти в наступление и захватили земли в среднем течении Луары (Schmidt, S. 485). Убийство Теодериха его младшим братом Еврихом завершило начальный этап вестготской экспансии. Первые годы правления Евриха ознаменовались значительным оживлением дипломатической активности, направленной, вероятнее всего, против Римской империи, так как в качестве союзников Евриха появляются свевы и прежде всего вандалы (Stroheker, Eurich, S. 12). Он сложил с себя статус федерата, и все же его политика альянсов не принесла ощутимых результатов. Известия о крупной римской морской экспедиции побудили его незамедлительно отозвать своих посланцев из Карфагена (Hydatius, 240). И все-таки широкомасштабные планы по заключению союзов с другими племенами показывают, что Еврих собирался продолжать и даже развивать политику расширения пределов своего государства, основы которой были заложены его предшественниками (Штроэкер (Eurich, S. 7) видит в политике Евриха смену политического курса своего предшественника. И все же если учитывать поворот вестготской политики, наступивший после смерти Авита, то действия Евриха окажутся логическим продолжением устремлений его брата). Позднее, когда императором стал Анфемий (468 г.), Еврих вознамерился подчинить себе всю Галлию – предположительно, за исключением бургундских земель, (Иордан, 237). – но претворению этих замыслов в жизнь помешал мощный оборонительный союз, который римляне заключили с франками, бретонцами и бургундами (Stroheker, Eurich, S. 19).

При таких обстоятельствах Еврих в 469 г. обратил свои взоры на Испанию, где вряд ли можно было ожидать столь же сильного сопротивления; (Hydatius, 245). вестготы захватили Мериду. Другое

вестготское войско выступило против бретонцев, которые во главе со своим королем Риотамом заняли окрестности Буржа. При Деоле (ныне Шатору) произошла битва, в которой бретонцы потерпели поражение (Schmidt, S. 489). Вестготы смогли закрепиться на этой территории, хотя на первых порах сам Бурж остался римским (Шмидт (S. 489) ошибочно говорит о занятии вестготами Буржа после битвы при Деоле; ср. D. Claude, *Topographie und Verfassung der Staedte Bourges und Poitiers bis in das 11. Jh.*, 1960, S. 46). Теперь Еврих повернул войска против римской Южной Галлии, добившись наибольших успехов прежде всего на побережье Средиземного моря и в 470 г. выйдя к Роне (Stroheker, Eurich, S. 32). Анфемий предпринял попытку вытеснить вестготов, но его войско (последнее римское войско, вступившее в Галлию) было разбито Еврихом в 471 г. на восточном берегу Роны. Мимоходом вестготы даже захватили земли на левом берегу реки южнее Валанса, которые, впрочем, вскоре были отбиты у них бургундами (Stein, S. 580). В руки вестготам очень быстро попали и остальные части провинции Аквитаника Первая; только в Клермоне бывший префект Рима и теперешний епископ Сидоний Аполлинарий вместе с Экдицием, сыном императора Авита, оказывали ожесточенное сопротивление вплоть до 475 г (Stroheker, Eurich, S. 63).

Одновременно продолжалась вестготская экспансия в Испании. После того, как свевы были оттеснены в горные районы Галисии, вестготы захватили Испанию Тарраконскую. Теперь сложно установить, как именно протекало завоевание.

Сопrotивление и здесь оказывала только знать, так как Римская империя уже была не в состоянии вмешаться в эти события (Лот (S. 324) считал, что Испанию Тарраконскую уступил только император Зинон в 477 г. Тем не менее, у нас нет оснований предполагать, что эта провинция когда-либо подчинялась византийскому императору).

Сознавая свое бессилие, император Непот вступил в переговоры с Еврихом. В 475 г. был заключен мирный договор, по которому римляне против воли овернской аристократии оставляли Клермон и захваченные вестготами земли (Stroheker, Eurich, S. 78). Рим признал полную независимость Евриха. Под римской властью теперь осталась только область к востоку от Роны и к югу от Дюранса с главным городом Арлем. Однако после свержения последнего императора Западной Римской империи Ромула осенью 476 г. Еврих ввел свои войска и на эти территории, так как новый властелин Италии Одоакр не был в состоянии защитить их. Завоеванием Прованса закончилась вестготская экспансия в Галлии. По всей видимости, Еврих отказался от старых планов покорить всю Галлию. Вероятно, причину следует искать в том сопротивлении, которое помешало Евриху распространить свою власть за Рону и Луару: вестготам приходилось вести ожесточенную борьбу с бургундами, римлянами в Северной Галлии во главе с Сиагрием, франками. Так как обе реки могли считаться «естественными границами» и, кроме того, вестготы владели плодороднейшими и важнейшими районами Галлии, дальнейшая экспансия в этом направлении не

представлялась задачей жизненной необходимости. К тому же численность вестготов была слишком мала, чтобы заселить хотя бы уже завоеванные испанские земли. Еврих не стремился к созданию всемирной империи (Так справедливо считает Штроэкер (Eurich, S. 86)., в отличие от Шмидта (S. 492)). Отказ от амбициозных планов Атаульфа чрезвычайно показателен и говорит о том, что вестготы под впечатлением от падения Западной Римской империи отrekliсь от идеала единого государства, охватывающего весь цивилизованный мир. Последние годы правления Еврих, очевидно, не вели никаких войн; он был занят консолидацией захваченных земель и церковной политикой. Примечательна и его дипломатическая активность. Так, в 507 г. в своем письме королю тюрингов король остготов Теодерих упоминает о том, что Еврих заступался за тюрингов и помогал им (Cassiodor, 3, 3). Хотя время и ход этих событий неизвестны, можно предположить, что контакты с тюрингами были направлены против франков. Сидоний Аполлинарий отмечает прибытие к тулузскому двору даже персидского посланца; вероятно, они обсуждали какие-то планы, направленные против Восточной Римской империи, хотя из-за своего географического положения вестготское королевство вряд ли смогло бы оказать Персии сколь-нибудь значительное содействие (Stroheker, Eurich, S. 127). Когда в 484 г. Еврих умер, государство вестготов находилось на вершине своего могущества: оно со своей общей площадью в 700 – 750 000 км² и с населением почти 10 миллионов человек (Ibid., S. 88). было самым крупным из государств, образовавшихся на развалинах Рима. По сравнению с этим власть Одоакра в Италии кажется весьма скромной. Могущество вандальского государства исчезло при Гунерихе; (Диснер, с. 90). бургунды не могли соперничать с вестготами, королевство свевов занимало отдаленную провинцию, а экспансия франков еще не началась. На самом деле, франкская проблема стала приобретать все более угрожающие очертания во время правления сына и преемника Евриха. На момент своего восшествия на престол Аларих II, должно быть, был еще очень юн, так как Теодерих Великий в 507 г. называет его мужчиной в расцвете сил (Cassiodor, 3, 4). К сожалению, источники необычно скупо освещают историю правления Алариха II, сообщая лишь о важнейших событиях, происходивших в этот период. Франки, которых объединил под своей властью Хлодвиг, победили в 486 г. под Суассоном римлянина Сиагрия, который до того самостоятельно управлял Северной Галлией. Победенный бежал в Тулузу, где Аларих поначалу предоставил ему убежище. Однако позднее, когда Хлодвиг под угрозой объявления войны потребовал его выдачи, вестготы уступили. Сиагрий был закован, передан франкским посланцам и затем казнен (Григорий Турский, 2, 27). Этот постыдный поступок Алариха позволяет сделать вывод о том, что вестготы осознавали военное превосходство франков.

Тем не менее, поход, который Аларих II предпринял в 490 г. в поддержку Теодериха Великого, протекал весьма успешно. Вторгшиеся в Италию остготы натолкнулись в войне против Одоакра на определенные сложности, которые были преодолены с помощью вестготов (Excerpta

Valesiana, 53). В последующие годы, должно быть, происходили столкновения с франками в области средней Луары. Так как в 496 г. вестготами был захвачен Сент, какое-то время до того этот город должен был принадлежать франкам (Prosper Havniensis, a. 496). Два года спустя франки проникли до Бордо, где они захватили в плен вестготского герцога Суатрия (Ibid., a. 498). Впоследствии, по всей видимости, образовался вестготско-бургундский союз против франков, так как король бургундов Гундобад отсылал франкских пленных в Тулузу (Григорий Турский, 2, 23). Около 502 г. эти столкновения закончились. Поскольку Аларих II и Хлодвиг встретились на острове посреди Луары у Амбуаза, граница между вестготами и франками, вероятно, проходила именно по этой реке (Ibid., 2, 35). О чем велись переговоры, неизвестно, но вполне возможно, речь шла о взаимном признании владений. Во время этих неприятностей с франками вестготы были вынуждены воевать и в Испании. Сарагосская Хроника сообщает, что в 496 г. в Испании поднял восстание некий Бурдунел, который в следующем году был выдан своими приближенными и сожжен в Тулузе в медном быке. Вероятно, эти события следует связывать с восстаниями багаудов, которые сотрясали Испанию в середине V века. В начале VI века произошло еще одно восстание, поднятое неким Петром; он был убит в 506 г. Так как его голову отвезли в Сарагосу, вероятно, центром восставших была область реки Эбро, что опять же указывает на связь с багаудами. В том же году в руки вестготов перешла Тортоса. Тем самым в состав вестготского королевства вошла значительная часть Испании. Примечательно, что Иберийский полуостров впервые приобрел важное значение в глазах вестготов только при появлении франкской угрозы. При римлянах Испания казалась придатком Галлии. Процесс романизации также не затронул ее (за исключением побережья Средиземного моря) в столь значительной степени, как Галлию. Начиная с 409 г. эта страна чрезвычайно пострадала от нападений вандалов, аланов и свевов. Хотя после уничтожения аланов (416-418) и ухода вандалов в 429 г. образовался определенный вакуум власти, который не сумела заполнить Римская империя, вестготы начали принимать участие в испанских делах (и то очень нерешительно) только с 456 г. После этого, во второй половине V века они постепенно присоединили этот полуостров к своим владениям. Заключенный в 502 г. мир с франками был нарушен Хлодвигом. Теодерих Великий упоминает в одном письме, написанном около 507 г., что франки заняли вестготскую область и что в боях погиб один из членов королевского рода (Cassiodor, 3, 1: non vos parentum fusus sanguis inflammat, non graviter urit occupata provincia. У нас нет оснований, отклоняясь от мнения издателя, вслед за Шмидтом (S. 498) относить дату написания этого письма ко времени сразу после 500 г. Его аргумент (ibid., прим. 7), что бургунды в 507 г. находились на стороне франков неубедителен хотя бы потому, что письмо, приведенное Кассиодором (3, 2) ни в чем не противоречит этому факту).

Король остготов, дочь которого Тиудигото стала женой Алариха II, пытался защитить своего зятя, тем более что речь шла о поддержании столь желанного для Теодериха «равновесия сил». Посоветовав Алариху II ничего

не предпринимать, он обратился к Хлодвигу с призывами к миру и пригрозил в случае отказа военной интервенцией; королей бургундов, тюрингов и герулов он попросил выступить в роли третейских судей (Cassiodor, 3, 2-3). Однако призывы Теодориха остались втуне. Вероятно, Хлодвиг перешел в наступление, так как решающее сражение состоялось у Пуатье, глубоко в вестготских владениях (По поводу места битвы идут споры. Ср. Schmidt, S. 502 и прим. 2. Широко распространенная локализация места битвы при Вуйе не подкреплена надежными данными). Войско вестготов потерпело сокрушительное поражение, Аларих II погиб. Победители быстро проникли в центральные области вестготского государства и взяли Бордо и Тулузу, где в их руки попала часть королевской сокровищницы (Григорий Турский (, 37) ошибочно говорит о том, что вся королевская сокровищница (cunctos thesauros) была обнаружена франками в Тулузе. Из сообщения Прокопия (Война с готами, 1, 12) выясняется, что по меньшей мере значительная часть сокровищницы была перевезена для безопасности в Каркассон).

Сын Хлодвига Теудерих занял Овернь; римская знать этой области сражалась в битве при Пуатье на стороне вестготов.

Причину сокрушительного поражения, которое привело к потере почти всей галльской половины вестготского государства, не следует видеть, как показал К. Шефердик, в напряженных отношениях между арианами-вестготами и ортодоксами-римлянами, которые якобы желали победы ортодоксальному королю франков (Одним из последних мнение о том, что конфессиональные противоречия имели политические последствия, высказал Шмидт (S. 498). Аргументацию против см. Schaeferdiek, S. 33). Именно Аларих II стремился к налаживанию хороших контактов с римлянами. Так, возможно, при его содействии состоялось проведение цирковых игр в Сарагосе в 504 г (Chron. Caesaraug., a. 504). Организация игр считалась императорской привилегией; Аларих мог рассчитывать предстать таким образом перед римлянами в облике наследника империи (Ср. Прокопий Кесарийский, Война с готами, 3, 33, 5). На одной гемме мы видим Алариха с римской прической и по-римски подстриженной бородой (P. E. Schramm, Herrschaftszeichen und Staatssymbolik, 1954, S. 219). Принимая во внимание, какое значение в раннее Средневековье придавалось внешнему облику в качестве внешнего знака принадлежности к определенной этнической группе, можно по достоинству оценить важность такого поведения Алариха. Исидор Севильский осуждает короля, который якобы провел всю свою жизнь в праздности и пирах (Isidor, HG, 36). Впрочем его приговор, судя по тому, что мы знаем о деятельности Алариха II, не имеет под собой реальных оснований. Вероятнее всего кажется точка зрения, согласно которой поражение явилось следствием военного превосходства франков. То, что они могли выставить на самом деле большое войско, подтверждается их успешными действиями против остготов и византийцев в готской войне. К тому же ориентированные на ближний бой франки могли быть чрезвычайно опасны для привычных лишь к конному бою на расстоянии вестготов. Часто задают вопрос, как одно военное поражение могло привести к развалу

государства. Должно быть, свою роль сыграла смерть Алариха и отсутствие объявленного взрослого наследника; в первые недели после поражения, по всей видимости, не оказалось никого, кто смог бы объединить силы вестготов. Сарагосская Хроника совершенно верно передает последствия битвы, когда говорит, что «Гулузское королевство было разрушено франками» (Chron. Caesaraug., a. 507). Смерть короля, захват области поселения, потеря части королевской казны объясняют и подтверждают высказывание хрониста. Вместе с битвой при Пуатье и ее непосредственными результатами заканчивается еще одна эпоха вестготской истории.

II. Поселение в Галлии. Численность племени. Область поселения. Законодательство. Институт дружины. Организация войска. Язык и литература. Римляне в вестготском государстве. Отношение римлян к вестготам.

Поселение вестготов состоялось в 418 г. и проводилось в соответствии с законами, предусматривавшими, что пришельцам должна отойти часть имущества прежнего населения (C Th 7, 8, 1-16). Вестготы получили во владение не закрытую область, откуда было бы изгнано коренное население, но поселились бок о бок с римлянами; провинциалы должны были поступиться лишь частью своих владений. И все же, хотя римские законы предписывали передачу одной трети земельных угодий, вестготы получили две трети (CE 277) (A. d'Ors, Estudios Visigoticos 2, Rom-Madrid 1960, S. 173). Каким образом это произошло, неизвестно. Уступка двух третей пахотных земель на первый взгляд кажется чрезмерно жестоким условием, но следует учитывать тот факт, что вследствие варварских набегов обширные территории с 407 г. оставались необработанными и не приносили своим владельцам никаких доходов. К тому же, по-видимому, римляне получили право сами выбрать свою часть, так что они оставили у себя наиболее ценные земли. Сверх того, они удержали в своей власти две трети несвободного населения. Ввиду нехватки рабочих рук это было чрезвычайно благоприятное для римлян решение. Луга и леса использовались вестготами и римлянами совместно; позднее произошел раздел, по которому они были пополам разделены между обоими собственниками (Historia de Espana, S. 153). То, что раздел земель никоим образом не привел к оскудению римлян, подтверждается тем фактом, что и после 418 г. богатые сенаторы жили в вестготской области; должно быть, они сохранили значительную часть своих земельных владений (Stroheker, Senator. Adel, S. 78). Впрочем, отдельные владельцы, возможно, понесли тяжелые убытки, как Паулин из Пеллы, дядя поэта Авсония. Тем не менее причины его обеднения нельзя сводить только к расселению вестготов. Более бедное население, владений которых хватало лишь для прокормления семьи, скорее всего, не были включены в процесс раздела земель. Количество вестготов, получивших землю в Аквитании,

неизвестно. Л. Шмидт оценивает его в 100000 человек к началу V века; при этих подсчетах он опирается только на твердо установленный факт, что в 429 г. племя вандалов насчитывало 80000 человек. Однако, так как вестготы превосходили вандалов в военном отношении, они, согласно Шмидту, должны были быть и многочисленней (Schmidt, S. 50). Довольно спорным ввиду частых войн выглядит предположение Шмидта, (Ibid., S. 505). что в течение 90-летнего пребывания вестготов в Галлии их численность удвоилась. В 473 г. вестготы получили пополнение в виде отряда остготов во главе с Видимером, который перед тем со своей дружиной тщетно пытался поддержать императора Анфемия в борьбе с Рикимером (Иордан, 284). Эта группа влилась в состав вестготов. В. Рейнхарт на 507 г. определяет численность вестготов как равную примерно 70 – 80000 человек, что, как нам кажется, больше соответствует действительности, чем подсчеты Шмидта (W. Reinhart, *Mision historica de los Visigodos en Espana*, Estudios Segovianos 1951, nr. 9, S. 377). В любом случае, вестготы среди римлян составляли меньшинство, стремящееся к нулю. К.-Ф. Штроэкер полагает, что в процентном отношении при Теодерихе I племя вестготов насчитывало 10 процентов от всего населения, а при Аларихе II лишь 2 процента (Stroheker, Eurich, S. 9). Хотя обе эти цифры довольно гипотетичны, они тем не менее дают определенное представление об этническом составе вестготского государства. Судя по данным топонимики, вестготские поселения в основном располагались в окрестностях Тулузы (Карта с распределением вестготских топонимов в: E. Gamillschegg, *Romania Germanica I*, напротив S. 304). Некоторые топонимы образованы от названия племени «готы», (Ibid., S. 301). и сам этот способ наименования показывает, что принадлежность жителей к готскому племени воспринималась как их отличительный признак и что в окрестностях мест, носящих такие названия, жили римляне. Другие топонимы образованы от готских личных имен (например, Соннвиль (Sonneville) = Вилла Сунны, Бутвиль (Bouteville) = Вилла Буты). Так как личные имена в составе сложных слов предшествуют элементу – вилла, а это является чертой германских языков, мы можем сделать вывод, что эти названия возникли в среде готоязычного населения. В некоторых топонимах обнаруживается готский суффикс – *ingos* (Ibid., S. 304ff. Тем не менее, возникает вопрос, не появилась ли какая-то часть готских топонимов только в VIII и IX веках, когда население вестготского государства в массовом порядке бежало к франкам. Гамильшегг ссылается на то, что эти топонимы встречаются в той же области, в которой, по сведениям источников, готские личные имена преобладали над франкскими. На это можно возразить, что первые сообщения по этой области наших письменных источников относятся именно к VIII и IX векам, когда вследствие арабского завоевания там были зафиксированы массовые перемещения населения). Анализ географического распределения готских топонимов приводит нас к заключению, что в завоеванных Еврихом областях не было ни одного готского поселения (Gamillschegg, *Historia linguistica*, S. 124). Следовательно, прирост вестготского населения во второй половине V века не мог быть очень

большим. Служить указанием на увеличение численности мог бы только тот факт, что иногда находят следы выкорчевания лесов, но в данном случае речь может идти и о римском, а не вестготском населении (LV 10, 1, 9). Хотя вестготы имели право на часть римских жилых зданий, люди из низших слоев общества, по-видимому, продолжали жить в традиционных хижинах, так как некоторые выражения, относящиеся к готским деревянным строениям, были заимствованы романским населением (Ibid., S. 246. К дальнейшему изложению см. *ibid.*, S. 248). История языка говорит о том, что готская одежда исчезла быстрее, чем готский язык, который был широко распространен еще к началу VI века. Римлянам в готской одежде нравилось богатое использование мехов. В праздничное одеяние знати входили сапоги из лошадиных шкур, доходившие до колен (Apollinaris Sidonius, ep. 4, 20).

Вестготы жили по собственным законам, существенно отличавшимся от римского права провинциального населения. Предположительно, уже Теодерих I издал законы, некоторые из которых, вероятно, перешли в свод Евриха. Этот свод невозможно отделить от законов его сына Теодериха II, (A. d'Ors, *La territorialidad del derecho de los Visigodos*, Estudios Visigoticos I, Rom-Madrid 1956, S. 110f. Ср. также Zeumer, S. 439). которые, должно быть, представляли собой достаточно объемное собрание, так как Сидоний Аполлинарий сопоставляет их с Кодексом Феодосия (Codex Theodosianus) (Apollinaris Sidonius, ep. 2, 1, 3: ...leges Theodosianas calcans Theodoricianasque proponens. Ср. F. Beyerle, *Zur Fruehgeschichte der westgotischen Gesetzgebung*, ZRG germ. 67, 1950. Выдвинутые там предположения относительно реконструкции древнейших вестготских законов носят гипотетический характер). Г. Висмара пытался доказать, что приписываемый Теодериху Великому Эдикт Теодориха (Edictum Theodorici) в действительности был составлен в канцелярии Теодериха II (G. Vismara, *El «Edictum Theodorici»*, Estudios Visigoticos 1, S. 49-89). Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. До нас дошли лишь фрагменты Кодекса Евриха (Codex Euricianus). Приблизительно одна шестая его содержания известна нам по Парижскому Палимпсесту, еще одну шестую можно извлечь из свода законов Леовигильда (Stroheker, Eurich, S. 94). Особое внимание привлекают широкомасштабные заимствования из римского права в этом сборнике, который должен был применяться в процессах между готами и между готами и римлянами (Мы не можем присоединиться к мнению, что вестготское право сначала действовало только на ограниченной территории, как предполагается в: A. Garcia Gallo, *Nacionalidad y territorialidad de derecho en la epoca visigoda*, Anuario de historia del derecho espanol 13, 1941, S. 168-264).

То же мнение высказывается и в статье: A. d'Ors, *La territorialidad del derecho de los Visigodos*, Estudios Visigoticos I, Rom-Madrid 1956, S. 110). Содержание этого произведения и латинский язык, на котором оно было написано, показывают, какой степени романизации достигли вестготы на момент обнародования кодекса – то есть, скорее всего, к 475 г. Впрочем, вопрос о соотношении римского и германского права в Кодексе Евриха прояснен еще не до конца; при его составлении за основу было взято

западноримское обычное право, до сих пор недостаточно хорошо изученное (Wieacker, S. 77). Зачастую невозможно однозначно определить, происходит то или иное уложение Кодекса Евриха из римского или германского права. Из сферы римского права были заимствованы такие важные установления, как завещание, ссуда под проценты и использование документации (Zeumer, S. 469). Наряду с «официальным» правом, кодифицированным в вестготских сводах, продолжало существовать и древнее германское обычное право, оказавшееся чрезвычайно жизнеспособным и перешедшее после развала вестготского государства в кастильское право (Th. Melicher, *Der Kampf zwischen Gesetzes- und Gewohnheitsrecht im Westgotenreich*, Wien 1930. E. Wohlhaupter, *Das germanische Element im altspanischen Recht und die Rezeption des roemischen Rechtes*, ZRG rom. 66, 1948, S. 135-264. Следует отклонить за ее полную бездоказательность выдвинутую д'Орсом теорию (A. d'Ors, *La territorialidad del derecho de los Visigodos*, Estudios Visigoticos I, Rom-Madrid 1956, S. 110)., согласно которой правовые установления, рассматривавшиеся прежде как германские, на самом деле являются отголосками, упрощениями и остатками в остальном не дошедшего нас иберийского права). Кодификация вестготского права и заимствования из римского права, находившегося на более высокой ступени развития, стали результатом тесных контактов с окружающим миром, устроенном совсем по-иному, чем вестготское общество. В них нашла свое выражение стремительная ассимиляция вестготов к их римскому окружению. Так как в составлении Кодекса Евриха, скорее всего, принимали участие римские юристы, обеспечившие сильное влияние римского законодательства, применение нового свода законов влекло за собой все большую романизацию племени (Zeumer, S. 468). Законодательство Евриха и его предшественников примечательно еще и тем, что оно является первым примером кодификации законов среди германских племен. Вестготское право, подвергшись многочисленным переработкам, непрерывно развивалось и совершенствовалось вплоть до начала VIII века; юридические источники позволяют нам составить достаточно полное представление о социальной эволюции вестготского государства. Среди вестготов существовали опеределенные социальные различия. Кодекс Евриха сообщает, что некоторые готы наделяли своих дружинников (*buccellarii*) землей (CE 310). Если такой дружинник переходил на службу к другому господину, он был обязан вернуть все, что он получил от прежнего хозяина, то есть оружие и землю. Следовательно, дружинники не получали землю в неотчуждаемую собственность при разделе новоприобретенных территорий, а пользовались частью земельных владений своего господина. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с достаточно древним обычаем. Это подтверждается тем, что Кодекс Евриха предусматривает наследственность вассальных отношений. Наряду с буццеллариями мы располагаем сведениями о других дружинниках, так называемых сайонах (*saiones*), которые получали от своего господина только оружие (CE 311). Вероятно, они жили в доме своего начальника, получая от него все необходимое для жизни. Нам кажется

неуместным рассматривать буццеллариат как римский, а сайонат как готский институт (Так, например, в: A. d'Ors, *La territorialidad del derecho de los Visigodos*, *Estudios Visigoticos I*, Rom-Madrid 1956, S. 243). Буццеллариин, которые часто упоминаются в позднеантичных источниках, были дружинниками, как правило, германского происхождения (Seeck VI, S. 101). Их название происходит от слова *buccella*, «хлебец», так как они снабжались лучшим питанием, чем солдаты, состоявшие на императорской службе, которым приходилось довольствоваться грубым солдатским хлебом. Позднеантичные буццеллариин отличаются от упомянутых в Кодексе Евриха тем, что они не получали земельных наделов; в этом пункте их положение соответствовало статусу вестготских сайонов. Сайонов можно сравнить с дружинниками германских князей, о которых рассказывает Тацит, которые жили в доме своего вождя, получая от него оружие и питание (Тацит, 13, 2-3). Вестготы были освобождены от уплаты налогов. Взамен они должны были нести военную службу. В своих основных чертах вестготская военная организация, должно быть, не претерпела серьезных изменений с V по VII века. Наименьшую войсковую единицу составляла десятка (*decania*), во главе которой стоял декан. Следующей по величине единицей была сотня (*centena*), подчинявшаяся центенарию. По-видимому, отряд в пять сотен человек не играл значимой роли в армии; нам известно лишь название начальника такого отряда, квингентенарий (LV 9, 12, 1-2). Самой крупной единицей войска была тысяча во главе с милленарием. Некоторыми он отождествляется с часто упоминаемым в юридических текстах тиупадом (*thiuphadus*) (Например, *Historia de Espana*, S. 238). Однако против этого сопоставления говорит этимология последнего слова, которое можно перевести как «предводитель рабов» (*Gamillschegg, Romania Germanica I*, S. 357). По всей видимости, речь идет о вторичном образовании, которое Э. Гамиллшег датирует VII веком и объясняет тем, что слово, обозначавшее в готском «тысячу», просто исчезло из языка; кроме того, к тому времени на военную службу широко привлекалось несвободное население (Исчезновение слова «тысяча» ко времени возникновения термина «тиупад» кажется очень маловероятным. Готское выражение, соответствовавшее слову «милленарий», могло бы сохраняться в качестве военного термина и после того, как готский язык вышел из употребления. Но так как, напротив, название «тиупад» возникло еще в то время, когда готский язык еще был разговорным, следовало бы отличать тиупада от милленария). Ввиду этих обстоятельств следует предположить изменение функций тысячника. Возможно, сначала функции тиупада и милленария различались; в одном законе Реккесвинта они упомянуты рядом (LV 2, 1, 27). Может быть, в конечном итоге тиупад заменил милленария, так как в поздних юридических текстах мы встречаем только первое имя. Тысячники, пятисотники и сотники были облечены какими-то судебными полномочиями низшего уровня (LV 2, 1, 27), которые, впрочем, с трудом поддаются четкому определению. Пятисотники и сотники, скорее всего, выполняли только полицейские задачи. Тиупад и позднее встречается в роли судьи наряду с графом или под его

началом (LV 4, 5, 6 и 9, 1, 21). Вероятно, в начальный период расселения вестготов в Галлии военные вожди были одновременно и судьями. В ходе все более тесного сближения готов и римлян, которое в конечном итоге привело к образованию единого правового пространства, судьи, в ведении которых находились дела римского населения, по-видимому, распространили свою юрисдикцию и на готов, коль скоро само право романизировалось все больше и больше. Тысячник передал свои судебские функции графу, подчиненным которого он стал и в военной сфере. Если по Кодексу Евриха 322 милленарий наряду с графом (*comes civitatis*) должен был принять меры в случаях, когда вдова неправильно расходует переданную ей в пользование долю имущества мужа, то соответствующий закон кодификации Леовигильда уже не содержит никаких упоминаний о милленарии (Zeumer, S. 436). В конечном итоге готские полководцы удержали только военную власть. Тысячники никогда не выступали в качестве самостоятельных военачальников. Если король не мог сам вести войско, он назначал герцогов (*duces*). На этой должности мы встречаем как готов, так и римлян. В мирное время герцоги также участвовали в управлении страной и, наверное, в отправлении правосудия, хотя границы их полномочий еще не вполне выяснены. Неизвестна и величина округов, вверенных их руководству. Так как мы располагаем сведениями о дуках в Бордо (498 г.) и Мериде (473 г.), а оба эти города были центрами своих провинций, можно предположить, что уже в V веке произошло уравнивание провинций и герцогств, достоверно засвидетельствованное позднее. Если резиденцией герцога Виктория был Клермон, а не Бурж, главный город провинции Аквитаника I, то это может объясняться тем, что Клермон требовал особого внимания как центр римского сопротивления.

Эти дуки только по имени схожи с вождями племени вестготов IV века. Герцоги V века были служащими, получавшими свои властные полномочия (по крайней мере, в теории) от короля. Сама должность возникла, вероятно, под влиянием римских институтов. Таким образом, вестготское герцогство оказывается новообразованием.

Свой язык готы сохраняли еще в V веке. В погребальных торжествах Теодериха I на Каталаунских полях павших в битве почтили песнями (Иордан, 216). Иордан также сообщает, что существовали героические песни, посвященные отдельным выдающимся мужам. Перед одной битвой с римлянами вестготы запели «хвалу предкам» (Schmidt, S. 527). Впрочем, содержание вестготского эпоса нам совершенно неизвестно. Выдвинутое Рамоном Менендесом Пиналем предположение, что средневековый испанский эпос восходит к вестготским героическим песням и что мотив народа, выкупленного за цену лошади, также вестготского происхождения, не выдерживает критики (R. Menendez Pidal, *Los Godos y el origen de la epopeya espanola*, 3. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1956, S. 285-322. Против этого предположения см. Wagner, S. 93).

Еще в «*Institutio disciplinae*», предположительно написанном Исидором Севильским, упоминаются «песни предков» (*carmina maiorum*), которые пела

знатная молодежь (Изд. А. Е. Anspach, *Rheinisches Museum* 67, 1912). Исчезновение готского языка, скорее всего, повлекло за собой и гибель готского эпоса.

Бок о бок с вестготами жили римляне, и после 418 г. теоретически остававшиеся гражданами империи. Они подчинялись римской администрации, продолжавшей действовать и после расселения в Галлии вестготов. Высшим гражданским должностным лицом был галльский префект претории с резиденцией в Арле, начальствовавший над губернаторами провинций. Наименьшей единицей управления был город с его окрестностями, *civitas*. Им руководил городской совет. Впрочем, эти курии еще начиная с III века утратили большую часть своего прежнего влияния. Несмотря на это, и при вестготском владычестве *civitas* проявил себя как жизнеспособное с административной точки зрения учреждение. Правительство империи намеревалось укрепить связи между областями, переданными в 418 г. готам для поселения, и римскими частями Галлии. Для этого было создано собрание представителей всех провинций, которое должно было собираться раз в году в Арле. В собрании кроме префекта претории и губернаторов провинций принимали участие также представители городских курий (Stein, S. 499). Сколь долгое время существовал этот институт, неизвестно, но административное подчинение вестготских областей префекту претории, скорее всего, было очень быстро отменено. Сложно себе представить, чтобы Теодерих I мог мириться с тем, что налоги, выплачиваемые проживающими в его землях римлянами, отправлялись в инстанцию, которая могла использовать эти деньги для набора армии против вестготов. И сообщение Сальвиана о том, что многие римляне бежали в готские области, чтобы уйти от невыносимого налогового бремени римской администрации, показывает, что там были установлены менее тяжелые налоги (Salvian, 5, 22). Позднее, ко времени составления законов между 439 и 445 гг., система финансового управления в вестготских территориях перестала зависеть от аналогичных структур Римской империи.

Нам неизвестно, как развивалась система управления провинций. Так как готы владели целиком только Аквитаникой II, а соседние провинции были разделены между империей и вестготским государством, сложно представить, каким образом могла поддерживаться единая административная система. Возможно, расширение вестготской власти при Еврихе, в результате которого полностью в вестготское владение перешли и другие провинции, привело к возрождению провинциальной администрации. То, что она существовала к началу VI века, выясняется из Римского Закона Вестготов (*Lex Romana Visigothorum*), в который были не только взяты соответствующие статьи Кодекса Феодосия, но и который содержит интерпретации, отклоняющиеся от содержания этих законов (например, РЗВ 1, 10, 2). Так как даже государство Евриха не охватывало территорию всей Галлии, промежуточная инстанция между наместниками провинций и королем стала совершенно излишней. С завоеванием Арля галльская префектура претории на время прекратила свое существование.

Значительную роль в управлении страной играли города (P. Vaccari, *Studi sull'Europa precarolingia*, Verona 1955, S. 41. Мы не можем согласиться с предложенной в этой работе интерпретацией роли дуков). В вестготском королевстве ими руководили графы (*comes civitatis*), располагавшие обширными полномочиями и отправлявшие правосудие. Эта должность, засвидетельствованная и в других государствах германцев на территории империи, но прежде всего у франков, вероятно, имеет позднеантичные корни (D. Claude, *Untersuchungen zum fruehfraenkischen Comitatus*, ZRG germ. 81, 1964, S. 1-79). Мы узнаем о существовании *comes civitatis* уже во времена Евриха (CE 322). Римляне и под властью вестготов продолжали жить по своим законам, с 438 г. получившим вид официального свода, Кодекса Феодосия. На основе этой кодификации в 506 г. был составлен Римский Закон Вестготов (*Lex Romana Visigothorum*), также известный под названием Бревиарий Алариха (*Breviarium Alaricianum*) (Zeumer, S. 472). В этот свод было включено большинство законов из Кодекса Феодосия, новеллы поздних императоров до Ливия Севера и фрагменты из произведений античных юристов. Законы, больше не отвечавшие изменившимся условиям, были выброшены. Так, в своде отсутствуют законы, затрагивавшие церковные вопросы и направленные на дискриминацию арианства (Schaeferdiek, S. 46). Были исключены и некоторые устаревшие статьи о сенаторском звании, а к другим были добавлены разъяснения, сильно изменявшие их смысл (Stroheker, *Senator. Adel*, S. 88). Почти ко всем законам были присоединены толкования, часто взятые из достаточно древних юридических источников и в некоторых случаях даже радикально модифицировавшие само содержание статей (F. Wieacker, *Lateinische Kommentare zum Codex Theodosianus*, Festschrift O. Lenel, 1934, S. 259-356). РЗВ был обнародован перед собранием ортодоксальных епископов и знатных римлян. Составление этого кодекса не следует принимать за какую-то уступку Алариха II по отношению к римскому населению.

Скорее оно явилось следствием суверенного права вестготского государя (Schaeferdiek, S. 45). Свод Алариха II сыграл большую роль в будущей судьбе римского права в Западной Европе; на протяжении нескольких столетий римское право было известно только в той форме, которую придали ему правоведы вестготского короля. Под властью вестготов римляне жили в очень благоприятных условиях. Это прежде всего относится к низшим слоям населения, которые в Римской империи были угнетены чрезвычайно тяжелыми налогами. Обнищавшие подданные в IV веке объединялись в отряды, иногда господствовавшие на широких территориях Галлии и Испании. Эти багауды (название означает «воинствующие») постоянно рассеивались военными экспедициями, но войскам так и не удавалось утихомирить это движение на сколь-нибудь продолжительное время (Seeck VI, S. 123. F. Lot, *Les invasions germaniques*, Paris, 1945, S. 93f. Ср. Salvian, 5, 24). Галльская часть вестготского королевства не была затронута волнениями. Многие римляне бежали к вестготам или к багаудам, чтобы вырваться из-под гнета налогов. Римляне, жившие на вестготских

землях, по сведениям источников, молились о том, чтобы никогда вновь не очутиться под властью императора (Salvian, 5, 37). Финансовые потребности государства вестготов были существенно ниже, чем позднеримские, так как здесь была отменена крупная статья расходов на выплату жалования наемным войскам (Штейн (S. 510) оценивает доходы вестготского государства к середине V века суммой в полтора миллиона солидов. Содержание 30000 солдат составляло 900000 солидов). По всей видимости, значительно проще и потому дешевле была и система управления. Еврих и Аларих II заново упорядочили процедуру взимания налогов и, возможно, реформировали налоговые списки (Cassiodor, 5, 39, 13). Римляне были освобождены от службы в армии. Когда мы встречаем отдельных римлян, занимающих высокие военные должности, или узнаем о том, что в 507 г. в вестготском войске сражались овернские сенаторы, то скорее всего речь идет о добровольцах. Не имел поводов жаловаться на жизнь и высший слой римского общества. Часто выходцы из среды сенаторского сословия привлекались на высокие и важные посты. Даже Сидоний Аполлинарий, который в 475 г. на короткое время был отправлен в изгнание, примирился с создавшимся положением (Stroheker, Senator. Adel, S. 86). Его сын получил от Алариха II назначение на важную должность, которая предположительно требовала выполнения и каких-то военных функций (Ibid., S. 146, прим. 23). Винцентий, который в 464-465 гг. был римским дуком провинции Испании Тарраконской, вероятно, одно лицо с Винцентием, которого мы встречаем в 472-473 гг. в Испании в качестве вестготского дука (Stroheker, Eurich, S. 29, прим. 84). Сын Паулина из Пеллы поступил на службу к вестготскому королю (Eucharisticos, v. 498). Первый вестготский наместник, резиденция которого находилась в Клермоне и которому, вероятно, подчинялась провинция Аквитаника II, Викторий, был римлянином; так как он был вовлечен в сенаторские междоусобицы, можно сделать вывод, что он был тесно связан с этим сословием (Stroheker, Senator. Adel, S. 86). Ведущим государственным деятелем при Еврихе был Лев Нарбоннский, принимавший заметное участие в кодификации законов (Vita Epifani 85. Ср. Estudios Visigoticos 2, S. 6). Еще до окончательного падения римской власти в Галлии вестготы заручились поддержкой среди местной знати. Галльский префект претории Арванд вступил еще до 409 г. в изменнические переговоры с Еврихом, которого он призывал вместе с бургундами захватить оставшиеся во владении империи галльские земли (Stroheker, Senator. Adel, S. 148). Немногим позже продвижению вестготов в Галлии способствовал Серонат, крупный римский чиновник (Stein, S. 586). Не вполне очевидно, можно ли трактовать поведение обоих должностных лиц только как государственную измену или же их действия в большей степени определялись политическими соображениями и осознанием того, что империя и без того обречена. Хотя вестготы номинально составляли основу государства, а римляне как национальная группа в этом отношении не обладали равноправием с вестготами, на практике это различие сводилось на нет, так как римлянам были открыты все пути на высшие уровни государственного аппарата.

События, сопутствовавшие обнародованию РЗВ, отчетливо показывают, что ко времени Алариха II римляне были совершенно уравнены в правах с вестготами (Schaeferdiek, S. 44).

Отношение римлян к готам в конце IV и в V веках отличается крайней неоднозначностью. Амвросий Медиоланский, написавший свое посвященное императору произведение «О вере» (*De fide*) вскоре после вторжения вестготов на Балканский полуостров, приравнял их на основании созвучия обоих имен к готам, упомянутым у Иезекииля (Weibull, S. 11). Он призывал императора к войне, ибо гнев Господень, дав готам испытать радости успехов, затем уничтожит это племя. Таким образом, для Миланского епископа готы были преходящим, сиюминутным явлением.

Гораздо пессимистичнее суждения Иеронима. После падения Рима он счел, что взятием столицы миру причинен огромный вред. В будущем Иероним тоже не видел ничего особенно утешительного, так как ему казалось сомнительным, что Бог уничтожит готов, которые все же были христианами. При таких обстоятельствах Иероним мог лишь советовать возложить все упования на Божью волю и усердствовать в вере (Helbling, S. 15). Сходна с этим и позиция Августина. И для него будущее римлян зависит от силы их веры, а судьба Вечного города в сущности лишена значения. Не очень ценит Августин и Римскую империю, которую он причисляет к земным и потому подпавшим под власть зла творениям (v. Campenhausen, S. 198). Он подчеркивает мягкость вестготов, которую относит к божественному влиянию (Helbling, S. 19). Эту же аргументацию мы находим и у его ученика Орозия, который тем не менее смотрит в будущее с большим оптимизмом. Особо отмечая христианство вестготов, он добивается впечатления гармонизации, не соответствовавшей жестоким реалиям. Орозий умышленно обходит молчанием конфликты, которые могли возникать из-за арианского вероисповедания вестготов. Он приветствовал поселение племени на землях империи, ибо теперь вестготы, по его мнению, должны были перековать мечи на орала (Orosius VII, 41, 7). Он хотел внушить своим читателям, что христианство, являясь связующим звеном между римлянами и вестготами, может успешно способствовать разрешению всех проблем. Крайне радикальную позицию занял Сальвиан Марсельский. Из германских племен, живших тогда в Галлии, он лучше всего знал вестготов. Его мнение об этом народе было очень положительным, хотя следует принять во внимание, что он идеализировал германцев, чтобы поставить их в пример «прогнанным» римлянам. Сальвиан восхваляет прежде всего суровость вестготских обычаев. Хотя в политическом отношении они отличались вероломством, но в остальном были скромны и дисциплинированы (7, 64). Возводя все несчастья, обрушившиеся на империю, к несправедливости римлян, он смотрит гораздо глубже, чем большинство его современников. Следствием этой несправедливости стала растущая нужда низших слоев населения. Взваленный на них гнет со временем стал настолько тяжел, что значительная часть утратила всякий интерес в продолжении существования империи и с надеждой ожидала прихода варваров. «И мы еще удивляемся,

отчего мы не можем победить готов, когда римляне скорее хотят жить с ними, чем с нами» (5, 37). Естественно, члены высших слоев придерживались диаметрально противоположных взглядов. Сенатор-язычник Рутилий Намациан, в 417 г. совершивший поездку по Галлии и своими глазами наблюдавший опустошения, произведенные вестготами, находил параллели между их вторжением и несчастьями, случавшимися с империей в предыдущие столетия ее истории. Он считал вестготскую власть преходящим явлением, которому может положить конец одна-единственная победа римлян (Helbling, S. 10). Овернские сенаторы, тяжело переживавшие упадок Западной Римской империи, до последнего верили в возможность возрождения римской власти в Галлии (Stroheker, Senator. Adel, S. 67). Сидоний Аполлинарий испытывал по отношению к вестготам только презрение. Он писал своему другу: «Ты избегаешь варваров, так как они считаются плохими, а я даже в том случае, когда они хороши» (Ep. 7, 14, 10). Тем не менее, позднее он весьма своеобразно перенес представления, относившиеся к Римской империи, на государство Евриха, которое он считал всемирной державой (Id., Eurich, S. 126). Из этого недоразумения с очевидностью следует, что он не понимал принципов, положенных в основу вестготского королевства, которое в противоположность Римской империи стремилось не к универсальности, а к обособленности.

Отношения между готами и римлянами не слишком омрачались принадлежностью к разным конфессиям. В первые десятилетия после расселения вестготы проявили себя в высшей степени терпимым народом. Сальвиан одобрительно сообщает, что они с уважением обращались и с ортодоксальными священниками (7, 39). То, что Теодерих I отослал ортодоксальных епископов к победоносному полководцу Литорию, также говорит о хороших взаимоотношениях. Дружественное сосуществование ортодоксов и ариан было нарушено только в период правления Евриха (Следующее ниже изложение в основном опирается на: Schaeferdiek, S. 18). В то время как его брат Теодерих II занимал в религиозных вопросах достаточно отстраненную позицию, Еврих проявил себя фанатичным арианином (Тем не менее, уже Теодерих II поддерживал арианского миссионера Аякса у свевов (Hydatius 232)). Он препятствовал замещению вакантных епископских кресел, так что ортодоксальные общины оставались без официального главы. Если учитывать центральное положение епископа в ортодоксальной церкви, становится очевидно, что эти действия Евриха повлекли за собой застой в церковной жизни. Рукоположение священников, освящение новопостроенных церквей и святой воды были функциями, исполнять которые имели право только епископы; хотя в случае вакансии эти задачи мог решать епископ соседнего диоцеза, можно было предвидеть наступление когда-нибудь в будущем такого момента, когда все епископства лишатся своих пастырей. В 474-475 гг. из 32 епископских мест в вестготском государстве пустовало девять. По-видимому, Еврих избегал применения власти. Изгнание нескольких епископов имело под собой политические, а не конфессиональные основания; даже Сидоний Аполлинарий, яростный

противник вестготов, смог после кратковременной ссылки вернуться к исполнению своих обязанностей. Мы не совсем ясно представляем себе цель, к которой стремился Еврих. Нам ничего не известно о попытках обращения ортодоксов в арианство. Кажется, Евриху прежде всего было важно устранить сам ортодоксальный епископат, представители которого, возможно, желали вернуться под власть правоверного императора. И все же не вполне ясно, почему Еврих не предпочел добиваться назначения епископами готовых к сотрудничеству с ним римлян. Также непонятно, изменил ли Еврих свою политику после крушения Западной Римской империи в 476 г. и разрешил ли он тогда епископские выборы.

Его преемник Аларих II, по крайней мере к концу своего правления, вступил на другой путь, суливший большие успехи. У нас нет данных о первых годах его царствования. И тем не менее издание РЗВ означало определенное улучшение положения и для ортодоксальной церкви, так как в кодекс была включена та часть римских императорских законов, которая устанавливала ее статус. Речь шла об узаконивании юридического положения церкви. Для характеристики церковной политики Алариха II характерно, что он не позволил ввести в РЗВ 17-ую новеллу Валентиниана III; в ней император на государственном уровне санкционирует верховную власть папского престола над галльской церковью. В этом отчетливо проявляется намерение Алариха II превратить ортодоксальную церковь вестготской державы в обособленную церковь и оградить ее от постороннего влияния. В сентябре 506 г. в Агде состоялся собор ортодоксальной церкви королевства вестготов, в котором приняло участие 24 епископа. Хотя отсутствовали епископы из испанской части государства, мы можем говорить о том, что это был государственный собор (Reichskonzil): первый в германском государстве, так как епископы франкской державы собрались только в 511 г. в Орлеане, а епископы страны бургундов – в 517 г. Заседания собора вел Цезарий Арльский, еще совсем недавно живший в изгнании в Бордо. Он был не только необычайно ученым человеком, влияние которого на церковную жизнь того времени невозможно переоценить, но и в качестве митрополита Арльского наследником традиции, стремившейся к ограничению римского влияния на галльскую церковь. Так как усилия Алариха II, направленные на создание независимой вестготской церкви, совпадали с требованиями Цезария, последний мог даже надеяться занять место первого патриарха ортодоксальной церкви государства вестготов. Постановления собора относились к урегулированию практических вопросов церковной жизни; при этом использовались и ранние церковные юридические источники, прежде всего собрание канонов из Арля. И все же церковная политика, начатая изданием РЗВ и продолженная Агдским собором, ни к чему не привела. Развал Тулузского государства воспрепятствовал проведению запланированного на 507 г. государственного собора, который должен был состояться в Тулузе и в котором должны были участвовать и испанские епископы. Значение всей политики Алариха II заключается в том, что он предпринял широко задуманную попытку

интегрировать ортодоксальное население в вестготское государство. Нам кажется неправдоподобным предположение, что эти политические замыслы возникли исключительно под впечатлением угрожавшей вестготам войны с франками. Вероятно, этому предшествовал долгий подготовительный период, который говорит о том, что Аларих II ни в коем случае не был слабым или незначительным правителем. Он проводил в жизнь совершенно новую концепцию внутривостготского развития, целью которой было установление гармоничных взаимоотношений между ортодоксами-римлянами и арианами-вестготами. Король намеревался управлять обоими племенами (римляне также рассматривались как *gens*) на абсолютно равноправных началах. Победы франков прервали этот многообещающий процесс. История арианской церкви нам почти что неизвестна; ее организация уже тогда, должно быть, соответствовала устройству ортодоксальной церкви. За пиршественным столом Евриха трапезничали арианские священники, как говорится в «Житии Епифана». Тем не менее, уже тогда некоторые вестготы придерживались ортодоксального вероисповедания; (Schaeferdiek, S. 10). и напротив, нам неизвестны случаи обращения римлян в арианство.

Королевская власть между 418 и 507 гг. переживала период существенного укрепления, что подтверждается хотя бы тем фактом, что источники больше не сообщают о выборах короля. Такое положение наблюдается уже при восшествии на престол Теодериха I (Korpe, S. 135). Турисмунд был провозглашен королем на Каталаунских полях; впрочем, и в данном случае говорить о выборах было бы опрометчиво (Prosper Havniensis, a. 451: *sufficitur* («избран»). Ср. Schmidt, S. 476). При коронации Теодериха II, похоже, состоялась церемония народного одобрения (Prosper Havniensis, a. 453: *confirmatur* («одобрен»)). Когда на престол сел Еврих, очевидно, не было проведено даже формального акта признания, который состоялся при инаугурации Алариха II (Prosper Havniensis, a. 486: *confirmatur* («одобрен»)). Не подлежит ни малейшему сомнению, что право престолонаследия, принадлежавшее членам королевского рода (*stirps regia*), вытеснило выборное право. От прежних свобод сохранилась лишь церемония одобрения, лишенная всякого политического значения. Король готов большую часть времени проводил в Тулузе. Место расположения дворца невозможно установить со стопроцентной уверенностью, и все же, скорее всего, церковь Дорад, названная «золотой» (*deaurata*) из-за своей ныне уничтоженной золотой мозаики, была когда-то вестготской дворцовой церковью (Ph. Wolff, *Histoire de Toulouse*, Toulouse 1958, S. 47ff. Ср. E. Ewig, *Residence et capitale pendant le haut Moyen Age*, *Revue historique*, fasc. 467, 1963, S. 25-72). При Еврихе королевскими резиденциями стали также Бордо и Арль. Мы ничего не знаем об отношениях, сложившихся между королем и готской знатью.

Похоже, дело никогда не доходило до открытых конфликтов. Вероятно, правящий слой безропотно смирился с усилением королевской власти. И, в противоположность этим скудным сведениям, мы располагаем

чрезвычайно подробным описанием двора и распорядка дня Теодериха II, единственным в своем роде для периода Раннего Средневековья. Сидоний Аполлинарий по просьбе своего друга Агриколы, сына императора Авиты, рассказал о жизни тулузского двора (письма 1, 2):

«Итак, Теодерих II был силен телом, а ростом он был немного выше среднего. Волосы спадали ему на уши, как это было принято у вестготов (*sicut mos gentis est*). Кожа короля была белой, как молоко, он легко краснел, но не от гнева, а от застенчивости. Он был широк в бедрах, а руки его обладали большой силой. После пробуждения на рассвете его ожидали арианские священники, с которыми он отправлялся на богослужение. Впрочем, придворные рассказывали, что Теодерих так проводил начало дня скорее из привычки, чем из ревности к вере. Вслед за этим он занимался государственными делами. При этом он сидел на стуле (*sella*), а рядом с ним стоял его оруженосец (*comes armiger*). „Толпа одетых в шкуры“ – видимо, его свита – должна была оставаться в передней комнате, чтобы не мешать своим шумом королевским занятиям и все же быть постоянно под рукой.»

Следует ли отождествлять эту свиту с гардингами (*gardingi*) VII века, не вполне ясно; в пользу такого сопоставления говорит этимология. Само название следует возводить к готскому слову *gards* (дом, семья), так что гардинги, скорее всего, были королевскими домашними телохранителями (*Gamillschegg, Romania Germanica I, S. 356*).

«Теодерих принимал послов; при этом он внимательно слушал, но сам говорил мало. Во втором часу дня, то есть примерно через два часа после восхода солнца, король поднимался со своего места и шел осматривать конюшню и казну.»

Было бы ошибочным на основании последнего действия делать выводы об особенной жадности Теодериха. Королевская сокровищница была чем-то большим, чем учреждением для удовлетворения сиюмоментных финансовых потребностей государства. В раннее Средневековье королевская казна считалась непременным атрибутом власти. Как раз в вестготских источниках она часто упоминается в тесной связи с правителем и племенем. Она была важной составляющей королевского достоинства (*regnum*). Вестготская сокровищница была необычайно богатой. В ней хранилась добыча, вывезенная в 410 г. Аларихом I из Рима, в том числе по крайней мере какая-то часть сокровищ из иудейского Храма, доставленных из Иерусалима в Рим императором Титом (Прокопий Кесарийский, *Война с готами*, 1, 12, 41 и сл).

Арабы, в руки которых эта сокровищница попала в 711-712 гг., составили подробное, хотя и преувеличенное описание находившихся в нем предметов, среди которых особую роль играет сделанный из золота «стол царя Соломона» (*C. Sanchez-Albornoz, La Espana musulmana segun los autores islamitas y cristianos medievales 1, Buenos Aires 1946, S. 51 (Imamat wa-l-Siasat des Ben Quitaba). Historia de la conquista de Espana de Abenalcotia el Cordobes, пер. J. Ribera, Madrid 1926, S. 109, 113*).

«После занятий государственными делами Теодерих часто отправлялся на охоту. При этом сопровождавшие выгоняли на него зверя, в которого он стрелял из лука.»

Охота также была, как и осмотр сокровищницы, не столько удовольствием, сколько актом демонстрации королевской власти. Король получал возможность публично показать свою ловкость в обращении с оружием и тем самым свою готовность к войне.

«После возвращения устраивался обед. Все блюда были хорошо приготовлены. Серебряная столовая посуда не была особенно дорогой. Во время еды велись по большей части серьезные разговоры. Только в конце недели Теодерих II обедал в одиночестве. После завершения трапезы король не шел спать (а послеобеденный сон уже тогда вошел в привычку в Южной Галлии), но приказывал принести ему игральные кости (*tesserae*). Если ему удавался хороший бросок, он молчал, а при плохом смеялся. Даже в игре он боялся внушить чувство страха своему окружению (*timet timeri*). Игра в кости приводила Теодериха в столь хорошее расположение, что можно было обращаться к нему с просьбой, определенно рассчитывая на ее удовлетворение. К девяти часам он вновь занимался государственными делами, удерживавшими его до ужина. Во время трапезы часто выступали весельчаки, которые, впрочем, не осмеливались шутить по поводу расходов присутствующих. После ужина ворота дворца запирались, и перед ними выставлялась вооруженная охрана.»

В своей государственной деятельности король пользовался советами знати. Сидоний Аполлинарий называет круг людей, к которым прислушивался монарх, сенатом и поэтому подчеркивает преклонный возраст советников (*Apollinaris Sidonius, Carm. 7, v. 458*). Советники являлись во дворец с первыми лучами солнца (*Ibid., v. 452*). Короли говорили на готском и латинском языках. Теодериха II в годы его юности обучал римскому праву и латинской литературе будущий император Авит (У Сидония Аполлинария (*Carm. 7, v. 495*). Теодерих II говорит Авиту: *Mihi Romula dudum / per te iura placent, parvumque ediscere iussit / at tua verba pater, docili quo prisca Maronis / carmina molliret Scythicas mihi pagina mores*). Из сообщения о том, что Еврих в переговорах с одним епископом пользовался услугами переводчика и что он бормотал какие-то готские слова, нельзя делать вывод о недостаточности его познаний в латыни (*Vita Epifani, 89f*. Иначе в: *Stroheker, Eurich, S. 6, прим. 10*). Вероятно, король употреблял родной язык из соображений престижа. Против предположения о его плохом знании латинского языка говорит и то, что в таком случае Еврих не понимал бы своего собственного, составленного для вестготов свода законов; да и жена Евриха Рагнахильда владела латынью, так как Сидоний Аполлинарий посвятил ей одно стихотворение (письмо 4, 8, 5). Впрочем, неизвестно, понравился ли королеве несколько напыщенный и высокопарный стиль поэмы. То, что при дворе Евриха ценили римских поэтов, показывает пример Лампридия. Его владения сначала были конфискованы вестготами, но позднее он получил обратно все свое имущество и жил при дворе (*Apollinaris*

Sidonius, ep. 8, 9). По-видимому, сам Еврих просил Сидония Аполлинария написать историю вестготов (Schmidt, S. 528). К сожалению, поэт отказался от этой задачи, что вполне можно приписать его отрицательному отношению к варварам (Об образовании Сидония Аполлинария см. A. Loyen, Sidoine Apollinaire et les derniers eclats de la culture classique dans la Gaule occupee par les Goths, 3. Settimana di Studio, publ. Spoleto 1956, S. 265-284). Хотя вестготские придворные должности были засвидетельствованы только в VII веке, те из них, которые носили готские названия, вполне могут восходить к V веку. Кроме оруженосца существовало звание верховного кравчего (comes scancianorum) (Это название должности следует возводить к готскому skagkja: Gamillschegg, Romania Germanica I, S. 357). На этой должности в 653 г. состояло не менее четырех человек, а в 683 г. даже семеро; следовательно, скорее всего, она утратила свое реальное значение и выродилась в почетный титул. То же самое можно сказать о должности начальника штата личных королевских слуг (comes subiculariorum); этот чин, вероятно, учрежденный по образцу соответствующего поста римского императорского двора, в 653 и 683 гг. занимали по три человека. Достаточно древней была, как кажется, и должность конюшего (comes stabuli), хотя впервые мы узнаем о ней только в 683 г. Нам ничего не известно об организации центрального управления вестготского королевства. Можно предположить, что и здесь, как в сфере местного управления, римский принцип ведомственного разделения уступил место системе порученцев. Похоже, исключение составляла только финансовая служба.

Из Тулузы в Толедо (507-567 гг.).

I. Гезалех. Теодерих Великий. Амаларих. Теудис. Теудегизель. Агила I. Атанагильд.

Ввиду непрерывного давления франков после битвы при Пуатье вестготы решили объявить королем Гезалеха, внебрачного сына Алариха II. Его сводный брат Амаларих, племянник Теодериха Великого, тогда был еще ребенком и поэтому не мог руководить обороной. Однако Гезалех быстро проявил свою недееспособность. Бургунды, заключившие союз с франками, захватили Нарбонн, важнейший город вестготского королевства. В Южной Галлии сопротивляться вражеским нападениям продолжал только Арль. Гезалех бежал в Барселону (Isidor, HG, 37). Теодерих Великий, вначале признавший Гезалеха, из-за непрерывных неудач вестготского короля обратился против него. Осложнение ситуации на северных границах государства остготов и грозная демонстрация византийского флота у берегов Италии помешали ему своевременно выступить на помощь союзникам-вестготам. Но уже в 508 г. остготское войско под началом Иббы двинулось в

Прованс и сняло осаду с Арля. Вслед за тем Ибба повел войска на Нарбонн, который и был отбит у врагов в 509 г. Вероятно, тогда же была снята осада с Каркассона, в котором, скорее всего, укрылся Амаларих (d'Abadal, S. 55).

После того как еще одно войско остготов напало на Бургундию, был заключен мир. Его условия предусматривали сохранение status quo. Франки удержали завоеванные ими области Аквитании с древней столицей Тулузой; тем самым вестготы потеряли области, переданные им по договору 418 г. У побежденных осталась лишь узкая полоска земли на берегу Средиземного моря с городами Арлем, Агдом, Безье и Нарбонном, то есть территории, завоеванные вестготами только во второй половине V века. Граница протянулась севернее Каркассона, из-за которого впоследствии велись частые бои. Несмотря на интенсивные попытки обеих сторон изменить пограничную линию, она оставалась в неизменном виде почти два столетия.

Остготское войско двинулось на Барселону, где Гезалех до сих пор пребывал в полном бездействии. Похоже, среди вестготов появилась оппозиция королю, который в 510 г. приказал умертвить графа Гоериха. Этого графа следует отождествлять с тем самым Гоерихом, которому в 506 г. было поручено довести РЗВ до сведения судей (Chron. Caesaraug., a. 510). Остготы изгнали Гезалеха, не натолкнувшись на серьезное сопротивление. Он бежал к вандалам, так как их король Трасамунд тогда находился в напряженных отношениях с Теодерихом Великим. Впрочем, Трасамунд не осмелился оказать военную помощь претенденту. И все-таки Гезалех получил крупную денежную субсидию и отправился с деньгами в Южную Галлию. Поддержка Гезалеха до крайности обострила остготско-вандалские отношения, и Трасамунд счел необходимым направить Теодериху письмо со своими извинениями (Диснер, с. 107–108). В 511 г. Гезалех попытался со своими сторонниками совершить нападение на Испанию. Потерпев поражение от Иббы под стенами Барселоны, он захотел скрыться в землях бургундов, но был убит на берегу Дюранса.

Теперь государство вестготов оказалось под верховной властью остготского короля. То, что Теодерих Великий был фактическим и юридическим правителем вестготского королевства, подтверждается списками вестготских королей, в которых Теодериху отводится 15 лет правления (511 – 526 гг.), а его внуку Амалариху 5 лет (526 – 531 гг.). Не вполне понятно юридическое обоснование правления Теодериха. В данном случае не может идти речи об опекунстве, как предполагает Прокопий, так как законным королем тогда считался бы Амаларих. Но он был провозглашен королем только после смерти деда в 526 г., хотя по вестготским законам он имел право приступать к управлению государством с 15 лет, то есть примерно в 517 г. Стремление к как можно более тесному слиянию остготского и вестготского государств проявилось и в том, что Теодерих Великий приказал перевести из Каркассона в Равенну часть королевской сокровищницы, не попавшую в руки франков (Прокопий Кесарийский, Война с готами, 1, 12, 47). Не вполне ясно, какие мотивы побудили Теодериха Великого унижить своего внука и подчинить себе родное

королевство Амалариха. Вероятно, после того как его политика равновесия пала под ударами франков в 507 г., он захотел расширить сферу своей власти. Возможно, конечной целью Теодериха было образование готской сверхдержавы и восстановление единства ост- и вестготов. И на самом деле оба племени тогда объединились в одно (Ibid., 1, 12, 49). Государством вестготов управляли уполномоченные Теодериха. Видимо, сначала руководство осуществлял Ибба, а в 523-526 гг. источники сообщают нам об остготских чиновниках Лиувирите и Ампелии. Очень высокое положение, хотя и с неясными функциями, занимал Теудис, оруженосец Теодериха Великого (Ibid., 1, 12, 50; Иордан, 302). Однако после смерти Теодериха тесная связь между двумя ветвями готского племени прервалась вновь. Вестготы провозгласили королем Амалариха. Прокопий сообщает, что после смерти короля остготов произошел раздел государства между Амаларихом и Аталарихом, сыном дочери Теодериха Амаласунты (Прокопий Кесарийский, Война с готами, 1, 13, 4). При этом области к востоку от Роны определенно достались остготам. Амаласунта, руководившая равеннским правительством за несовершеннолетнего Аталариха, вернула вестготам их королевскую сокровищницу. Из этого видно, что она не была включена в казну остготских королей. По-видимому, Амаларих понимал, что смерть Теодериха Великого приведет к ослаблению могущества остготов. Осознавая, что не следует больше ожидать помощи из Равенны, он стремился, и не без успеха, к налаживанию союзнических отношений со своими опаснейшими противниками, франками, и с этой целью женился на дочери Хлодвига Хлодехильде. Однако препятствиями, которые вестготский король чинил своей жене, придерживавшейся ортодоксальной веры, он предоставил ее брату Теудериху повод к нападению (Ibid., 1, 13, 9). В 531 г. вестготы потерпели поражение под Нарбонном. Амаларих бежал в Барселону, где и был убит (Chron. Caesaraug., а. 531). Король франков забрал свою сестру и ее богатое приданое и отвез обратно в свое государство. Сверх того, он получил некоторые вестготские земли в Южной Галлии.

Обычно речь шла о Родезе, но, как кажется, тогда же франкскими стали и некоторые другие земли, так как Прокопий говорит о всеобщем исходе вестготов из потерянных областей (Прокопий Кесарийский, Война с готами, 1, 13, 13). После продолжавшегося несколько месяцев периода междуцарствия в конце 531 г. королем стал Теудис, остгот, сумевший создать себе достаточно независимое положение еще при Теодерихе Великом (Ibid., 1, 12, 52). Он женился на знатной римлянке из Испании, владевшей значительным состоянием; на доходы от ее земель он мог содержать частную армию в 2000 человек (Ibid., 1, 12, 50, 52). И все-таки это избрание королем вестготской державы остгота привлекает особое внимание и может расцениваться как результат политики взаимопонимания, проводившейся Теодерихом Великим. Сразу после восшествия на престол Теудис начал борьбу с франками. Мы узнаем о боях в области Родеза и Безье. Впрочем, подробности этих событий нам неизвестны (Григорий Турский, 1, 21 и сл). По-видимому, военные действия не принесли решительного перевеса ни

одной из сторон. Десять лет спустя между вестготами и франками вспыхнула новая война. В 541 г. Хильдеберт I и Хлотарь I двинулись походом на Сарагосу, обложили город, но не добились успеха (Ibid., 3, 29). Вестготский герцог Теудегизель изгнал франков из страны (Chron. Caesaraug., a. 541).

И все же наибольшая опасность угрожала вестготам не с севера, а с юга. Византийский император Юстиниан в 533 г. снарядил поход против государства вандалов.

Правивший тогда король Гелимер, по-видимому, вступил в переговоры с Теудисом: он собирался бежать с королевской сокровищницей в Испанию (Диснер, с. 120). После завоевания вандальской державы византийцы приобрели опорные пункты на африканском побережье, среди них Цевту на берегу Гибралтарского пролива. В законе об организации африканской префектуры претории Юстиниан предписал поставить в Цевте гарнизон во главе с особенно надежным комендантом, чтобы наблюдать за проливом и незамедлительно сообщать обо всех событиях в государствах вестготов и франков. Для обеспечения ускоренной доставки сообщений в Цевте были поставлены дромоны, быстрые боевые галеры (С. J. 1, 27, 2). В городе были построены мощные укрепления (Procop, de aedif., 6, 7, 14; С. J. 1, 27, 2). Балеарские острова, ранее принадлежавшие вандалам, также были заняты византийцами (Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, 2, 3, 7). Тем самым Юстиниан со всей очевидностью раскрыл свой интерес к западноевропейским землям. Теудис попытался предотвратить нависшую над его страной угрозу и послал войска, отбившие Цевту у византийцев. Однако вестготы не смогли устоять перед нападением императорской армии и снова потеряли этот важнейший город. Новая попытка захватить город провалилась из-за того, что византийцы напали на ничего не подозревающих вестготов в воскресенье (Historia de Espana, S. 93. Messmer, Hispania-Idee, S. 110). Остготы, которые в те же годы воевали с византийцами, пытались втянуть в войну Теудиса. После взятия Равенны Велисарием и пленения короля Витигиса остготы провозгласили королем Ильдибальда, причем решающую роль сыграло его родство с Теудисом. Остготы надеялись, что ему удастся побудить короля вестготов отправить им на помощь свои войска (Прокопий Кесарийский, Война с готами, 6, 29, 14). Летом 548 г. Теудис пал жертвой покушения. Возможно, причиной его смерти стала кровная месть (Isidor, HG, 43). Важнейшим событием правления Теудиса стала переориентация вестготской политики. Если до сих пор на передний план выходила вражда с франками и вследствие этого особенное внимание правители вестготов уделяли северным областям королевства, то теперь в поле зрения вестготских королей попадает остававшаяся прежде в пренебрежении Южная Испания. Военные действия против Цевты предполагают, что Бетика, но недавнего времени пользовавшаяся фактической независимостью, (О фактической независимости Бетики говорил д'Абадаль (S. 64)). была включена в состав вестготской державы.

Теудегизель, провозглашенный королем после смерти Теудиса, уже в 549 г. был убит на званом пиру в Севилье. В данном случае причиной

покушения, по-видимому, также была личная месть (Isidor, HG, 44). Мы располагаем крайне скудными свидетельствами о правлении преемника Теудегизеля, Агила. В первые годы после своего восшествия на престол он пытался завоевать Кордову (Ibid., 45). Этот важнейший город, как мы видим, все еще сохранял свою независимость, хотя нам ничего не известно ни о его истории, ни о его внутреннем устройстве. Готское нападение закончилось поражением войск Агила. На поле боя остался королевский сын, и по некоторым сведениям, в руки жителей Кордовы попала даже королевская сокровищница. Агила отвел свою армию к Мериде, и в это же время в Севилье вспыхнуло восстание, во главе которого встал Атанагильд.

Попытка Агила подавить мятеж привела к новому провалу. Тем не менее, кажется, что последующие битвы протекали неудачно уже для Атанагильда, так как он был вынужден обратиться с просьбой о помощи к Юстиниану. Хотя война против готов в Италии еще не была завершена, византийский император решил вмешаться в испанские события. Юстиниан заключил с Атанагильдом договор, содержание которого остается для нас неизвестным (Это явствует из одного письма Григория Великого Реккареду: MGH Epp. I, Register Gregors I., 1, 9, 229). Византийская армия под началом Либерия в 552 г. заняла южное побережье Испании (Thompson, Goths, S. 323). Либерий был лучшим знатоком вестготских дел, каким только располагал Юстиниан.

Он происходил из римского senatorского рода и до 529 г. управлял восстановленной галльской префектурой претории, в сферу юрисдикции которой, вероятно, входила и Испания. В готской войне Либерий занимал командную должность в армии (Прокопий Кесарийский, Война с готами, 7, 39, 6 и сл.). Еще тогда (550 г.) о нем говорили как о высокоодаренном деятеле; ко времени испанской экспедиции ему было примерно 90 лет. Если Юстиниан прибег к услугам этого старца, назначив его руководителем важного военного предприятия, хотя еще в 550 г. он освободил его от всех занимаемых постов по старости лет, то причины такого решения следует искать исключительно в политических целях императора. Скорее всего, он полагал, что появление Либерия возымеет значительное пропагандное действие, так как он был хорошо известен в Испании. Вскоре после того как Либерий высадился на испанском побережье, ситуация вновь изменилась: Агила был убит в Мериде, а его прежние сторонники присоединились к Атанагильду, который теперь стремился избавиться от своих византийских союзников. Хотя ему и удалось отбить Севилью, нападение на Кордову закончилось провалом (Chron. Caesaraug., a. 568). Чтобы иметь возможность направить все свои силы на изгнание византийцев, Атанагильд удачной брачной политикой обеспечил себе мир с франками. Его дочь Брунхильда стала женой короля Сигиберта. До самой своей смерти в 613 г. эта удивительно способная и политически одаренная женщина царила на политической сцене франкского государства. Брат Сигиберта Хильперик женился на сестре Брунхильды Галсвинте, но этот союз оказался недолговечным, и вскоре дочь вестготского короля была убита (Григорий

Турский, 4, 27 и сл). Сегодня нелегко очертить границы территории, занятой византийцами (Литература по истории византийской части Испании приведена в Stroheker, Westgotenreich, S. 211, прим. 1. См. также Thompson, Goths, S. 320ff. Входили ли в зону византийского господства Кордова и Севилья, не вполне ясно. Томпсон предполагал, что оба города пользовались независимостью. В таком случае мы должны учитывать существование в Бетике трех политических сил: византийцев в прибрежных областях, автономных городов Кордовы и Севильи в долине Гвадалквивира и вестготов в глубине страны. Тем не менее эта гипотеза утрачивает правдоподобность, если иметь в виду, что Севилью потерял Атанагильд. У нас нет ни малейшего повода полагать, что это произошло в результате восстания местного населения. Гораздо более вероятным кажется, что город заняли византийские союзники Атанагильда. О захвате обширной части внутренней Андалузии византийцами говорит и еще один факт: на Третьем Толедском соборе не были представлены епископы Кордовы, Эсихи, Кабры, Мартоса, Ла Гвардии и Гранады. Так как в остальном на этом соборе присутствовал почти весь вестготский епископат, отсутствие шести епископов из довольно небольшой области кажется особенно примечательным. Вестготам тогда принадлежала только Кордова, большинство других городов, по-видимому, было под властью византийцев). С уверенностью можно сказать, что византийским было побережье от Картахены до Малаги, а кроме того города Медина Сидония и Хигонса (к северу от Медины Сидонии). К. Ф. Штроэкер показал, что общепринятая до недавнего времени точка зрения, согласно которой Византии принадлежал и Альгарв, основывается на недоразумении (Stroheker, Westgotenreich, S. 241). Когда в 568 г. умер Атанагильд, государство вестготов оказалось в крайне тяжелом положении.

II. Поселение в Испании. Взаимоотношения вестготов и римлян. Королевская власть. Система управления. Церковная политика.

В последний раз в вестготской истории мы говорим о переселении народа, высшая точка которого пришлась на 507 г. Движение осуществлялось несколькими волнами.

Уже в 494 и 497 гг. Сарагосская Хроника сообщает о том, что вестготы поселились в Испании. До тех пор они, хотя и подчинили себе значительную часть Иберийского полуострова, но сами занимали только важнейшие опорные пункты; с уверенностью можно говорить лишь о присутствии вестготов в Мериде, где в 483 г. вестготский герцог совместно с епископом позаботились о восстановлении разрушенного моста через Гвадиану (Vives, 363). Возможно, какое-то число готов поселилось в древнекастильской Месете, приблизительно в области Паленсии, после победы над свевами (d'Abadal, S. 43). Ныне сложно однозначно определить причины, приведшие к увеличению притока вестготов в Испанию в 90-х годах V века. Скорее всего, самым существенным фактором стало франкское давление на

вестготскую границу, проходившую по Луаре. Хотя на землях между Луарой и Гаронной, оказавшихся под непосредственной угрозой нападений франков, жило очень небольшое количество вестготов, тем не менее уже тогда переселяться в Испанию решались их многочисленные соплеменники из коренных областей вестготских поселений. Переселенческое движение завершилось только в 531 г., когда после поражения Амалариха многие вестготы покинули потерянные территории. На них осталась лишь незначительная часть низшего слоя вестготского общества. В VII веке в области Родеза все еще жили готские государственные рабы (E. Ewig, *Volkstum und Volksbewusstsein in Frankenreich des 7. Jahrhunderts*, 5. *Settimana di Studio*, Bd. 2, publ. Spoleto 1958, S. 591, 685). Некоторые беженцы поселились в части Галлии, оставшейся под вестготской властью и получившей название Септимания. В качестве доказательства присутствия вестготов на этих землях можно рассматривать топонимику так называемого септиманского типа, синтаксическая форма которой подразумевает прогрессирующую романизацию вестготов и которую следует датировать приблизительно VI веком (Gamillschegg, *Romania Germanica I*, S. 351). Однако основная масса племени, скорее всего, переместилась во внутренние области Испании; в пользу этого предположения говорят кладбища с расположением могил рядами (*Reihengraberfriedhofe*), засвидетельствованные в основном на территории современных провинций Сеговии, Мадрида, Паленсии, Бургоса, Сории и Гвадалахары (W. Reinhart, *Sobre el asentamiento de los Visigodos en la Peninsula*, *Archivo Espanol de Arqueologia* 18, 1945, S. 134. J. Werner, *Die archaeologischen Zeugnisse der Goten in Sudrussland, Ungarn, Italien und Spanien*, 3. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1956, S. 127-130. W. Huebner, *Zum Stand der Archaeologie der Westgotenzeit auf der iberischen Halbinsel*, *Konstanzer Arbeitskreis fur mittelalterliche Geschichte*, *Protokoll* 127, 1965, S. 57-62). К ним можно добавить некоторые кладбища в Каталонии и в области Кордовы-Севильи. Говоря о могилах, расположенных рядами, мы имеем в виду обычай выравнивать могилы в одинаковом направлении и размещать в них погребальную утварь. Подобные кладбища, лишь частично исследованные в Испании, в то же время появляются на территории современной Франции. В Испании мы до сих пор знаем примерно 30 таких кладбищ.

Так как они почти без исключений группируются в достаточно ограниченном регионе, мы можем отождествить погребенных таким образом людей с определенной этнической группой, вестготами. Такой вывод подтверждается тем, что именно на тех землях, где существуют кладбища с расположением могил рядами, мы обнаруживаем готскую топонимику. В целом мы располагаем примерно 2000 германских топонимов, которые, конечно, не все можно отнести на счет вестготов. Однозначную идентификацию допускают лишь топонимы, образованные с помощью этнонима «готы». Таковых имеется примерно 80 штук. На вестготские поселения указывают названия Торо (пров. Самора: *campi Gothorum*), Вильяторо (пров. Бургос и Авила: *villa Gothorum*), Ревильягодос (пров.

Бургос: villa Gothorum) (J. M. Piel, *Toponimia germanica*, в: *Enciclopedia linguistica Hispanica*, Bd. 1, Madrid 1960, S. 533f., 558). Еще одним индикатором вестготского поселения может служить название местности «готские поля» (*campi Gothorum*), которое, хотя и было засвидетельствовано впервые только в IX веке, но должно быть намного древнее, так как арабы называли один из городов, расположенных в этой местности, Медина-дель-Кампо, «город (готского) поля» (C. Sanchez-Albornos, *Tradicion y derecho visigodos en Leon y Castilla*, Cuadernos de Historia de Espana 29/30, 1959, S. 254). На основании этих данных можно считать доказанным, что большинство вестготов поселилось в Месете Старой Кастилии и в части Новой Кастилии. Погребальная утварь говорит о том, что это было бедное население. Золото попадает чрезвычайно редко, серебро в большинстве случаев сильно легировано, остальные украшения достаточно безыскусно изготовлены из бронзы (H. Zeiss, *Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich*, 1934, S. 127). Нам неизвестны причины, приведшие к середине VI века к исчезновению обычая положения в могилы бытовых предметов. Эту перемену нельзя сводить к переходу вестготов в ортодоксальную веру, так как обращение произошло лишь в 589 г.

У нас нет данных, которые говорили бы о том, что в этой области жили представители готской знати. Мы знаем об их присутствии в Мериде, среди имен знатных готов в этом городе появляется и имя Виттериха, позднее ставшего королем (*Vitae Patr. Emerit.*, 5, 10, 1). Некоторые надписи указывают на то, что готские аристократы жили в Андалузии. Среди них выделяются, например, «знатный муж» (*vir inluster*) Вилиульф, умерший в 562 г. в Монторо (пров. Кордова), (*Vives*, 167). и знатный и богатый Оппила из Вильяфранки-де-Кордова (*Ibid.*, 287). Около 600 г. один знатный гот основал три церкви в епископстве Гвадикс (*Ibid.*, 303). В Кордове в начале VII века возник формула передачи «утреннего дара» девушке «из готской сенаторской фамилии» (*Form. Visig.*, 20). То, что члены высшего готского круга с самого начала селились в городах, выясняется из письма Теодериха Великого (*Cassiodor*, 5, 39, 15). По всей видимости, вестготская знать в особенности предпочитала окрестности Кордовы и Мериды. Такое стремление вполне понятно, если учитывать, что Мерида постоянно упоминается в источниках в качестве королевской резиденции. Кордова после ее повторного завоевания Леовигильдом также стала важным опорным пунктом, обеспечивавшим вестготскую власть в Бетике. Факт того, что готская знать селилась в тех регионах страны, где не было поселений низших слоев племени, имел большое значение для этнической эволюции вестготов. В римском окружении руководящий слой быстро подвергся сильной романизации. Мы не можем с полной достоверностью установить, сколь долгое время знатные готы продолжали говорить на своем языке. И все же, так как после переселения вестготов в Испанию в современный романский язык перешло только несколько готских слов, мы можем сделать вывод, что процесс романизации сделал большие шаги вперед уже в VI веке (*Gamillschegg*, *Historia linguistica*, S. 244). Аристократы очень быстро

перестали пользоваться родным языком, он стал уделом низших слоев общества и совершенно исчез, вероятно, в VII веке (Gamillschegg, *Romania Germanica I*, S. 355). Вряд ли возможно с уверенностью определить численное соотношение вестготов и романского населения. Р. Менендес Пидаль насчитывает около 8 миллионов римлян (*Historia de Espana*, S. XVII). Дж. К. Расселл, напротив, говорит о населении в 3-4 миллиона человек, что представляется чрезвычайно низкой цифрой (J. C. Russell, *Late ancient and Medieval Population*, *Transactions of the American Philosophical Society*, NS 48, 3 Philadelphia 1958). Романскому населению противостояло около 80-200000 вестготов, так что готское племя составляло лишь 1-6,5 процентов от общей численности населения Испании. Следовательно, вестготы оказались в меньшинстве даже в основной области расселения, на что указывает и появление топонимов с компонентом «готский». Одно численного сопоставления вестготов и римлян достаточно для того, чтобы объяснить причины романизации пришельцев.

В VI веке положене римлян и готов существенным образом выравнилось. 312-ая статья Кодекса Евриха запрещает римлянину передавать в собственность готу спорный земельный участок до завершения судебного процесса. Законодатель исходит из того, что было бы сложно вернуть землю, находящуюся в распоряжении гота, ее полноправному владельцу. Судя по этому закону, готы обладали большей властью, чем римляне. В кодификации Леовигильда в соответствующем законе отсутствует упоминание гота (Zeumer, S. 434). Следовательно, принадлежность к готскому племени уже не предоставляла преимуществ в общественной жизни. Пример знатного вестгота– ортодокса Иоанна из Бикларо показывает, что ортодоксальное вероисповедание уже проникало в высшие готские круги. Ассимиляции вестготов в значительной мере способствовали смешанные браки, которые, как показывает пример Теудиса, заключались и на самом высоком уровне. Романизации подверглась даже арианская церковь; попытка Леовигильда привлечь ортодоксов своего государства к арианской церкви предполагает, что около 580 г. арианская церковь уже использовала латынь в качестве языка богослужения (Schaeferdiek, S. 160).

Для королевской власти VI век был периодом упадка. Возможно, уже Гезалех пришел к власти в результате выборов. Впрочем, с уверенностью можно утверждать, что выборам своими королевскими регалиями был обязан Теудис (Isidor, *HG*, 41: *creatur in regnum*). Выбран был и Агила (*ibid.*, 45: *rex creatur*). После его гибели восшествию на престол Атанагильда сопутствовал акт народного признания (*ibid.*, 46) Детали избрания короля не известны.

Ослабление королевской власти после угасания рода Теодериха I, – рода, правившего вестготами на протяжении 113 лет, – проявляется и в том, что Атанагильд был первым правителем в VI веке, умершим своей смертью. Создается такое впечатление, что причиной убийств остальных королей был не один лишь произвол. Исидор Севильский связывает их несчастливую судьбу с военными неудачами: Гезалех был просто недееспособен, на Теудисе лежал груз ответственности за тяжелое поражение вестготов под

Цевтой, Теудегизель жил в грехе, а возведение на престол Агилы произошло из-за страха знатных людей перед полным упадком государства; впрочем, и он пал жертвой своих военных неудач. Не считали ли вестготы естественным коррелятом своего права выбора право смещения с поста, если избранник не выполнял возлагаемых на него ожиданий и тем самым объявлял, что он не способен править страной? Тогда право на смещение осуществлялось в виде убийства короля. Г. Мессмер полагал, что в подобных случаях племя снова брало в свои руки судьбу государства (Messmer, S. 118. Иначе R. Gilbert, *El reino visigodo y el particularismo español*, Estudios Visigóticos 2, Rom-Madrid 1956, с выводами которого мы не можем согласиться). Так как у нас имеются достоверные данные, что в IV и VII веках племя репрезентировала знать, можно предположить, что такая же ситуация сложилась и в VI веке. При таких обстоятельствах убийство короля представляется легитимным способом избавления от неспособного правителя в интересах племени. Ослабление королевской власти и вызванное поражениями потрясение устоев государства проявляются и в утрате постоянной столицы. В то время как Гезалех и Амаларих предпочитали в качестве резиденций Барселону и Нарбонн, их преемники жили в Севилье, Мериде и Толедо. Это опять-таки говорит о перемещении политического центра тяжести государства с севера на юг. Подобная частая смена резиденций должна была затруднять консолидацию страны.

Значение и политический вес знати в эти десятилетия неизвестны, но, вероятно, ее силу следует оценивать очень высоко. Это доказывает пример богатой римлянки, на которой женился Теудис.

Внутренние условия были далеки от безоблачных, как показывает письмо Теодериха Великого Ампелию и Лиувириту (Cassiodor, 5, 39). Плохо обеспечивалась общественная безопасность, убийства стали обыденным порядком вещей. С легкостью выносились смертные приговоры. Рушилась система налогообложения, налоги взимались не на основании налоговых кадастров, а по усмотрению сборщиков, часто пользовавшихся неправильными весами и утаивавших часть доходов. Участились случаи неправильного сбора пошлин. Королевские чиновники, имевшие по римскому образцу право реквизировать транспорт при своих поездках, требовали больше лошадей, чем следовало. Особенно интересно замечание, что управляющие частных и королевских владений навязывали окрестным свободным крестьянам свою «защиту» и вымогали за это продукты и услуги. Осужденный еще Сальвианом патроциний, в результате которого свободные крестьяне низводились до зависимого положения, продолжал свое существование и в государстве вестготов. В этой практике следует видеть существенную причину исчезновения сословия свободных крестьян в вестготской державе. Правление Теодериха Великого, по всей видимости, принесло с собой временные перемены в администрации. В 529 г. Амаларих назначил некоего Стефана «префектом Испании» (*praefectus Hispaniarum*: Chron. Caesaraug., a. 529). При этом он следовал остготской системе управления, так как именно Теодерих восстановил галльскую префектуру в

Арле (Schmidt, S. 347). Р. д'Абадаль предположил, что сфера юрисдикции галльского префекта (до 526 г. на этой должности мы видим Либерия) распространялась и на Испанию (d'Abadal, S. 61). Назначение префекта для Испании вскоре после разделения обоих королевств подтверждает это предположение. Впрочем, вскоре префектура была вновь упразднена. В 531 г. Стефан был смещен собранием, состоявшимся в Хероне и называемом источниками «собором». Его преемник так и не был назначен (Chron. Caesaraug., a. 531). Так как «собор» по времени совпал с восшествием на престол Теудиса, по всей видимости, именно новый король был инициатором отмены этого института. Нам неизвестен круг полномочий префекта, но, по-видимому, он был ограничен управлением гражданскими делами (Ср. Schmidt, S. 367).

Положение ортодоксальной церкви было довольно благоприятным (Schaeferdiek, S. 89). То, что Амаларих с неодобрением относился к вероисповеданию своей жены Хлодехильды, никак не отразилось на ортодоксах. Стремление Алариха II к образованию отдельной вестготской церкви также не нашло продолжения в политике его преемников. По-видимому, вестготские короли не имели четкой церковной позиции. О свободе, которой пользовалась ортодоксальная церковь, говорит оживленная деятельность соборов. Между 516 и 546 гг. состоялось шесть соборов, причем речь идет о поместных соборах, на которых решались вопросы церковной организации. Кажется, только Атанагильд чинил препятствия их проведению (Ibid., S. 99). Сопrotивление, на которое натолкнулся в Бетике Агила, лишь в незначительной степени объясняется конфессиональными разногласиями. Они не имели особенного значения и во время византийского нашествия. Примечательно, что византийцы, которых Африка приветствовала как освободителей и которые нашли в высшей степени дружественный прием в Италии, не приобрели достойной какого-либо упоминания поддержки романского населения в Южной Испании. Следует предполагать, что такая ситуация была обусловлена отсутствием в регионе резких конфессиональных противоречий. Арльский митрополит в 514 г. получил папский викариат не только для вестготской Галлии, но и для Испании (Ibid., S. 73). Тем самым Цезарий приобрел важные полномочия. Впрочем, мы не знаем, как он их использовал. Права Арля были ограничены уже в 517 г., когда папа Гормизд назначил епископа Эльчского Иоанна представителем Апостолического Престола в Испании. Однако против этого протестовал Севильский митрополит, который ссылаясь на привилегии папского викариата, дарованные митрополии еще в V веке. Задача Эльчского епископа, возможно, сводилась к тому, чтобы не допустить проникновения влияния Арля в Южную Испанию. По-видимому, в Риме просто забыли о старых притязаниях Севильи. Гормизд подтвердил викариат митрополита Саллюста Севильского, но ограничил его Бетикой и Лузитанией. Назначение папского уполномоченного является признаком стремления курии и отдельных испанских епископов к укреплению контактов между

Пиренейским полуостровом и Римом. Впрочем, через десять лет эти отношения снова были прерваны.

Возрождение вестготского государства при Леовигильде и Реккареде (568-601 гг).

Завоевания Леовигильда. Мятеж Херменегильда. Внутренняя политика. Церковная политика. Обращение Реккареда и вестготов. Последствия для королевской власти.

После смерти Атанагильда наступил период междуцарствия, продолжавшийся 5 месяцев. В конце концов королем в Нарбонне был провозглашен Лиува I. Возможно, сначала он нашел поддержку лишь у знати Септимании и вряд ли ступал когда-нибудь на испанскую землю (Stroheker, Leovigild, S. 136). В конце 568 или начале 569 г. он назначил соправителем своего брата Леовигильда. При этом они пришли к соглашению, что Леовигильд будет править в Испании. Сам Лиува, который с этих пор исчезает со страниц наших источников до самого упоминания о его смерти в 572 г., сохранял за собой управление Септиманией. Уже в начале своего царствования Леовигильд приступил к проведению энергичных мер, направленных на осуществление того, что можно назвать его политической программой: «Он восстановил страну готов, уменьшившуюся в результате различных мятежей, в ее прежних границах.» (Johannes v. Biclaro, a. 569).

При этом он, вероятно, с самого начала стремился объединить под своей властью весь Пиренейский полуостров. Эта программа подразумевала ожесточенную борьбу как с внутренними, так и с внешними врагами. Первыми шагами нового короля стали действия против опаснейшего противника, византийцев. Хотя в 570 г. он не смог сделать ничего особенного и удовольствовался опустошением окрестностей Басы и Малаги, в 571 г. ему удалось занять Медину Сидонию. Еще больший успех ожидал его в 572 г., когда он захватил важнейший и, вероятно, связанный союзными отношениями с византийцами город Кордову. Вскоре под его власть попали замки и города в окрестностях Кордовы. После того как Леовигильд утвердился в южных землях, он обратился к Северной Испании, где все еще сохраняли свою независимость племена саппов и кантавров. Область саппов, располагавшаяся, по-видимому, недалеко от Саламанки, отныне была полностью включена в состав вестготского государства (Ibid., S. 118). Кантаврами управляла знать, представители которой время от времени сходились на собрания (Braulio, Vita S. Emiliani 33). Их столица Амайя (пров. Бургос) была занята Леовигильдом в 574 г., их земли были разорены и присоединены к вестготской державе. Политика, направленная на расширение государственных границ, привела в 575 г. к подчинению

Аспидия, до тех пор сохранявшего независимое положение в «арегенских горах», не поддающейся идентификации местности на северо-западе Испании. По всей видимости, он был чем-то вроде местного царька, так как Леовигильд привез в страну вестготов и его семью, и его казну.

Затем Леовигильд приступил к покорению государства свевов. После ряда успехов он заключил с королем Миро временное перемирие. Причины, вызвавшие прекращение этого предприятия, остались неизвестными.

В 577 г. Леовигильд вновь обратил свои взоры на юг. В пограничной полосе между вестготским государством и Византией сохраняла свою независимость местность под названием Ороспеда, располагавшаяся, вероятно, в верховьях Гвадалквивира.

Леовигильд захватил эту страну, очевидно, находившуюся под управлением знати.

Тем самым были выполнены важнейшие пункты политической программы Леовигильда, тем более что в то же время он успешно боролся со своими внутренними врагами (Григорий Турский, 4, 38). В 578 г. во внутренних областях Испании король основал город, названный в честь его второго сына Реккополисом. Этот город, заложенный где-то в провинции Гвадалахара, должен был, вероятно, стать столицей вестготского государства (D. Claude, *Studien zu Reccopolis 2*, Madrider Mitt. 6, 1965, S. 167-194).

Однако мирное течение событий было нарушено старшим сыном короля Херменегильдом. Продолжая политический курс Атанагильда, Леовигильд женил его на Ингунде, дочери короля франков Сигиберта. Планировалась и свадьба Реккареда с дочерью Хильпериха, брата Сигиберта. Тем не менее, несмотря на свой совсем еще юный возраст, Ингунда не только отказалась переходить в арианство, но и пыталась обратить Херменегильда в истинную веру. В спорах, разразившихся после этого в недрах королевской семьи, роковую роль сыграла королева Госвинта, фанатичная арианка. Чтобы как-то разрешить возникший конфликт, Леовигильд выделил своему старшему сыну область с главным городом Севильей и поставил там его в качестве самостоятельного правителя. В 579 г. Херменегильд поднял в Севилье восстание и перешел в ортодоксальное вероисповедание, (Об этом и дальнейшем ср. F. Goerres, *Kritische Untersuchungen ueber den Aufstand und Martyrium des Hermenegild*, Zs. f. histor. Theologie 43, 1893. Stroheker, *Leovigild*, S. 152ff. Schaeferdiek, *Kirche*, S. 152ff. L. Duchesne, *L'eglise au VIe siecle*, Paris 1925, S. 570). скорее всего, надеясь использовать в своих целях подспудную напряженность между ортодоксами и арианами. Раздувание конфессиональных противоречий повергло вестготское государство в жестокий кризис.

Если до сих пор вся логика развития вела к сближению и даже слиянию римлян и готов, то теперь над ними явственно нависла угроза конфронтации.

Позиция Херменегильда, принявшего при крещении имя Иоанн, отчетливо выражается в надписи из Алкалы-де-Гвадайры (пров. Севилья): «Во втором году правления нашего господина, короля Херменегильда, которого преследует его отец, король Леовигильд.» (Vives, 364).

Впрочем, призыв мятежника к последователям ортодоксального христианства проявить солидарность со своим новым единоверцем не нашел заметного отклика. Как современник этих событий Иоанн Бикларский, так и писавший несколько десятилетий спустя Исидор Севильский квалифицируют действия Херменегильда как мятеж. Очень мало сторонников Херменегильд нашел и среди ортодоксального епископата. Его поддерживал Леандр Севильский, в то время как Масона Меридский, гот по происхождению, занимал выжидательную позицию. То, что позднее Херменегильда стали почитать как мученика, следует считать результатом позднего переосмысления, совершившегося под воздействием анти-ортодоксальной политики Леовигильда (Schaeferdiek, S. 153).

Херменегильд активно искал союзников. Он заключил соглашение с византийцами, которым, по-видимому, передал Кордову. Свою помощь предложил и король свевов Миро. Скорее всего, существовали также какие-то связи с франкскими родичами Ингунды. Так, в поддержку Херменегильда выступил Гунтрам, король Бургундии, уже являвшейся частью франкского государства, в то время как Хильперих из-за своих разногласий с Гунтрамом поддержал Леовигильда.

Сам Леовигильд, очевидно, надеясь на полюбовное примирение, поначалу не предпринимал никаких действий. В 581 г. он пошел походом на басков, возможно, также вступивших в союзные отношения с Херменегильдом. В итоге часть их территории была завоевана Леовигильдом; чтобы укрепиться на этих землях, Леовигильд основал «город победы» Викториакум (ныне Витория). Только в 582 г. он двинулся против своего сына. Осада Севильи длилась свыше года. После того как была отбита попытка короля свевов придти на помощь осажденным, Херменегильд бежал в Кордову к византийцам. Тем не менее, подкупив византийского губернатора, Леовигильд вернул город под свою власть. Херменегильд укрылся в церкви и покинул ее, только получив обещание, что его жизни ничто не угрожает (Григорий Турский, 5, 38) Он был сослан в Валенсию, а позднее в Таррагону, где в 585 г. и был убит. Ингунда осталась в руках византийцев и умерла на пути в Константинополь.

Последние годы правления Леовигильда протекли относительно спокойно и мирно.

Подчинение королевства свевов больше не составляло никаких сложностей. Несколько сложнее было справиться с Гунтрамом, который попытался захватить Септиманию.

Два франкских войска двинулись на Ним и Каркассон. После первоначальных успехов – Каркассон ненадолго попал в руки Гунтрама – недисциплинированные войска с их неспособными начальниками были вынуждены отступить (Ibid., 8, 30). Гунтраму пришлось перейти к оборонительным действиям. Во время правления Леовигильда мир, несмотря на многочисленные дипломатические контакты, так и не был заключен.

К моменту своей смерти в 586 г. король вестготов выполнил большую часть своих внешнеполитических планов: в состав государства были

включены не только остававшиеся до сих пор автономными области Испании, но и государство свевов; византийцы были отброшены к побережью, были отбиты франкские нападения.

В равной степени удачно проходила и внутренняя политика Леовигильда. Для укрепления находившейся в упадке королевской власти он не удовлетворялся усмирением знати, но и возродил основы королевского достоинства. Исидор

Севильский говорит, что он «первым сел на трон в королевских одеяниях; ибо прежде правители носили те же одежды и сидели на тех же сидениях, что и остальной народ.» (Isidor, HG, 51).

Говоря о нововведениях Леовигильда, нельзя не заметить, что это были заимствования из византийских обычаев. Перестройка вестготского королевства по имперскому образцу нашла отражение и в наименовании Реккополиса, отчетливо указывающем на византийские источники. Основание городов относилось к важнейшим задачам императора. Уже Теудис присоединил к своему имени императорское имя Флавий (H. Wolfram, *Intitulatio. Lateinische Koenigs- und Fuerstentitel bis zum Ende des 8. Jahrhunderts*, MIOG, Erg.-Bd. 21, 1967, S. 60. – Cp. D. Th. Enklaar, *De herkomst van het spaanse Keizerschap, Mededelingen der koninklijke nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, N. R. 20, 3, 1957*. В этой статье обосновывается точка зрения, согласно которой императорский титул правителя Леона в Средние века следует объяснять империализацией вестготской королевской власти). Тем самым король заявлял о своей принадлежности к императорскому роду, gens Flavia, с которым он установил свое фиктивное родство. И здесь нельзя не заметить стремление встать на одну ступень с императором. Дальнейшим шагом на пути присвоения императорских прерогатив можно считать тот факт, что Леовигильд первым из вестготских королей приказал чеканить золотые монеты со своим именем и изображением. Хотя вестготы чеканили монету начиная с V века, но на золотых ставилось имя и изображение тогдашнего императора (W. Reinhart, *Nuevas aportaciones a la numismatica visigoda*, *Archivo Espanol der Arquelogia* 16, 1945, S. 212-235. Id., *Die Muenzen des westgotischen Reiches von Toledo*, *Deutsches Jahrbuch f. Numismatik* 3/4, 1940/41, S. 69-101. Id., *Die suebischen und westgotischen Muenzen als kulturhistorische Denkmaeler*, *Germania* 25, 1941, S. 188-193. G. C. Miles, *The Coinage of the Visigoths of Spain*, New York 1951).

Приблизительно до 575 г. Леовигильд также имитировал византийские монеты и выпускал их с именем Юстина II. После короткого переходного периода, когда надписи на монетах сознательно делались нечитаемыми (т. н. обманный шрифт), Леовигильд перешел к чеканке собственных монет. При этом он и его преемники употребляли эпитеты, заимствованные из титулатуры римских императоров (например, pius «благочестивый» и felix «счастливый»). В монетном деле Леовигильд вернулся к римскому образцу, долгое время остававшемуся без употребления. Он приказывал запечатлеть в монетных легендах важные события своего правления. После завоевания Севильи были выпущены монеты с надписью: «С Богом завоевал он

Севилю» (*cum Deo optinuit Spali*). После занятия Кордовы надписи гласили: «Он дважды захватил Кордову».

«Империализация» королевской власти не означала, что вестготский король отныне притязал на всемирное господство. Леовигильд и его преемники считали себя независимыми правителями, «императорами в своей стране». В этом заключается их основополагающее отличие от византийских государей.

Целям внутренней консолидации государства служила и новая кодификация вестготского права. До нас кодификация Леовигильда дошла лишь в составе Редакции Реккесвинта; восходящие к Пересмотренному Своду (*Codex revisus*) Леовигильда законы обозначаются там как «древние» (*antiqua*). Пересмотренный Свод основывался на Кодексе Евриха и Римском Законе Вестготов, из которых было позаимствовано множество статей. Так, к римскому праву восходит признание равных прав на наследство у дочерей и сыновей (*Zeumer, S. 478*). Леовигильд отменил существовавший до сих пор запрет на браки между римлянами и готами, тем более что он и без того, как говорит законодатель, чрезвычайно часто нарушался. Так как с выпуском Пересмотренного Кодекса, вероятно, устранялось и особое положение готов в суде, кажется очевидным, что основной целью законодательной деятельности Леовигильда было окончательное уравнивание в правах обеих этнических групп вестготского государства. Первый шаг в этом направлении сделал еще Теудис, издавший закон о судебных издержках, одинаковый как для римлян, так и для готов (*Ibid., S. 160*). Хотя только Судебная Книга (*Liber iudiciorum*) Реккесвинта явным образом запретила пользоваться другими юридическими кодексами, можно предположить, что РЗВ вышел из употребления уже с появлением свода Леовигильда.

Восстание Херменегильда показало, что конфессиональные различия могут стать взрывоопасной смесью, угрожающей взорвать политическое благополучие страны. На основании горького опыта Леовигильд предпринял рискованную попытку привести к единому знаменателю и эту сферу государственной жизни (К дальнейшему ср. *Schaeferdiek, S. 157*). В 580 г. в Толедо состоялся арианский собор (первое и единственное собрание подобного рода в королевстве вестготов), на котором речь шла о том, чтобы «обратить римлян в арианскую ересь» (*Johannes v. Biclario, a. 580*). Чтобы облегчить этот процесс, арианские епископы заявили о своем отказе от обряда повторного крещения, до сих пор являвшегося неотъемлемой частью обращения, и тем самым о своем признании ортодоксального таинства крещения. Кроме того, Леовигильд ввел почитание реликвий и мучеников, опять же до тех пор неизвестное арианской церкви. Видимое сближение с ортодоксальной позицией произошло и в догматическом аспекте. Леовигильд считал оправданным называть Христа равным (*aequalis*) Отцу, в то время как до него Сын признавался лишь подобным (*similis*) Ему.

Сама арианская догма не была существенно потревожена этой уступкой, но и такими в сущности маловажными терминологическими изменениями можно было облегчить обращение ортодоксов.

Со времен Евриха ни один вестготский король не чинил серьезных препятствий ортодоксальной церкви. Поводом для анти-ортодоксальной политики Леовигильда, в корне отличавшейся своими мотивами, целями и методами от политики Евриха, послужил мятеж Херменегильда, ярко осветивший существующую конфессиональную проблематику. Леовигильд стремился к конфессиональному объединению всех граждан на почве арианства; его образ действий был жестче приемов Евриха, но нельзя говорить и о религиозных гонениях. Он использовал уговоры, вознаграждения и угрозы, а в чрезвычайных случаях прибегал к ссылке. Масоне Меридскому и Иоанну Бикларскому были в принудительном порядке указаны новые места жительства.

Арианской церкви были дарованы все мыслимые преимущества. Так, ариане получили в свое владение множество ортодоксальных церквей в Мериде. Религиозные дискуссии, излюбленное средство арианской пропаганды, должны были публично демонстрировать превосходство этой конфессии. Гибкая тактика Леовигильда в религиозных вопросах оказалась довольно удачной. В арианство перешел даже один ортодоксальный епископ, Винцентий Сарагосский. Впрочем, остальной епископат остался на своих позициях, тем более что Леовигильд не возражал против назначений на вакантные епископские кресла.

Мы сомневаемся, принесла бы ли религиозная политика Леовигильда существенные результаты, продлилась она чуть подольше, ввиду внутренней силы сопротивления ортодоксальной церкви. Смерть короля в 586 г. положила конец его церковной деятельности, в конечном успехе которой он, по-видимому, сомневался и сам, о чем позволяет судить возвращение Масы в Мериду.

В целом период правления Леовигильда можно оценить положительно. Политическое объединение Пиренейского полуострова сделало значительный шаг вперед. Силы вестготской знати были подорваны. «Империялизация» королевской власти привела к усилению правителя. С 580 г. столицей государства становится Толедо. И все-таки краеугольный камень политического единства, единство конфессиональное, так и не был заложен. В этом отношении попытка Леовигильда сплотить свое государство, взяв за основу незначительно видоизмененное арианство, вызвала волнения, обременившие правление его сына и преемника Реккареда.

Вскоре после своего вступления на престол Реккаред избрал новый путь в религиозной политике. Уже в 587 г. он перешел в ортодоксальную веру. Обращение короля явилось действием, значение которого выходило далеко за пределы личного переубеждения одного, пусть даже столь высокопоставленного человека. Этим актом Реккаред отказался от продолжения церковной политики своего отца, решив положить в основу конфессионального единства, к которому так стремился Леовигильд, ортодоксальное вероисповедание. Король пытался оказать давление на арианских епископов и побудить их к обращению (*Ibid.*, а. 587). Он пригласил их на диспут с ортодоксами по вопросам конфессиональных

различий, который, естественно, завершился желанной для короля победой ортодоксальной партии. Впрочем, вскоре ариане начали оказывать сопротивление. В Мериде арианский епископ Сунна устроил заговор совместно с несколькими знатными готами, среди которых находился и будущий король Виттерих.

Заговор был направлен против епископа Масоны, но был вовремя раскрыт, а заговорщики наказаны. Гораздо опаснее были интриги, которые поддерживала вдовствующая королева Госвинта. Ее союзником стал епископ Ульдида, возможно, занимавший кресло епископа в Толедо (Schaeferdiek, S. 202). Однако вскоре Госвинта умерла, а арианский епископ был отправлен в ссылку. Открытый мятеж Септимании, где вспыхнул в Нарбоннский епископ Аталох и графы Граниста и Вильдигерн вступили в связь с Гунтрамом (Vitaе Patr. Emerit., 5, 12, 2f.; Григорий Турский, 9, 15).

Впрочем, это восстание также было довольно быстро подавлено.

В 589 г. в Толедо состоялся Государственный Собор, на котором должно было произойти объединение конфессий. На соборе председательствовал сам Реккаред; его ближайшими советниками были Леандр Севильский и аббат Евтропий. Присутствовали все пятеро митрополитов страны, 48 ортодоксальных и 8 бывших арианских епископов, арианские священники и готская знать. Арианские епископы представляли диоцезы Барселоны, Валенсии, Визеу, Туя, Луго, Порту, Паленсии и Тортосы. Из этого перечисления следует, что основные силы арианской церкви были сконцентрированы в области, некогда находившейся под властью севов. Не были представлены арианские диоцезы Нарбонна, Мерида и Гранады. Собор открылся торжественным обращением вестготов. Обращенные арианские епископы сохраняли свой сан. Эта мера привела к тому, что отдельные диоцезы временно занимали два епископа, ортодоксальный и бывший арианский. Арианские епископы и готская знать подписали ортодоксальное вероисповедание. В дополнение к этому собор вынес несколько постановлений о литургии и вопросах церковного права. В заключение было выпущено несколько законов против приверженцев иудаизма.

Значение Третьего Толедского собора для вестготской истории невозможно переоценить. Он подвел черту под политикой объединения, которую Реккаред продолжал вслед за своим отцом, но привел к усрешному завершению совсем противоположным путем. После установления конфессионального единства пали последние барьеры между большинством вестготов и римлянами. Тем самым были созданы все предпосылки для слияния обеих этнических групп. Для королевской власти Толедский собор означал дальнейшее возвышение и укрепление, ибо церковь с полной готовностью стала на службу ортодоксального правителя. Иоанн Бикларский ставит Реккареда в один ряд с Константином Великим и Маркианом, добившимся осуждения ересиарха Нестория на Халкидонском соборе 451 г. Акты Третьего Толедского собора вознесли Реккареда на сакральный уровень. Он объявляется «священнейшим правителем» (*sacratissimus*)

princeps), «исполненным божественного духа» (divino flamine plenus); «ему же подобают апостольские заслуги, ибо он исполнил апостольский долг.» Очевидны параллели с церковными представлениями об императорской власти того времени. Византийский император также считался равноапостольным. Повелителя Константинополя называли «православным императором» (orthodoxus imperator), вестготского короля «православным королем» (orthodoxus rex). Христианизация королевской власти, продолжавшаяся и в VII веке, началась именно с Третьего Толедского собора (E. Ewig, Zum christlichen Koenigsgedanken im Fruehmittelalter, Vortraege und Forschungen 3, Das Koenigtum, 1956, S. 7-73. H. Beumann, Zur Entwicklung transpersonaler Staatsvorstellungen, Vortraege und Forschungen 3, Das Koenigtum, 1956, S. 185-224). В конечном итоге король становится представителем Христа на земле. Тем самым в церковном отношении король вестготов поднимался на тот же уровень, что и византийский император (H. Loewe, Von Theoderich dem Grossen zu Karl dem Grossen, 1958 (= Deutsches Archiv 9, 1952)). В силу своего освященного положения король мог выдвигать церкви свои требования.

Фактически церковная власть вестготского короля соответствовала тем правам, которыми обладал по отношению к церкви своего государства император (Schubert, S. 177). Последующий период характеризуется взаимопроникновением церковной и светской областей государственной жизни, засвидетельствованным уже в 589 г. На соборе обсуждались светские законы, а Реккаред прислушивался к советам епископов, как показывает его антииудейское законодательство. От позднейших соборов также исходили важные инициативы по развитию вестготского государственного права. И наоборот, король имел почти что неограниченные возможности влиять на постановления собора. Он определял круг обсуждаемых вопросов, которые представлял собранию в письменном послании (tomus). Король мог придавать решениям собора статус законов. Права светского правителя в отношении собора естественным образом вытекали из его положения «короля Божьей милостью». В одном письме папе Григорию Великому Реккаред говорит о том, что он наивысший повелитель своих подданных после Бога.

В остальном Реккаред продолжал политику, завещанную ему отцом. Войну с франками он завершил крупной победой, которую одержало готское войско под началом Лузитанского герцога Клавдия (Isidor, HG, 54). Достиг ли Реккаред каких-либо успехов в борьбе с византийцами, неизвестно. Он сражался также против басков, но постоянное возобновление походов показывает, что они в сущности не приносили никаких результатов и баски сохраняли свою самостоятельность. Мятеж герцога Аргимунда в 590 г. не смог серьезно поколебать власть Реккареда. После смерти короля в 601 г. на престол без сопротивления вступил его сын Лиува II.

За время правления Леовигильда и Реккареда вестготское государство претерпело ряд внешних и внутренних преобразований, направленных на укрепление единства страны.

При этом речь шла с одной стороны о внешнем единстве, подчинении вестготской власти всего Пиренейского полуострова (впрочем, этот процесс так и не был завершен), и с другой стороны, о единстве внутреннем, правовом и конфессиональном объединении вестготов и римлян, которое было суждено осуществить только Реккареду.

Толедское государство (601-711 гг).

И. Лиува II. Виттерих. Гундемар. Сисебут. Свинтила. Сисенанд. Хинтила. Тульга. Хиндасвинт. Реккесвинт. Вамбы. Эрвиг. Эгика. Витица. Родерих. Арабское завоевание Испании. Агила II. Ардо. Пелагий.

Последовавшее за правлением Реккареда столетие отмечено растущей внешнеполитической изоляцией вестготского государства. Этот процесс был обусловлен внутренней слабостью франкской державы, более не способной на какие-либо серьезные действия и одновременно переставшей представлять интерес в качестве партнера как дружественных, так и враждебных отношений. Не было у вестготов точек соприкосновения и с королевством лангобардов, непосредственные контакты с которым засвидетельствованы лишь в начале VII века. Византия была занята тяжелой борьбой с Персией, а начиная с 632 г., с арабами и больше не была в состоянии активно вмешиваться в события, происходившие в западном Средиземноморье

Изолированность отражена и в исторических источниках того времени. В не-испанских источниках вестготское королевство, выпавшее из поля зрения франков и византийцев, почти не упоминается (Messmer, Hispania-Idee, S. 79). И с другой стороны, вестготские хронисты почти не интересовались событиями, случившимися за пределами их страны. Сын Реккареда Лиува II, взошедший на престол в возрасте 18 лет, уже в 603 г. пал жертвой заговора, во главе которого стоял Виттерих. Нам ничего не известно о государственной деятельности молодого короля. Виттерих, взявший в свои руки бразды правления после Лиувы, судя по сообщениям источников, был способным военачальником. Он предпринимал многочисленные, хотя и безрезультатные походы против византийцев (Isidor, HG 38. Следует отказаться от широко распространенной точки зрения, согласно которой Виттерих был королем ариан и благоволил арианской церкви (например, Historia de Espana, S. 112). Арианской церкви в то время уже не существовало). Союз с Теудерихом II, скрепленный браком франкского короля с дочерью короля вестготского, который должен был способствовать обеспечению мира в Септимании, закончился скандалом. Теудерих II после годичного брака отослал Эрменберту, дочь Виттериха, к отцу, но удержал у себя ее богатое приданое (Fredegar, 4, 30). Разрыв произошел по настоянию Брунхильды, хотя ее мотивы так и остались нам неизвестны. Теперь Виттерих вступил в союз с Хлотарем II и его братом Теудебертом II; когда в

этот альянс, направленный против Теудериха II, вступил еще и король лангобардов Агилольф, судьба повелителя бургундской части франкской державы, казалось, была решена; но по непонятным причинам планы союзников так никогда и не были приведены в исполнение.

Виттерих также был убит. Гундемар, принявший корону в феврале 610 г., победил басков и византийцев. Он твердо поддерживал союзнические отношения с Теудебертом II и посылал своему союзнику установленные по договору субсидии под охраной графа Булгара, тем более что до него доходили слухи, будто Теудерих II и Брунхильда призвали к себе на помощь аваров, чтобы натравить их на Теудеберта (Ер. Visig. 11-12). Раздоры внутри франкского королевского рода, в которые дипломатическим способом вмешался Гундемар, утихли только после смерти короля вестготов, завершившись поражением Брунхильды и восстановлением государственного единства. Управление всей франкской державой сосредоточил с своих руках Хлотарь II.

Преемником Гундемара, умершего в 612 г., стал Сисебут, решительно продолживший политику своего предшественника. На севере он подчинил астурийцев, которые до тех пор, возможно, находились под верховной властью франков (Isidor, HG, 38). Сисебут также победил рукконов, совершенно неизвестный народ, область поселений которого не поддается локализации. Впрочем, гораздо важнее были успешные войны с византийцами. Император Ираклий был не в состоянии помочь войсками своему наместнику Цезарию. Таким образом, в 615 г. по просьбе Цезария начались мирные переговоры. Переписка с Сисебутом, частично дошедшая до нас, велась обеими сторонами в самых любезных тонах и вежливых выражениях (Ер. Visig. 3-6. Ср. Stroheker, S. 222). Условия мирного договора не сохранились, но византийцы потеряли по крайней мере Малагу.

Во внутривосточной сфере Сисебут продолжил антииудейскую политику Реккареда. Так как евреи после перехода вестготов в ортодоксальное вероисповедание оставались единственной закрытой нехристианской группой населения, последовательная политика консолидации страны требовала их ассимиляции. Сисебут пытался обратить их силой, и Исидор Севильский неодобрительно замечает по этому поводу: «Он принуждал силой тех, кого должен был бы привлекать силой убеждения, присущей нашей вере.» Образ действий Сисебута, возможно, следует связывать с антииудейскими мерами императора Ираклия. Немногим позднее против приверженцев веры Моисея выступил король Дагоберт I в государстве франков. К тому времени борьба с синагогами приняла общеевропейский размах. Впрочем, если спустя некоторое время остальные государства вернулись на позиции большей веротерпимости, антииудейское законодательство вестготов ужесточалось вплоть до самого падения их державы.

Сисебут был образованным правителем и даже занимался писательской деятельностью. Так, он написал на несколько вычурной латыни «Житие епископа Дезидерия Валенсийского», убитого в 606 или 607 г., так как он

имел несчастье принадлежать к числу политических противников королевы Брунхильды. Исидору Севильскому, величайшему ученому своего государства, Сисебут посвятил стихотворение, в котором он жаловался на тяготы своего положения правителя и восхвалял радости спокойной жизни ученого (W. Stach, Koenig Sisebut, ein Maezen des isidorianischen Zeitalters, *Die Antike* 19, 1943, S. 63-76). В отличие от папы Григория Великого, который порицал епископа Дезидерия за то, что тот выступал в защиту риторического образования, именно по этой причине его хвалит вестготский король, приверженец античной традиции образования. В. Штах указал, что, возможно, своим меценатством Сисебут преследовал определенные культурно-политические цели, стремясь к укреплению единства государства и в этом отношении.

Сисебуту, умершему в 621 г., наследовал его юный сын Реккаред II, который умер через несколько дней после отца. Его преемник Свинтила был возведен Сисебутом в ранг герцога и воевал с византийцами. Похоже, их изгнание было первоочередной задачей нового короля. После поражений двух наместников византийцы потеряли свои последние владения в Испании. Войны, в ходе которых была разрушена Картагена, скорее всего, завершились около 625 г. Таким образом, Свинтила стал, по словам Исидора, первым королем, «властвовавшим над всей Испанией по эту сторону от Гибралтарского пролива.» Вестготское королевство обрело границы, не претерпевшие никаких изменений до самого крушения.

Сразу после королевской инаугурации баски совершили набег на Тарраконскую Испанию. Свинтила успешно воевал с ними и вынудил их построить город (или крепость) под названием Ологикус (Олита, пров. Наварра?), в который был поставлен вестготский гарнизон.

Свинтила назначил соправителем своего сына Рикимера, еще не вышедшего из детского возраста, но надеждам Исидора на то, что он будет счастливо править после долгого правления своего отца, не суждено было сбыться: Рикимер вскоре умер. Свинтила был свергнут с престола, когда против него выступила группировка знати под руководством Сисенанда, призвавшая на помощь франков. Они напали на Свинтилу под Сарагосой. Король вестготов был брошен своими сторонниками на произвол судьбы, от него отвернулся даже его брат Гейла. Свинтилу вынудили отречься, но все же избранный новым королем Сисенанд сохранил ему жизнь (Fredegar, 4, 73). Тем не менее вестготы отказались заплатить королю франков условленное вознаграждение – золотую чашу весом в 500 фунтов – и заменили ее на 200000 солидов; по тем временам это была очень большая сумма.

Причины восстания знати остаются неизвестными. Четвертый Толедский собор обвинил свергнутого короля в жадности; якобы он и его семья обогащались за счет бедняков, что, конечно, не соответствует действительности, так как Исидор восхвалял щедрость Свинтилы по отношению к представителям низших классов (Isidor, HG, 62). Сисенанд был вынужден бороться со значительными внутривосточными проблемами. Против него поднял мятеж некий Иудила, как мы знаем по монетам,

отчеканенным этим претендентом на престол. Так как монеты были отчеканены в Гранаде и Мериде, мы можем сделать вывод, что его власть некоторое время распространялась на достаточно обширную территорию (Miles, S. 30, 321). Иудилу склонны отождествлять с Гейлой, братом Свинтилы, о котором на Четвертом Толедском соборе было сказано, что он не сохранил верность ни своему брату, ни королю. Однако это отождествление наталкивается на языковые препятствия. Поэтому следовало бы предполагать два восстания против Сисенанда, во главе одного из которых стоял Иудила, а во главе второго – Гейла.

Под председательством Исидора Севильского в 633 г. состоялся Четвертый Толедский собор. Наряду с обсуждением вопросов литургии, церковной дисциплины и иудейской религии было вынесено важное постановление относительно выборов короля. 75-ый канон определяет, что король должен избираться на собрании знати (*primates gentis*) и епископов. Был осужден любой насильственный захват власти, зачинщики подобных беспорядков должны быть прокляты. В этом постановлении можно видеть причину созыва первого государственного собора за 44 года. Узурпация Сисенанда должна была быть узаконена, а его власть подтверждена одобрением церкви.

После смерти Сисенанда весной 636 г. на трон взошел Хинтила. Его правление отмечено только проведением двух всегосударственных соборов. Пятый Толедский собор издал девять канонов, из которых не менее пяти были посвящены защите короля и его семьи. Следовательно, Хинтила чувствовал себя в опасности. Созванный в 638 г. Шестой Толедский собор разбирал вопросы церковного устройства и дисциплины. И на этот раз не обошлось без постановлений в защиту короля. Так как одновременно были изданы каноны, дававшие знати гарантии соблюдения ее прав, следует предполагать возрастающее влияние аристократии.

Хинтиле в 639 г. наследовал его сын Тульга, проводивший, как кажется, довольно мягкую политику. Несмотря на это, он пал жертвой заговора знати, провозгласившей в 642 г. в Пампльеге (пров. Бургос) королем Хиндасвинта. Тульгу вынудили постричься в монахи и тем самым устранили его из политической жизни страны.

Если мятежники думали, что 79-летний Хиндасвинт будет удобным для них правителем, то они очень сильно ошибались. Ни один другой вестготский король не боролся со знатью так беспощадно, как этот старик. По некоторым данным, жертвами его гнева пали 200 представителей высшей аристократии и еще 500 членов знатных родов. В качестве причины действий Хиндасвинта франкский хронист называет желание короля раз и навсегда покончить с восстаниями знати (Fredegar, 4, 82). Хиндасвинт развернул энергичную законодательную деятельность, имевшую своей целью полную реорганизацию юридической системы. Он намеревался заново переработать свод законов, но эта работа так и не была завершена при его жизни. Седьмой Толедский собор, созванный в 646 г., наряду с внутрицерковными вопросами обсуждал проблемы, связанные с нарушением клятвы верности. В этом также

сказалась политика Хиндасвинта, направленная на усиление королевской власти. Той же цели служило и назначение соправителем его сына Реккесвинта, объявленное 20 июня 649 г. Подобная политика встретила полное одобрение влиятельных церковных кругов, опасавшихся возникновения новых беспорядков и войн в отсутствие законного и сильного наследника (Braulonis ep. 21. Ср. J. Orlandis Rovira, *La iglesia visigoda y los problemas de la sucesion al trono en el siglo VII*, 7. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1960, S. 345).

Несмотря на все меры предосторожности после смерти Хиндасвинта в 653 г. вспыхнуло восстание, во главе которого стоял некий Фройя, о котором нам больше ничего неизвестно, опиравшийся на басков и осадивший Сарагосу. Впрочем, Реккесвинт быстро подавил этот мятеж.

Уже в 654 г. появился переработанный вариант вестготского свода законов. Светское законодательство было дополнено постановлениями соборов; внутренняя взаимосвязь светской и церковной сторон государства вестготов проявляется и в том, что соборы созывались именно в тот период времени, когда была обнародована Судебная Книга (*Liber iudiciorum*). Они состоялись в 653, 655 и 656 гг., между тем как за остальные 16 лет правления Реккесвинта не было проведено ни одного крупного собора. Восьмой Толедский собор обсуждал предложенный королем вопрос, как поступить с участниками мятежа Фройи, а также проблемы церковной дисциплины. Один канон устанавливал новые формы выбора короля. На заключительном заседании были вынесены постановления против иудеев. Десятый Толедский собор еще раз подтвердил важное значение клятвы верности. После долгих и спокойных лет правления в 672 г. Реккесвинт скончался в королевском подворье Гертикосе (не локализован) в окрестностях Саламанки.

В тот же день королем был выбран Вамба, человек уже в годах, но тем не менее чрезвычайно энергично взявшийся за выполнение своих королевских обязанностей. Сначала он предпринял поход против басков. Еще до окончания военных действий он узнал о мятеже Хильдериха, графа Нима. Когда посланный для подавления мятежа Павел, герцог Септимании, со своей стороны короновался на вестготский престол в Нарбонне и при поддержке Раносинда, герцога Тарраконской Испании, начал готовиться к войне с Вамбой, король лично выступил против мятежников, без труда перевалил через Пиренеи и захватил опорные пункты восставших. Павел был вынужден капитулировать в римском амфитреатре Нима, в котором он пытался укрепиться.

С этих пор в стране воцарился мир. Однако так как в результате похода против Павла в организации вестготского войска обнаружились серьезные недостатки, Вамба отдал приказ, по которому люди, сразу не выполняющие свой воинский долг в случае вражеского нападения, теряли свою свободу (LV 9, 2, 8). Вамба использовал королевскую власть над церковью интенсивней, чем его предшественники. Он самовольно учреждал епископства, одно из них в дворцовой церкви св. Петра и Павла в Толедо (12. *Tolet.*, с. 4). Он не созвал ни одного государственного собора; по всей

видимости, он не считал для себя необходимым заручиться поддержкой церкви. Правление Вамбы было насильственно прервано 14 октября 680 г. Эрвиг, сын византийца Ардабаста, прибывшего в Испанию при Хиндасвинте и женившегося на родственнице этого короля, поднес Вамбе напиток из саротамнуса. В результате отравления Вамба потерял сознание. Так как создавалось полное впечатление, что король с минуты на минуту умрет, его соборовали и по вестготскому обычаю надели на него монашескую одежду. Тем самым он переходил в духовное звание и лишался возможности править страной. Когда через несколько часов Вамба очнулся, его принудили подписать отречение от престола и отослали его в монастырь Пампльега, где он прожил еще 12 лет (Chronik Alfons III, S. 610).

Хотя Эрвиг был помазан на царство уже 21 октября 680 г., он чувствовал необходимость дальнейшего оправдания своего прихода к власти. Естественно, созванные на государственный собор епископы удовлетворили это желание и подтвердили законность его восшествия на престол. Также было с готовностью выполнено другое желание короля – избежать повторения судьбы Вамбы. В актах собора был очень точно описан весь ход действий, приведший к устранению Вамбы, и повторение этих действий воспрещалось под страхом суровой кары! Политический цинизм собора превосходит всяческое воображение.

Эрвиг вовсе не был слабым правителем, каким его часто изображают различные исследования. Многочисленными законами он пытался улучшить положение в стране. Если он и смягчил некоторые жесткие указы Вамбы, то сделал это потому, что подобные драконовские меры показали свою несостоятельность. На первый план в государственной деятельности Эрвига вышла борьба с иудейской религиозной общиной. Последовательней, чем его предшественники, он стремился насильно обратить иудеев в христианство. Им было запрещено заниматься любым родом деятельности, в котором они могли бы командовать христианами. Священникам было предписано взять иудеев под свой строгий надзор (LV 9, 2, 9).

Тринадцатый Толедский собор вынес по предложению короля постановления об охране короля и его семьи.

В период правления Эрвига произошли столкновения с франками (вероятно, речь шла об аквитанцах, отделившихся от франкского государства), протекавшие неблагоприятно для вестготов (Ibid., S. 611).

Эрвиг отдал свою дочь Киксилону в жены Эгике, родственнику Вамбы. Скорее всего, это был знак примирения с родом Вамбы, по-видимому, обладавшим большой властью и широким влиянием. На смертном одре 15 ноября 687 г. Эрвиг назначил зятя своим преемником.

24 ноября 687 г. Эгика был помазан на царство в Толедо. Если Эрвиг надеялся установить с Эгикой, выступавшим в качестве представителя рода Вамбы, длительный мир, то он жестоко ошибался. 11 мая 688 года был созван Пятнадцатый Толедский собор, по предложению короля разрешивший его от клятвы, которую он принес Эрвигу и которой он обязался охранять и направлять семью своего предшественника. Ненависть Эгики к Эрвигу

проявляется в многочисленных отрицательных замечаниях по поводу бывшего короля, память которого Эгика пытался унижить в своих законах. Эгика выпустил 14 законов, большинство из которых было посвящено подчинению иудеев (J. Juster, *La condition legale des Juifs sous les rois Visigoths*, Festschr. P. F. Girard, Bd. 2, Paris 1913, S. 275-335. S. Katz, *The Jews in the Visigothic and Frankish Kingdoms of Spain and Gaul*, Cambridge, Mass. 1937). Радикальное действие возымел закон, запрещающий иудеям посещать рынки и вести торговлю с христианами (LV 12, 2, 18). Тем самым они были лишены источников дохода, по-видимому, позволивших им до сих пор облегчать свое положение с помощью подкупа. И все-таки своей кульминации антииудейское законодательство достигло только на Семнадцатом Толедском соборе 694 г. Тогда было выяснено, что испанские иудеи вступили в сношения со своими зарубежными единоверцами, чтобы устроить заговор против государства вестготов. Они якобы подталкивали сирийских и египетских арабов к нападению на Испанию. Чрезвычайно резкая реакция вестготов показывает, что они полностью осознавали тяжесть нависшей угрозы. Все евреи были лишены своего состояния и свободы и выселены со своих прежних мест. Король получил право продавать иудеев по своему усмотрению. Их дети разлучались с родителями по достижении семилетнего возраста и передавались на воспитание в христианские семьи. Похоже, эти драконовские меры были действительно приведены в исполнение, ибо с тех пор иудейский вопрос больше не поднимался. Только арабское завоевание освободило евреев от бесправного положения. Между 698 и 701 гг. на восточном побережье Испании, вероятно, у Аликанте, высадился византийский флот. Однако нападение было отбито (Cont. Hisp., 74). Скорее всего, эти события связаны с посылкой в западное Средиземноморье большого византийского флота, которому в 698 г. удалось на короткое время отвоевать у арабов Карфаген.

В самом начале правления Эгика некий Сунифред, о котором нам больше ничего не известно, провозгласил себя королем с помощью Толедского митрополита Сисберта. Должно быть, некоторое время он владел столицей, так как чеканил там свою монету (Miles, 454). Возможно, именно этот мятеж стал поводом для анти-аристократических действий Эгика. Хотя его предшественник в 683 г. был вынужден издать так называемый вестготский закон *habeas-corporis*, Эгика не стал с ним считаться. Он выносил многочисленные постановления о конфискациях и высылках. У иных он незаконно вымогал долговые обязательства (Cont. Hisp., 59).

В 693-694 гг. Испания обезлюдела в результате жестокой эпидемии чумы. Потери населения в Южной Галлии были настолько высоки, что там не применялось анти-иудейское законодательство. Иудеи были предоставлены в распоряжение герцога Септимании, который мог пользоваться их услугами (17. Tolet., Введение). Около 701 г. Пиренейский полуостров поразила новая эпидемия (Cont. Hisp. 62), а между 707 и 709 гг. множеством людей стали жертвами голода и присоединившейся к этому несчастью чумы (Ajbar Maumua, перевод С. Sanchez-Albornoz, *La Espana*

musulmana segun los autores islamitas y cristianos medievales 1, Buenos Aires 1946, S. 51, S. 38). В этот период произошло значительное уменьшение населения вестготского государства. Чтобы обеспечить королевскую власть за своим родом, в 698 г. Эгика назначил соправителем своего сына Витицу. Сначала в качестве области для управления ему было выделено бывшее королевство свевов с резиденцией в Туе. Однако из-за плохого состояния здоровья короля Витица был вскоре вызван в Толедо. 15 ноября 701 г. он был помазан на царство, а в конце 702 г. Эгика скончался.

О правлении Витицы нам почти ничего не известно. Похоже, он пытался передать королевскую власть своему несовершеннолетнему сыну, но после его смерти знать восстала против применения права престолонаследия. Эта партия в 710 г. возвела на трон, сломив ожесточенное сопротивление сторонников Витицы, Родериха, вероятно, внука Хиндасвинта (Cont. Hisp. 68. Chronik Alfons III., S. 611. C. Sanchez-Albornoz, El senatus visigodo. Don Rodrigo, rey legitimo de Espana, Cuadernos de Historia de Espana 6, 1946, S. 5-99). Вестготское королевство после изгнания византийцев несколько десятилетий наслаждалось почти безмятежным миром. Но теперь на юге появился новый враг. После смерти Мухаммеда арабы очень быстро распространили свою власть на большие территории восточного Средиземноморья. В 697-698 гг. они завоевали византийскую Африку и продвинулись в населенную берберскими племенами западную часть Северной Африки. Летом 711 г. арабы во главе с Тариком переправились через Гибралтар (название означает «гора Тарика») и опустошили прилегающие земли. Родерих выступил против них с вестготским войском. В битве, состоявшейся 23 июля 711 г. на речушке Гвадалете к югу от Аркос-дела-Фронтеры (пров. Кадис), вестготы потерпели сокрушительное поражение. Родерих погиб (C. Sanchez-Albornoz, Otra vez Guadalete y Covadonga, Cuadernos de Historia de Espana 1, 1944, S. 11-114. Id., Donde y cuando murio Don Rodrigo, ultimo rey de los Godos, ibid. 3, 1945, S. 5-105). Причины этого поражения нельзя, как было принято до сих пор, сводить к измене сторонников Витицы в вестготской армии. В единственном достоверном источнике, Continuatio Hispana, ясно говорится, что в битве погибли также «соперники» Родериха, что вряд ли бы произошло, если бы они перешли к арабам. Впрочем, скорее всего, противники Родериха косвенным образом внесли свой вклад в поражение, так как их враждебное отношение к королю ослабило военную мощь вестготов.

Со смертью Родериха организованное сопротивление вестготов было сломлено. Приверженцы короля отвезли его тело в Визеу (Северная Португалия) и похоронили там. Население покинуло Толедо, митрополит Синдеред бежал в Рим. Некоторые города, такие как Мерида и Сарагоса, были захвачены арабами только после долгой осады. Теодемир, вероятно, бывший герцогом Испании Карфагенской, оказал арабам столь упорное сопротивление, что дело дошло до заключения мирного договора. По его условиям Теодемир получал управляемую им область в качестве наследственного княжества под верховной властью арабов. Речь идет о

землях между городами Ориуэлой (пров. Аликанте) и Лоркой (пров. Мурсия), которая в поздних арабских источниках по имени Теодемира называется «Тудмир» (Ср. Encyclopaedie de l'Islam, 4, s. v. Todmir). Сыновья Витицы получили от арабов в частное владение богатые земли вестготской короны (Сыновей Витицы звали Аламунд, Ромулус и Ардабаст: (Imamat wa-l-Siasat des Ben Quitaba). Historia de la conquista de Espana de Abenalcotia el Cordobes, пер. J. Ribera, Madrid 1926, S. 11). На северо-востоке вестготской державы был провозглашен новый король: Агила II чеканил свою монету в Таррагоне, Хероне и Нарбонне (Miles 513-516). В списке королей вестготов Агиле II приписывается трехлетний период правления. Этим наши сведения о нем исчерпываются. Он определенно не был сыном Витицы, но скорее всего принадлежал к его сторонникам, так как в списке королей, называющем его имя среди других королевских имен, не упоминается Родерих. Если доверять данным этого списка, он правил в 711-714 гг. Тот же самый источник упоминает в качестве преемника Агилы II некоего Ардо, который якобы правил в течение семи лет. Предположительно он царствовал в Септимании, довольно поздно занятой арабами. Конец его правления следовало бы датировать примерно 720-721 г (Р. Менендес Пидаль делает из Ардо Ардабаста и отождествляет его с одним из сыновей Витицы (R. Menendez Pidal, Historia de Espana, S. LIV). И все же произвольную интерпретацию имени, дошедшего до нас в списке королей в форме Ардо, следует отклонить. Необоснованны и рассуждения д'Абадаля (R. d'Abadal, El paso de Septimania del dominio godo al franco a traves de la invasion sarracena (720-768), Cuadernos de Historia de Espana, 19, 1953, S. 5-54. Он считает Агилу II сыном Витицы). Так как Нарбонн был захвачен арабами в 720 г., а Каркассон и Ним даже позже, эти события хорошо согласуются со сведениями списка королей.

Если на северо-востоке в руки арабов попали последние остатки вестготского королевства, то на севере началось движение против захватчиков. Знатный вестгот Пелагий бежал из Южной Испании и стал во главе борьбы астурийцев с арабами. Между 721 и 725 г. он победил при Ковадонге (пров. Овьедо) арабский отряд (C. Sanchez-Albornoz, Pelayo antes de Covadonga, Buenos Aires 1955. Id., Otra vez Guadalete y Covadonga, Cuadernos de Historia de Espana 1, 1944, S. 112). Эта победа положила начало становлению королевства Астурии, которое со времени Альфонса II (791-842 гг.) считалось продолжателем вестготского королевства. Именно из Астурии началась Реконкиста, отвоевание захваченных арабами земель. Через 781 год после битвы на Гвадалете она завершилась завоеванием Гранады в 1492 г.

II. Государственное самосознание. Провозглашение короля. Королевская власть. Несвободные на королевской службе. Церковь и папство. Церковное и светское управление. Политизация церкви. Церковная собственность. Возвышение Толедо. Частные церкви. Монастыри. Язычество. Знать. Свободные. Вольноотпущенники. Рабы. Искажения в социальном развитии. Экономика. Архитектура. Литература.

Традиционное языческое самосознание вестготов претерпело в VII веке радикальные изменения (О языческом самосознании ср. A. Dove, Studien zur Vorgeschichte des deutschen Volksnamens. SB Heidelb. 1916, 8). Процесс слияния двух этнических групп, римлян и вестготов, завершился в VII веке, причем с уверенностью можно сказать, что этот процесс затронул социальную и политическую верхушку. И в то же время мы не располагаем никакими данными о положении вестготов, поселившихся в Месете. Возникло новое политическое государственное самосознание, зачатки которого отчетливо проявляются уже у Иоанна Бикларского; в трудах Исидора Севильского оно принимает полностью развитые формы, у Юлиана Толедского перерастает в неизвестный до тех пор национализм.

Иоанн Бикларский, писавший в последнее десятилетие VI века, осуждает мятеж своего единоверца-ортодокса Херменегильда, так как это восстание «причинило готам и римлянам больше вреда, чем вражеское нашествие» (Johannes v. Biclaro, a. 579). Хотя он и совершенно четко разграничивает обе этнические группы, но уже выражает общие интересы всех «граждан государства». Историческая картина Исидора Севильского отражает следующую ступень развития. Если Иоанн Бикларский собирался написать всемирную историю и поэтому включил в поле своего зрения все Средиземноморье, то Исидор писал историю племени (*gentes*). Тем самым он подводил итоги политической эволюции, приведшей к возникновению на месте всемирной империи независимых варварских королевств. Труд Исидора заключается доказательством того, что готы превосходили римлян или по меньшей мере были им равны. Ни один другой враг не причинил империи столько несчастий, сколько готы; (Isidor, HG, 2). они захватили Рим, город, который до тех пор побеждал все другие народы (Ibid., 15). Исидор стремится доказать легитимность вестготского владычества, указывая на древность этого народа, его благородство и храбрость. Византийцев он считает врагами, а их господство в Южной Испании представляется ему узурпацией (Messmer, Hispania-Idee, S. 89). Из всего этого следует заключить, что Исидор несмотря на свое римское происхождение и на то, что он какое-то время жил в Константинополе, не ощущал себя римлянином, а приравнивал свои интересы к интересам вестготов. Слияние обеих этнических групп становится очевидным в произведениях Юлиана Толедского. В своей «Истории короля Вамбы» (*Historia Wambae regis*), написанной непосредственно вслед за подавлением восстания в Септимании,

он противопоставляет испанцев «галльцам», причем последнее название он прилагает к жителям Септимании, которых четко отличает от франков (*Gesta Wambae regis*, с. 13. Отрицательное отношение к «галльцам»: *ibid.*, *Insultatio vilis storici in tyrannidem Galliae*). «Галльцев», на которых опирался узурпатор Павел, Юлиан осыпает насмешками и издевками. В глазах Толедского митрополита они во всех отношениях были ниже испанцев. Однако ввиду того, что в Септимании продолжало жить многочисленное вестготское население, из описания событий у Юлиана следует, что вестготы утратили самоощущение единого народа. На его место пришло осознание общности жителей Иберийского полуострова, какому бы этносу они не принадлежали. Как выясняется из труда Юлиана, испанцы считали себя вестготами. Решающую роль играло не объективное происхождение, а субъективное этническое самоотнесение. К вестготам причисляли себя уже те осколки других народов, которые присоединялись к этому племени во время Великого переселения. Новым было то, что вестготами себя называло население обширной и единой территории. Изменившееся политическое самосознание выражалось еще и в том, что римляне перенимали германские личные имена (Орландис (J. Orlandis, *El elemento germanico en la iglesia espanola del siglo VII*, *Anuario de estudios medievales* 3, 1966, S. 30). отвергает сам факт принятия германских имен римлянами. И действительно, скудный вестготский материал не позволяет прийти к однозначному выводу. И тем не менее, так как в пост-готский период в Астурии во всех социальных слоях населения преобладали германские имена, сходное положение, должно быть, существовало и в вестготское время. Источники не противоречат этому предположению. Ср. J. M. Piel, *Antroponimia germanica*, в: *Enciclopedia linguistica Hispanica*, Bd. 1, Madrid 1960, S. 421). «Псевдологическое соотнесение» (по Р. Венскусу) предполагало с одной стороны отсутствие любых правовых, языковых и конфессиональных различий, а с другой стороны исчезновение римского имперского самосознания. Оба эти условия были выполнены к середине VII века. В вестготском государстве впервые произошло формирование нации на территориальной основе.

В церковных и светских юридических источниках VII века в роли конститутивных элементов государства постоянно фигурируют три понятия: народ (*gens*), отечество (*patria*) и король. Изменения в понятии *gens*, ставшем обозначать вместо племени все население Испании, мы разобрали выше. Сложнее истолковать термин *patria* (Ср. Н. Beumann, *Zur Entwicklung transpersonaler Staatsvorstellungen, Vortraege und Forschungen* 3, *Das Koenigtum*, 1956, S. 213). Его содержание не составляла территория государства. Только при подозрениях в совершении преступления против короля, народа и отечества можно было подвергнуть пыткам несвободного человека, чтобы вынудить у него показания против его господина (LV 4, 1, 4).

В политической сфере народ должны были представлять отдельные индивидуумы, так как в своей совокупности он был политически недееспособен. На это представительство имел право не только один король.

Королевское право помилования в случае, если речь шла о преступлении против отечества и народа, требовало подтверждения со стороны придворной знати и епископов (LV 6, 1, 7). Тем самым в подобных обстоятельствах обе эти группы выступали в качестве представителей народа (*gens*). Знати согласно юридическим представлениям того времени принадлежала в государстве очень важная роль. В связи с необычайным экономическим могуществом высшего слоя он всегда представлял опасность для королевской власти. Нельзя не заметить, что политические права знати были древнее, чем королевские. В некотором смысле король выглядел «узурпатором», присвоившим себе прерогативы аристократии.

Если в первой половине VII века доминировала система королевских выборов, то во второй половине столетия усилилась тенденция к передаче короны по наследству. Средствами, которые употреблялись для достижения этой цели, были назначение соправителем (Хиндасвинт – Реккесвинт, Эгика – Витица) и указание предшественника, кто должен быть его преемником, предвосхищавшее результаты последующих выборов (Вамба – Эрвиг, Эрвиг – Эгика). Впрочем, выборное право не было полностью забыто, как показывают избрания Вамбы и Родериха. Тем не менее тенденция к передаче власти по наследству была очевидна; она проявилась и в том, что начиная с 642 г. на трон, по-видимому, вступали представители только двух родов. Кажется, этому процессу в немалой степени способствовала церковь, видевшая в нем средство против междоусобных войн (J. Orlandis Rovira, *La iglesia visigoda y los problemas de la sucesion al trono en el siglo VII*, 7. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1960, S. 348). Круг выборщиков был впервые назван Четвертым Толедским собором. Шестой Толедский собор отказал в пассивном праве выбора бывшим не-свободным, лицам духовного звания, иностранцам и тем, кто был однажды подвергнут унижительному наказанию обрезания волос (*decalvatio*). Само действие должно было происходить в Толедо или в месте смерти предыдущего короля. Круг светских выборщиков стал более ограничен: к выборам допускались только представители придворной знати (*maiores palatii*). Король должен был выполнять определенные этические требования. От него ожидали, что он будет защищать христианскую веру от иудеев. Он должен был проявлять умеренность в своих суждениях, действиях и образе жизни. И в конце концов, от короля требовали бережливости в расходах.

Вслед за выборами, которые, вероятно, завершались процедурой «народного» одобрения, следовал ряд церемоний, последовательность которых сейчас невозможно с уверенностью установить. Неизвестно, существовала ли она вообще. Инаугурация византийского императора в VI веке также могла меняться. В последующем изложении мы опишем эти действия в том порядке, в котором они были засвидетельствованы Юлианом Толедским при коронации Вамбы. После смерти Реккесвинта придворные сошлись на кандидатуре Вамбы, хотя выборы проходили очень трудно. После этого король и выборщики обменялись клятвами. Королевская клятва, содержание которой нам известно неполностью, с 636 г. включала обещание

противостоять нападением иудеев на христианство (6. Tolet., с. 3. Ср. С. Sanchez-Albornoz, *La «ordinatio principis» en la Espana Goda y Postvisigoda*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 711). Не позднее 635 г. король должен был торжественно обещать тщательно отделять свою личную собственность от государственной (8. Tolet., с. 10). Эрвиг заставил Эгику поклясться никогда не использовать свою власть в противоправных целях (15 Tolet., tomus). Присутствовавшие при дворе обещали королю хранить верность и заботиться о благополучии племени, отечества и короля. Эта клятва упоминается уже в Деяниях Четвертого Толедского собора. Клятва знати была впервые включена в протокол и подписана приносящими ее самое позднее при выборах Вамбы (*Gestae Wambae regis*, с. 24). Сторонники Павла клялись быть верными ему и бороться с Вамбой и его сторонниками. Это указывает на то, что клятвенная формула, если таковая вообще существовала, могла принимать различные формы. Постоянные упоминания верности и обоюдность клятвы отчетливо говорят о том, что эта процедура уходит корнями в отношения между королем и его дружинниками (О германском институте дружины ср. W. Schlesinger, *Herrschaft und Gefolgschaft in der germanisch-deutschen Verfassungsgeschichte*, HZ 176, 1953, S. 225-275. Id., *Randbemerkungen zu drei Aufsetzen ueber Sippe, Gefolgschaft und Treue*, в: *Beitraege zur deutschen Verfassungsgeschichte des Mittelalters*, Bd. I, Goettingen, 1963, S. 286-334. Вопрос о германском или римском происхождении вестготской клятвы верности остается невыясненным. См. литературу по этому предмету в: С. Sanchez-Albornoz, *En torno a los origenes del feudalismo*, Bd. 1, Mendoza (Argentina) 1942, S. 56). Только члены придворной знати приносили клятву непосредственно королю. Остальные свободные клялись перед королевскими уполномоченными, ездившими по стране (*discussor fidei*: LV 2, 1, 7).

С обоюдным принесением клятвы связан другой, до сих пор не вполне понятный обряд, «прием в мир (короля)» (*Gesta Wambae regis*, с. 3: ... *ad suam omnes pacem recepit*,...). Об этом акте см. С. Sanchez-Albornoz, *La «ordinatio principis» en la Espana Goda y Postvisigoda*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 709).

Новый правитель облакался королевской властью сразу после обмена клятвами, как отчетливо говорит Юлиан Толедский. Впрочем, оставались еще две важные процедуры: помазание и коронация. Так как избрание Вамбы произошло за 180 км от Толедо, отсрочку помазания следует отнести за счет обычая проводить этот ритуал в столице страны. На 19-ый день после своего избрания Вамба в полном королевском облачении отправился в дворцовую церковь св. Петра и Павла. Здесь король, стоя перед алтарем, принес своим подчиненным клятву, которую следует отличать от клятвы, упомянутой нами выше. После этого наконец состоялся важнейший акт, помазание короля. Вамбы преклонил колени, и митрополит Квирик Толедский помазал ему голову. Вестготское королевское помазание следовало ветхозаветному образцу (R. Kottje, *Studien zum Einfluss des Alten Testamentes auf Recht und Liturgie des Fruehen Mittelalters*, 1964, S. 94-105). Сложно определить, когда у

вестготов появился этот обычай. Мы впервые слышим о помазании при коронации Вамбы, но сам обряд должен быть древнее, так как Юлиан Толедский говорит о нем как о чем-то само собой разумеющемся. Самый ранний возможный срок введения помазания в церемонию инаугурации – сразу после обращения вестготов в православие. Так как Реккаред начал править еще до перехода в ортодоксальную веру, мы вряд ли можем предположить, что он был помазан на царство. Возможно, первым эту процедуру прошел Сисенанд, так как этот узурпатор, как показывают Деяния Четвертого Толедского собора, стремился к церковной легитимации своей власти (Санчес-Альборнос (C. Sanchez-Albornoz, *La «ordinatio principis» en la Espana Goda y Postvisigoda*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 714). считает возможным помазание Реккареда, но предполагает, что более вероятно введение помазания при инаугурации Хиндасвинта. Лаккара (J. M. Lacarra, *La iglesia visigoda en el siglo VII*, 7. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1960, S. 365) считает первым помазанным королем Сисенанда). Значение помазания повышалось с течением времени. Характерно, что мы ничего не знаем об истоках этого обряда у вестготов. Вероятно, источники не воспринимали помазание как нечто, достойное упоминания. Ко времени Вамбы оно уже стало конститутивным элементом коронации. В письме Павла Вамбе, дошедшем до нас благодаря Юлиану, узурпатор называл себя «помазанным королем» (*unctus rex*), чтобы подчеркнуть свою легитимность. Вестготские списки королей в первый раз упоминают помазание, говоря о Вамбе, о Эгике и Витице там сказано, что они были облечены королевской властью через помазание (*unctus est ... in regno*). Таким образом, значение этого ритуала оттеснило в тень другие церемонии королевской инаугурации. Помазание обычно проводилось в воскресенье. В воскресенье были помазаны и Вамба, и Эрвиг, и Эгика, и Витица, хотя во всех этих случаях между выборами короля и помазанием избранника проходило несколько дней.

Помазание как составная часть инаугурации стало играть большую роль и в франкском государстве. Не вполне ясно, отталкивалось ли помазание Пипина в 751 г., первое франкское королевское помазание, от вестготского образца или же независимо от него напрямую восходило к Ветхому Завету (Обсуждение этого вопроса см. в: 7. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1960, S. 388).

Неизвестно, существовала ли какая-то связь между помазанием и коронацией. Не ясно также, был ли обычай королевской коронации заимствован у византийцев, император которых Маркиан первым принял корону в 450 г (O. Treitinger, *Die ostroemische Kaiser- und Reichsidee*, 2 Aufl., 1956, S. 87). У вестготов, возможно, коронация имела и германские корни, так как еще во времена расселения в южнорусских степях их вожди носили на голове металлические обручи, а позднее, вероятно, роскошно отделанные шлемы (P. E. Schramm, *Herrschaftszeichen und Staatssymbolik*, 1954, S. 136). Леовигильд появляется на монетах в диадеме, но из-за иконографической зависимости от византийских монет на основании этих изображений нельзя

делать какие-либо выводы о действительном употреблении этого атрибута власти вестготскими королями. Обряд коронации, должно быть, находился в тесной связи с духовной сферой, так как короны часто отсылались в церкви в виде подарков. Некоторые короны сохранились до наших дней благодаря находке клада в Гваррасаре (пров. Толедо). Наряду с коронами, которые никто бы не мог носить из-за их величины, мы обнаруживаем несколько экземпляров с шарнирами и подкладкой, что указывает на их использование по назначению (W. Schuecking, *Die Regierungsantritt*, 1899). Павел похитил из церкви св. Феликса в Хероне корону, пожертвованную Реккаредом, и использовал ее при своей коронации в Нарбонне (*Gesta Wambae regis*, с. 26). Мы не знаем, когда коронация была включена в состав инаугурационного ритуала; упомянутое жертвоприношение Реккареда доказывает, что этот король был коронован (Ср. С. Sanchez-Albornoz, *La «ordinatio principis» en la Espana Goda y Postvisigoda*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 708).

За исключением обоюдной клятвы короля и подданных остальная часть церемониала коронации вестготского короля находилась в ведении церкви. Сохранились ли в королевской инаугурации какие-то германские элементы, неизвестно. Можно было бы вспомнить о поднятии на щите, но применение этого ритуала у вестготов не подтверждается никакими данными (*Ibid.*, p. 716).

Король обладал практически неограниченной властью. Ему принадлежало право издавать законы, руководствуясь только своей волей (LV 2, 1, 14). В компетенции придворного суда, на котором председательствовал король, находилось совершенствование законов (LV 2, 1, 13). Хотя Реккесвинт и подчеркивал, что законы должны одинаково исполняться как королем, так и подданными, тем не менее существовало много возможностей истолковывать или даже перетолковывать право в пользу правителя. Реккесвинт полностью осознавал эту опасность, так как он вынес постановление, по которому король не мог сам выступать на процессах, в которых он был одной из судящихся сторон, но его должен был представлять его уполномоченный (LV 2, 3, 1).

Так как король получал свою власть напрямую от Бога, его приказы и распоряжения не встречали никакого сопротивления. Однажды Хиндасвинт решил назначить священника Евгения Толедским митрополитом. Епископ Браулио Сарагосский, у которого Евгений до того состоял архидьяконом, попросил короля пересмотреть свое решение, так как он крайне нуждался в услугах Евгения. Хиндасвинт ответил вежливо, но отказал.

«Ибо ты же не думаешь, блаженнейший Отче, что я могу сделать что-либо кроме того, что определил Господь, то и необходимо, чтобы ты согласно нашему решению уступил нам архидьякона Евгения как епископа нашей церкви.» (Braulionis ep. 32) Когда папа Гонорий I в одном письме испанским епископам жаловался на якобы слишком спокойное отношение вестготов к иудеям, Браулио за весь испанский епископат ответил ему, что король благодаря вдохновению Божьему предупредил эти упреки (Braulionis

ер. 31. Ср. J. M. Laccara, *La iglesia visigoda en el siglo VII*, 7. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1960, S. 363). Похоже, в данном случае вестготский король в аспекте его отношений с Богом приравнивается к папе. Король, ходящий «сразу» под Богом, естественным образом приобретал неограниченные права, так как он в любом случае всегда мог сослаться на божественное вдохновение.

Чтобы хоть как-то обезопасить себя от растущей королевской власти, церковь попыталась ограничить правителя моральными рамками. «Король занимает свое положение на основании права, а не на основании своей личности» (*regem etenim iura faciunt, non persona*), – так постановил Восьмой Толедский собор в 653 г. Большое значение придавали разделению частных владений правителя и государственной собственности. Предшественников Реккесвинта – вероятно, имелся в виду его отец Хиндасвинт – упрекали в несправедном обогащении (Tolet., с. 10). Согласно принципу, по которому обозначение вещи должно соответствовать ее содержанию, Исидор Севильский установил: Слово «король» происходит от «править» (*regere*). «Правыми деяниями сохраняют королевскую власть, греховными теряют ее» (*Etymologiae*, 9, 3, 4). «Король скромн и сдержан, тиран, напротив, безбожен и жесток.» (*Ibid.*, 2, 29, 7). На Восьмом Толедском соборе Реккесвинт признал правомерность подобных утверждений: «Лишь тот может в действительности заботиться о благе подданных, кто имеет в виду не свое собственное, а всеобщее благо.» И все же эти соображения не оказали заметного влияния на образ правления большинства вестготских королей.

Целям укрепления королевской власти служила и правовая система. В 654 г. Реккесвинт выпустил «Судебную книгу» (*Liber iudiciorum*), в которую наряду с 324 законами прежних королей вошло 99 законов Хиндасвинта и 87 Реккесвинта. Это произведение, скорее всего, не должно было покрывать все поле правовой жизни, а служить чем-то вроде справочника для повседневной деятельности судей. Королевский эдикт обнародования «Судебной книги» запрещал использовать на суде другие юридические сборники. Тем самым было юридически утверждено равноправие римлян и вестготов, фактически существовавшее с давних пор (F. S. Lear, *The Public Law of the Visigothic Code*, *Speculum* 26, 1951, S. 1-23. О влиянии Кодекса Юстиниана на вестготские законы см. A. Larraona, A. Tabera, *El derecho Justiniano en Espana*, *Atti del Congresso internazionale di diritto Romano*, Bd. 2, publ. Pavia 1935, S. 85-182). Благодаря применению территориального, общего для всех жителей права вестготское государство обогнало в юридической сфере все остальные германские королевства. Создание единого государственного права, должно быть, во многом способствовало укреплению гражданского единства. Уравнение римлян и готов и их слияние в единую нацию по территориальному – а не племенному – принципу получило с этой стороны важный импульс к дальнейшей эволюции. В результате вестготская держава обрела высокую степень «государственности», которой не смогли достичь другие германские государственные образования. Из бродячего племени,

«государства личных союзов» получилось «территориальное государство» (Т. Майер).

Возникновение трансперсональной идеи государственности препятствовало разделению вестготского королевства, в то время как другие германские державы, такие как государства франков, бургундов и тюрингов, неоднократно разделялись между королевскими сыновьями. Там преобладали патримональные представления, которые мы сегодня отнесли бы к сфере частного права. Если Лиува I назначил соправителем Леовигильда, а Леовигильд разделил власть со своими двумя сыновьями, то они действовали по примеру римских императоров, как явствует из описания событий Иоанном Бикларским. В обоих этих случаях никто не собирался действительно разделять государство. И наоборот, к разделу страны стремился, похоже, узурпатор Павел, о чем свидетельствует его письмо к Вамбе, дошедшее до нас в трудах Юлиана. В качестве герцога Септимании Павел, возможно, был хорошо знаком с франкскими представлениями о делимости королевства.

Конечно, продолжало существовать и германское обычное право. Еще незадолго до падения вестготской державы одна новелла Эгики санкционировала применение происходящего из германского права Божьего суда в виде испытания водой (LV 6, 1, 3). Нам не вполне ясно, как следует представлять себе сосуществование официального государственного права, испытавшего сильнейшее римское влияние, и обычного права в судебной практике.

При Эрвиге появилась новая редакция вестготского права. То, что король считал эту задачу первоочередной и насущно необходимой, видно из того, что новая редакция было обнародована спустя всего лишь несколько месяцев после его восшествия на престол, состоявшегося 14 октября 681 г. Комиссия просмотрела все старые законы и внесла в некоторые из них изменения, причем эти изменения были направлены прежде всего на прояснение темных или непонятных мест (Zeumer, S. 496). Если его предшественники провозглашали свои законы перед собранием светских сановников, то со времен Эрвига в законодательном процессе напрямую стали участвовать государственные соборы. Каноны Толедских соборов имели действие государственных законов, уже не требуя, как раньше, особого законодательного акта со стороны короля. Язык вестготских законов выдает прогрессирующий упадок юридической науки. Вместо точных формулировок появляются запутанные синтаксические конструкции, заимствованные из церковной области этические наставления заглушают юридическое ядро. Стилистическое сходство многих законов с соборными постановлениями указывает на то, что в их формулировании участвовали духовные лица, но не юристы.

В качестве исполнительных органов королевской власти можно назвать – наряду с церковью – администрацию, войско и королевскую дружину.

Вестготская администрация была организована гораздо лучше, чем соответствующие инстанции большинства других германских государств.

Несмотря на многочисленные перемены, римское наследие сохранилось здесь более полно, чем где бы то ни было еще. Во главе шести провинций королевства, территории которых соответствовали границам римских провинций, стояли герцоги (*duces*), выполнявшие преимущественно военные функции, но облеченные и гражданскими полномочиями. Так, в их обязанности входило одергивать судей, отправлявших правосудие вне зоны своей юрисдикции (LV 2, 1, 18), и вообще им вменялось нечто вроде должностного надзора за судьями (LV 6, 4, 3). При перечислениях чиновников, облеченных судейскими полномочиями, герцог всегда называется в первую очередь (например, LV 4, 5, 6). По причине такой полноты власти положение герцога в VII веке предоставляло хорошую отправную точку для достижения королевской короны. Свинтила до своего провозглашения королем был герцогом, то же, видимо, можно сказать и о Сисенанде. Вероятно, до 710 г. Родерих был герцогом Бетики. Павел совершил тщетную попытку сменить герцогскую должность на королевский трон.

Под началом герцогов находились *comites civitatum*, графы, осуществлявшие гражданское и военное управление городами и их окрестностями. При этом на первый план, по свидетельству законов, выходила судебная деятельность. Поэтому граф часто назывался «судьей» (*iudex*), так как его суд был важнейшей инстанцией в правовой сфере (например, LV 3, 4, 17). Однако, точно такое же наименование носили чиновники, состоявшие под началом графа (например, LV 7, 4, 2). Не во всех случаях можно провести между ними четкую границу. К подчиненным графа относились его заместитель (*vicarius*) и судьи более мелких районов (*iudex territorii*: LV 9, 1, 6). Предписания судей передавались посыльными (*missi*: LV 2, 1, 19). Исполнение приговора входило в обязанности судебных исполнителей (*saiones*: LV 2, 2, 4). Кроме того, король для проведения какого-либо процесса мог послать судей из своего окружения (*Vita Fructuosi* 15). К судьям нижнего уровня относился и *adsertor pacis*, обладавший, впрочем, очень ограниченными возможностями (LV 2, 1, 17).

Исключение из общей системы администрации, построенной на универсализме чиновников, выполнявших всевозможные королевские поручения, составляло финансовое ведомство. Здесь особенно сильно действовали римские образцы (С. Sanchez-Albornoz, *El tributum quadragesimale. Supervivencias fiscales romanas en Galicia*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 353-368. Он показал, что фрагменты римской налоговой системы просуществовали в Галисии вплоть до X века). Третий Толедский собор с одобрения Реккареда постановил, что фискальные чиновники должны являться на ежегодно проводимые поместные соборы, «чтобы они могли узнать, что они должны поступать с подданными кротко и справедливо и не обременять чрезмерными налогами ни свободных, ни фискальных рабов.» На епископов была возложена задача контролировать фискальную администрацию. Это постановление стало проводиться в жизнь. Митрополит Таррагонский Артемий сообщил в 592 г.

сборщикам налогов (*numerarii*) провинции, какие побочные доходы они могут собирать, находясь при исполнении своих служебных обязанностей (*Epistola de fisco Barcinonensi*, ed. J. Vives, *Concilios Visigoticos*, S. 54). Так как документ подписало три викария Артемия, следует предположить, что был созван собор, на котором налоговые сборы обсуждались с председателем налогового управления (*comes patrimonii*). Деяния Второго Севильского собора (619 г.) также упоминают о присутствии на нем двух финансовых чиновников, *rector rerum fiskalium* Сванилы и *rector rerum publicarum* Сисискла. Подробности должностных обязанностей обоих неизвестны (Лопес Родо – L. Lopez Rodo, *El patrimonio nacional*, Madrid 1954, S. 44) считал, что *rector rerum publicarum* осуществлял управление государственным имуществом, а *comes patrimonii* – личным имуществом короля. Подобное разделение сфер ответственности выглядит вполне приемлемым, но не находит никакого подтверждения в источниках. Похоже, юрисдикция этих двух чиновников, присутствовавших на Севильском соборе, ограничивалась Бетикой, так как одновременно с этим и в других провинциях проводились соборы, на которых рассматривались вопросы, связанные с налогами (Tolet. 18)).

Цитированное выше постановление Третьего Толедского собора подразумевает, что при взимании налогов существовали определенные трудности. Другие источники также подтверждают существование финансовых проблем. В этом направлении указывает уже клятвенное обещание преемников Реккесвинта бережливо вести государственное хозяйство. В 683 г. Эрвиг решил списать невыплаченные налоги, так как взимание недоимок означало бы разорение народа (Tolet., *tomus*). Устранению финансовых затруднений, похоже, служило и вымогание денег у знати (*Cont. Hisp.*, 59). Создается впечатление, будто в VII веке налоговое бремя в вестготском государстве было немногим легче, чем в поздней Римской империи. Сложно определить причины, приведшие к такому положению дел, но, возможно, они связаны с возрастающей экономической мощью знати и исчезновением сословия свободных. Должно быть, было очень сложно взимать налоги с аристократии, поэтому короли были вынуждены прибегать к неординарным методам, чтобы получить деньги от власть имущих. В течение последних десятилетий существования вестготской державы на доходах казны, видимо, отрицательно сказалось уменьшение численности населения. Правда, источники ничего не сообщают о всеобщем упадке экономической деятельности, но такая возможность не исключается.

Сохранением до некоторой степени регулярной налоговой системы королевство вестготов отличалось от большинства других германских королевств. Его короли пользовались за границей славой сказочно богатых, а популярность вестготских принцесс у франкских королев объясняется не в последнюю очередь их богатым приданым.

Кроме налоговых сборов и штрафов государь вестготов получал значительные доходы от казенных владений (О вестготской государственной

собственности см. L. Lopez Rodo, *El patrimonio nacional*, Madrid 1954, S. 33). Их размеры были подвержены серьезным изменениям, так как в источниках часто упоминаются конфискации и реституции. Из королевских владений мы достоверно знаем только Гертикос, где-то в окрестностях Саламанки, и Пампльегу (пров. Бургос). Сыновья Витицы, по некоторым сведениям, получили в наследственное владение от арабов всю казенную собственность, якобы составлявшую 3000 подворьев (*Historia de la conquista de Espana de Abenalcotia el Cordobes*, пер. J. Ribera, Madrid 1926, S. 2).

Римская государственная почта существовала в вестготском королевстве еще в VII веке (LV 5, 4, 19).

Вестготское войско, в VI веке часто и успешно сражавшееся с франками, в VII веке утратило свою силу; одной из причин этого можно считать длительный мирный период. Более существенное основание составляет снижение численности свободных в армии. Ослабление войска явственно проявилось в походе Вамбы против Павла. Еще в Испании войско начало совершать всевозможные преступления, грабежи, поджоги, насилие. Многие укрывались от военной службы. Получив такой отрицательный опыт, Вамба издал декрет, по которому каждый, не выполнивший свой воинский долг при вражеском нападении, должен лишиться состояния и свободы. Правомочным извинением могла служить лишь болезнь, но в таком случае в войско следовало отсылать несвободных (LV 9, 2, 8). Эрвиг жаловался, что знатные люди не выводят на войну даже двадцатую часть своих подданных, и требовал поставлять в армию каждого десятого раба, причем господин должен был отвечать за их снаряжение (LV 9, 2, 9). Оба закона говорят о том, что большая часть войска состояла из несвободных, выходявших на войну со своим господином, а не из свободного ополчения. Такое положение дел может служить достаточным объяснением возникновения слова «*thiuphadus*». Король попал до определенной степени в зависимость от доброй воли аристократии. Большая часть войска лишь опосредованно подчинялась государю. Вестготское войско славилось хорошей конницей; в высшей степени вероятно, что конными были все знатные люди и, предположительно, какая-то часть их отрядов. Наряду с этим в армии была и многочисленная пехота (C. Sanchez-Albornoz, *La caballeria visigoda*, *Festschrift A. Dopsch*, 1938, S. 103).

Несмотря на обширную прибрежную линию, у вестготского государства не было флота, достойного упоминания. Сисебут сформировал атлантическую эскадру, которая помогала ему в походе против басков (W. Stach, *Koenig Sisebut, ein Maezen des isidorianischen Zeitalters*, *Die Antike* 19, 1943, S. 64). Как и у знати, у короля была своя дружина. Для королевской власти она, вероятно, была важнее войска. Дружинники были связаны с королем особой клятвой, возлагавшей на них обязательства, которые выходили за рамки обычной клятвы верности. Они были обязаны сопровождать короля (*obsequium*). В источниках они упоминаются под названиями «верные короля» (*fideles regis*), «домашние» (*gardingi*) и «спутники» (*comites*). Один раз члены королевской дружины называются

франкским термином *leudes* (LV 4, 5, 5). Гардинги, в отличие от остальных дружинников, не занимали никаких определенных должностей. Их статус определялся как промежуточная стадия, как предпосылка для возвышения и занятия высокого чина (Подробнее см. С. Sanchez-Albornoz, *Espana y el feudalismo carolingio*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 765-790. Id., *El precarium en occidente durante los primeros siglos medievales*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales espanolas*, Mexico 1965, S. 521-546. Id., *El aula regia y las asambleas politicas de los Godos*, Cuadernos de Historia de Espana 1946, S. 5-110. Id., *En torno a los origenes del feudalismo*, Bd. 1, Mendoza (Argentina) 1942, S. 56).

Королевские дружинники, как правило, получали земельные пожалования. Для этих пожалований характерно, что пожалованный не должен был вносить регулярные выплаты, полагавшиеся по общим условиям ссуд земельных угодий, что они выдавались на неопределенное время и в любой момент могли быть отозваны королем. Особая форма земельной ссуды (*precarium*), которую следует возводить к римскому праву, слилась в государстве вестготов с германским институтом дружины и переродилась в орудие королевской внутренней политики. В данном случае речь идет о некоем прообразе феодализма, который, впрочем, так и не достиг у вестготов своего полного развития. Некоторые признаки говорят о том, что король пытался «монополизировать» знать, предоставляя привилегии только членам своего окружения, с которыми его связывала особая клятва, упомянутая выше. Это в первую очередь касается служащих «дворцового ведомства» (*palatinum officium*). В то время как Четвертый Толедский собор, созданный в 633 г., причислял к королевским выборщикам всех представителей знатного сословия, Восьмой Толедский собор упоминает об этом праве только в отношении придворной знати (*maiores palatii*). Так как из мирян только члены этой группы могли принимать участие в государственных соборах, в этом тоже проявляется возможность политического влияния, которой была лишена остальная аристократия. Реккесвинт в своем письме, направленном Восьмому Толедскому собору, говорит о том, что члены придворной знати были причастны к управлению государством (*in regimine socios*). За политической привелегированностью последовала привелегированность правовая. При совершении проступков, не относящихся к особо серьезным преступлениям, со времен Эрвига представители придворной знати и их дети могли снять с себя все обвинения, просто принеся клятву в своей невиновности (LV 6, 1, 2). В конечном итоге Тринадцатый Толедский собор постановил, что ни один придворный не может быть осужден без формального судебного процесса. Вину обвиняемого нужно было доказать перед судом, составленным из епископов и членов придворной аристократии. Тем самым был создан сословный суд. Это постановление демонстрирует, какой властью до тех пор обладал король. Прежде случалось, что представитель придворной знати бывал осужден без судебных слушаний. Впрочем, ограничение королевской власти было непродолжительным, как показывают действия Эгикки. Один тот факт, что было вообще возможно

провести такое постановление, показывает, что время от времени придворная знать могла идти против короля в качестве сплоченной социальной группы. Очевидно, для высшей знати приглашение ко двору было желанным событием, но неясно, сколь продолжительный успех имело приручение высшей знати, проводившееся подобным способом.

Король мог принимать на свою службу и людей из несвободного сословия (Подобное случалось еще в древнегерманский период: Тацит, Германия, 25). Часто им доверялись достаточно важные задачи. Королевские рабы обладали, в отличие от остальных несвободных, юридическими и экономическими привилегиями. Перед судом начальники королевской конюшни, кравчие, начальники серебряной мастерской и кухни обладали одинаковыми свидетельскими правами со свободными. Этих людей не следует смешивать с чиновниками королевского двора, принадлежавшими к свободному сословию, должности которых имели значение лишь почетных титулов. Король мог предоставить любому своему рабу полное право свидетеля. Это приводило к тому, что определенные представители аристократии формально передавали королю своих рабов, чтобы пользоваться их услугами на судебных процессах (LV 2, 4, 4). Среди королевских рабов попадались состоятельные люди, располагавшие земельными владениями и многочисленными рабами. Впрочем, король имел право высшей собственности над их состоянием (LV 5, 7, 16). Некоторые из них достигали такого положения, что могли основывать домашние церкви и обставлять их всем необходимым (3. Tolet., с. 15). Хотя духовным саном могли быть облечены только свободные, у короля были свои несвободные клирики (Ibid., с. 8). Король мог привлекать на свою службу также рабов, принадлежавших частным лицам. При этом часто дело доходило до недоразумений, поскольку бывшие рабы на своем новом посту стремились из мести навредить бывшему господину. Поэтому в 683 г. Эрвиг был вынужден отказаться от назначения рабов, не принадлежавших ему, на высшие должности (Tolet., с. 6).

Использование несвободных предоставляло королю то преимущество, что в их лице он получал послушное орудие, полностью зависевшее от его милости. Каким образом сказывались назначения несвободных на государственные должности, неизвестно. И все же в королевских рабах следует видеть важный инструмент, обеспечивавший претворение в жизнь королевской воли.

История вестготской церкви VII века примечательна тем, что церковь, как и государство, все больше отдалялась от внешнего мира, все активней вовлекалась во внутривосточные дела и государственное управление и все сильнее централизовалась.

Интересно отметить затухание отношений с Римом. За период между 604 и 711 гг. в Испанию было направлено лишь 8 папских посланий. За то же время франкское государство получило 27 папских писем, а англосаксонские королевства – 40 (Magnin, S. 2ff. J. M. Lacarra, *La iglesia visigoda en el siglo VII*, 7. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1960, S. 353). Хотя

авторитет Апостолического престола открыто признавался в Hispana, сборнике использовавшихся вестготской церковью юридических источников, папские prerogatives часто оставались без внимания. Так, лишь спустя три года после обращения вестготов Реккаред известил папу об этом важнейшем событии. Его ссылки на дорожные и транспортные сложности выглядят неубедительными. Вероятно, вестготская сторона ограничила свои отношения с Римом необходимым минимумом по причине того, что после поражения остготов папский престол попал под влияние Византийской империи. Возможно, вестготский король опасался того, что папа станет служить орудием осуществления византийских притязаний на всемирное владычество (Lacarra, *ibid.*, S. 368). Король, фактически возглавлявший испанскую церковь, может быть, предвидел также угрозу конфликта с папой за разграничение сфер влияния. То, что в Риме признали церковно-политические отношения, сложившиеся в королевстве вестготов, выясняется из того факта, что Лев II послал Деяния VI-ого Вселенского собора не только митрополиту Толедскому, но и королю Эрвигу и какому-то неизвестному нам графу Симплицию (Magnin, S. 23).

Вестготская церковь обладала ярко выраженным самосознанием. Оно проявилось уже в ответе епископа Браулио Сарагосского папе Гонорию I на вопрос об обращении иудеев. Сверх того, он сопровождал свой ответ поучением: употребленное папой по отношению к испанским епископам сравнение с немymi псами, которые не могут лаять, происходит не из Иезекииля, как считал Святой Отец, а из Исаяи. Если в предыдущем примере сохранялись хоть какие-то формы вежливости, то спор между Юлианом Толедским и папой Львом II привел к возникновению острого конфликта. Папа отослал Деяния VI-ого Вселенского собора, чтобы испанские епископы поставили под ними свои подписи. Так как Деяния прибыли непосредственно перед закрытием Тринадцатого Толедского собора, было решено разобрать эти вопросы на поместных соборах. Желание испанской церкви подвергнуть дополнительному рассмотрению Деяния, уже одобренные папой, говорит о высоком чувстве собственного достоинства Юлиана и его товарищей. Между тем Юлиан, высокообразованный, но честолюбивый и даже тщеславный человек, совершенно неожиданно послал папе свое вероисповедание (F. Goerres, *Der Primas Julian von Toledo*, Zs. f. wiss. Theologie, 46, 1902, S. 524-553). Папа увидел в отдельных местах этого послания новые и сомнительные в догматическом отношении выражения. Юлиан отреагировал на критику из Рима крайне резко и раздраженно. На Пятнадцатом Толедском соборе он изложил собравшимся свою точку зрения, сославшись на отцов церкви, при этом довольно непочтительно отозвавшись о папе. Юлиан говорил о «невежественных соперниках» (имея в виду Бенедикта II), с которыми не следует даже вступать в дискуссию, если они не склонились перед приведенными цитатами из отцов церкви. Таким образом, в догматических вопросах Юлиан чувствовал себя по меньшей мере равным папе. В конце концов спор утих сам собой, так как за это время умер папа и два его преемника. Сергей I, которому поступил протест Юлиана, уже не знал, из-за

чего все это началось, и одобрил исповедание воинственного митрополита. Этот инцидент показывает, насколько испанская церковь отделилась от Рима. Ее эволюция в сторону независимой церкви вестготского государства, планировавшаяся Аларихом II и вновь набравшая силу только после обращения вестготов, достигла в VII веке своего логического завершения. Вестготская церковь почти что совершенно потеряла контакт с ойкуменой. В Риме также мало что знали о испанских делах. Папа послал Деяния Шестого Вселенского собора Квирику Толедскому, который умер еще за четыре года до того.

Начиная с Третьего Толедского собора церковь была вовлечена в дела государственного управления и в политику. Эта тенденция усилилась на Четвертом Толедском соборе; с этих пор важнейшей задачей церкви стало укрепление королевской власти в противовес знати. Она легитимизировала государственные перевороты. Поставленные перед ней королем требования церковь разрешала способами, вызывающими у наблюдателя чувство удивления, так как они демонстрируют полнейшее отсутствие у вестготских епископов политической морали. Очевидные недостатки государственного управления вынудили королей привлекать церковь в качестве контролирующего органа. Впрочем, этот процесс был свойственен не одному лишь вестготскому государству; также в Византии и в государстве франков, а именно в судебной сфере, епископы выполняли функции, которые по сегодняшним представлениям относятся к области государственного управления (Justinian, Nov. 86, 123). Корни такой эволюции следует искать в поздней античности (F. Vittinghoff, *Zur Verfassung der spatantiken 'Stadt', Vortraege und Forschungen* 4, 1958, S. 11-39). У вестготов в конечном итоге произошло смешение церковной и светской администрации. Воздействию христианских идей на государство и королевскую власть противостояли политизация и омирщение церкви (к церковному влиянию следует, видимо, возводить отказ в VII веке от царубийств, столь обычных в прежние времена, и замену их на более мягкие формы отстранения от власти). Характерно, что за преступления против короля, племени и отечества виновные отлучались от церкви, но королю принадлежало право отменять эти церковные наказания (12. Tolet., с. 3). Епископы и священники стали представителями исполнительной власти и были уравнены в правах с соответствующими светскими чиновниками (A. K. Ziegler, *Church and State in Visigothic Spain*, Washington 1930, S. 143ff.; Magnin, S. 177). Без предварительного королевского одобрения не мог быть созван ни один государственный, а также, вероятно, ни один поместный собор (Magnin, S. 51). Примечательно, что обсуждение теологических вопросов было на соборах редкостью. Интерес к теологической проблематике вновь возродился только в конце VII века (Ibid., S. 120). На передний план в дискуссиях вестготских соборов выходили политические и дисциплинарные проблемы.

По образцу 86-ой новеллы Юстиниана Хиндасвинт постановил, что если одна из сторон, участвующих в судебном процессе, объявляет о предубежденности судьи, тот должен разбирать дело совместно с епископом

(LV 2, 1, 24). Бедные получили от Реккесвинта право вести свои процессы перед епископским судом (LV 2, 1, 30). Эрвиг изменил этот закон: отныне епископ становился апелляционной инстанцией, в которую поступали жалобы на приговоры светских судей. Судью, отказывавшегося принимать к рассмотрению жалобы на телесные увечья, должны были принудить к этому герцог и епископ (LV 6, 4, 3). Епископы надзирали за взысканием налогов (LV 12, 1, 2). Отсюда оставалось сделать лишь еще один шаг, и епископы оказались бы униженными до положения королевских чиновников. Хиндасвинт приказал передавать гомосексуалистов епископу, который должен был заключать их в тюрьму (LV 3, 5, 4). Эгика низвел епископов до положения полицейских сыщиков. Если какой-либо епископ из-за подкупа или равнодушия не наказывал низшего судью, отпустившего беглого раба, то по приказу графа или тиупада он должен был, как отлученный от церкви, провести тридцать дней на хлебе и воде (LV 9, 1, 21). В данном случае церковное наказание определялось светским законом, а исполнение его находилось в руках нижестоящих светских чиновников. Епископы, окружавшие себя в VII веке, как и знать, вооруженной свитой, позднее при Вамбе были обязаны нести военную службу (LV 9, 2, 8).

Политизация церкви могла сказаться на епископате только отрицательно. Король имел право назначать и смещать епископов. Сисебут отдал Евсевию Таррагонскому приказ лишить сана епископа Барселонского и рукоположить на его место подателя королевского письма (Ep. Visig., 7). После мятежа Сунифреда король сместил чрезвычайно скомпрометировавшего себя митрополита Сисберта Толедского, не потрудившись вынести его дело на рассмотрение церковного суда, как того требовало церковное право (Tolet., с. 9). По желанию Эгики собор подтвердил уже совершенный королем «перевод» Феликса Севильского в Толедо. Занять вакантную кафедру Севильи был призван Фаустин Брагский, на место которого был назначен Феликс Опортский. Так как отношения епископа с вверенной ему церковью понимались как церковный, в принципе нерасторжимый брак, эти перестановки 694 года представляли собой неслыханное нарушение всех церковных установлений. О снижении уровня квалификации вестготского епископата вследствие его политизации говорит тот факт, что в 675 г. Одиннадцатый Толедский собор был вынужден утвердить канон о поддержании порядка во время заседаний. Тот же собор предписал лишать сана и отлучать от церкви тех епископов, которые предавались распутству с женщинами— родственницами знатных людей. Множество раз соборам приходилось принимать меры против алчности некоторых епископов, наносивших финансовый ущерб своим епархиям (Например, Conc. Emerit., с. 16). Иные занимали, не дожидаясь приговора суда, спорные земельные владения, причем дело не раз доходило до убийств (Tolet., с. 5). Некоторые епископы взимали плату за рукоположения и тем самым впадали в грех симонии (Ibid., с. 8). Были также и такие епископы, которые достигали своего положения с помощью взяток (Ibid., с. 9).

Впрочем, наряду с епископами, с головой втянувшимися в мирские распри, в вестготской церкви не переставали появляться и такие выдающиеся личности, как Браулио и Тайо Сарагосские, Евгений I и Евгений II Толедские. Несмотря на тяжелые потери, о которых мы рассказали выше, вестготский епископат намного превосходил своих франкских коллег, совершенно и полностью омирянившихся в VII веке. Еще в конце VI века большинство епархий были очень бедны. Поэтому в 589 г. Третий Толедский собор решил созывать поместные соборы только один раз в год (3. Tolet., с. 18). Вскоре такое положение изменилось благодаря пожертвованиям короля и знатных мирян. Сам факт того, что пожертвования имели место, хотя нам и неизвестно никаких подробностей, подтверждается одним законом Рекесвинта (LV 5, 1, 1). Детали расширения церковных владений известны только для Меридской епархии (О последующем см. *Vitae Patr. Emerit.*, 4, 2, 1ff.; 4, 4, 1). Там митрополит Павел, бывший врач, с помощью хирургического вмешательства излечил жену одного из богатейших землевладельцев Лузитании. По завещанию, составленному благодарным мужем, после смерти бездетной супружеской четы он получил все ее состояние, которое существенно превышало все прежние владения епископства. Павел постановил, что подаренное ему наследство перейдет Меридской церкви после его смерти только в том случае, если его преемником будет избран его племянник Фиделис. Таким образом, несмотря на сильную оппозицию, он сумел обеспечить будущее племянника, так как в противном случае церковь, пользовавшаяся при жизни Павла доходами от богатых владений, вновь впала бы в нищету. Во время правления Фиделиса Мерида была богатейшей из всех испанских церквей (*Ibid.*, 4, 5, 3). Епископство оказалось в состоянии заниматься крупномасштабным ростовщичеством. Преемник Фиделиса Масона основал при церкви св. Евлалия кредитный банк, приписав ему капитал в 2000 солидов (*Ibid.*, 5, 3, 9).

Взросшее богатство церкви позволило епископам ссужать мирян церковной собственностью. Вамбы запретил производить ссуды *sub stipendio* из средств приходских церквей (LV 4, 5, 6). В правовом аспекте речь шла о той же форме заимствований, которую король применял по отношению к своим дружинникам. Те, кто получал ссуду из церковных средств, были обязаны нести службу в свите епископа. Духовные лица также получали недвижимость *sub psecrae nomine*; (Tolet., с. 5). такую же терминологию мы встречаем при королевских пожалованиях верным людям. По всей видимости, церковные займы часто передавались по наследству (ср. LV 5, 1, 4). Участились злоупотребления в церковном управлении имуществом. Некоторых епископов при объездах вверенной им епархии сопровождала чрезмерно большая свита, угощение которой ложилось тяжелым бременем на приходские церкви. Шестой Толедский собор ограничил для Галисии число спутников епископа пятьюдесятью людьми. Иные епископы приказывали по праздничным дням нести себя в кресле, а во время шествий толпы народа тащили перед ними юношей, одетых в шелковые одежды (Conc. Braga 3, с. 5; *Vitae Patr. Emerit.*, 5, 3, 12). Так как церковная собственность, к которой

относились также и рабы, имела статус неотчуждаемой, и тем не менее особой заслугой считалось дарить рабам свободу, происходили многочисленные недоразумения. Соборы были вынуждены постоянно выпускать постановления, запрещавшие преуменьшать церковное имущество, множа количество вольноотпущенников.

Церковной собственностью распоряжались «экономы». Эту должность могли занимать только духовные лица (Hispal, с. 8). Несмотря на такое установление до самого правления Эврига в качестве церковных управляющих мы встречаем даже иудеев (LV 12, 3, 19).

Наряду с выручкой от земельных владений и пожертвованиями вестготская церковь получала доходы в виде церковной десятины (J. San Martin. *El diezmo eclesiastico en Espana hasta el siglo XII*, Palencia 1940, S. 52-75). Она причислялась к пожертвованиям и в качестве таковой делилась на три части: Одна треть оставалась в приходских церквях, одну треть получал епископ, а одна треть откладывалась на постройку и обновление церквей.

Мы располагаем многочисленными сведениями об епископских «династиях». У Юстиниана Валенсийского, жившего в середине VI века, было три брата, также занимавших епископские кафедры. Юстиниан воздвиг в Валенсии множество церквей и монастырей (Isidor, *De viris ill.*, с. 33; Vives 259). Отцом епископа Браулио Сарагосского был епископ Григорий Осмийский. Скорее всего, он был облечен духовным саном, уже достигнув достаточно пожилого возраста. До Браулио епископом Сарагосским был его брат Иоанн. Другой его брат Фронимиан был священником (Ch. Lynch, P. Galindo, *San Braulio, obispo de Zaragoza*, Madrid, 1950). В Севилье в конце VI и начале VII века правили два брата, Леандр и Исидор. Их третий брат Фульгенций был епископом Эсихским (Ildefons v. Toledo, *De viris ill.*, с. 9). Не все епископы происходили из высшего слоя общества. Павел Меридский, до того как стал священником, был врачом, а его племянник и преемник Фиделис прибыл в Мериду в качестве подручного греческих купцов. Юлиана Толедского также никак нельзя отнести к высшим кругам, так как он был сыном перешедшего в христианство иудея. В деяниях Одиннадцатого Толедского собора зафиксировано, что были епископы, не имевшие частной собственности. Вероятно, речь идет о каких-то исключениях. Знатное происхождение к началу VII века считалось одной из важнейших рекомендаций для кандидата в епископы (Concil. Tolet. 12. В нем: Деяния собора времен Гундомара).

В VII веке возросло число епископов, носивших германские имена. И хотя некоторые из них, по всей видимости, были всего лишь римлянами, принявшими готские имена, тем не менее следует предполагать увеличение доли участия людей готского происхождения в испанском епископате (Выводы, которые Орландис (J. Orlandis, *El elemento germanico en la iglesia espanola del siglo VII*, Anuario de estudios medievales 3, 1966, S. 30). делает на основании списка германских имен, следует признать ошибочными).

Важнейшим событием для церковной организации стало возвышение епископства Толедского (J. F. Rivera Recio, *Encumbramiento de la sede*

Toledana durante la dominacion visigotica, Hispania Sacra 8, 1955, S. 1). В течение V века в Испании установилась система митрополий. Похоже, Толедо играло довольно значительную роль уже в ранний период, как показывают два состоявшихся в этом городе собора, но Толедский епископ подчинялся Картагенскому митрополиту. Когда Картагена была захвачена византийцами, вестготская сторона была совершенно не заинтересована в поддержании церковной власти митрополита над подчиненными ему вестготскими епархиями. Церковное значение Толедо чрезвычайно возросло также и благодаря тому, что этот город стал королевской резиденцией. Около 610 г. Толедо становится местопребыванием «митрополита Карпетании». Под этим названием, больше не встречающимся во времена вестготов, скорее всего, имелись в виду части Карфагенской Испании, оставшиеся под вестготской властью. После изгнания византийцев и разрушения Картагены Толедо расширило сферу юрисдикции своего митрополита на всю провинцию. К началу VII века важнейшим из испанских князей церкви считался митрополит Севильский. Это положение основывалось на частом пожаловании паллиума его епископам и на высоком личном авторитете Леандра и Исидора Севильских (Magnin, S. 102). В 646 г. Седьмой Толедский собор постановил, что при митрополите Толедском должны постоянно находиться два епископа из провинций. В данном случае, по всей видимости, речь идет о подражании *synodos endemusa* Константинопольского патриарха, которого постоянно окружало множество епископов его диоцеза (Ibid., S. 97, прим. 2). Двенадцатый Толедский собор предоставил Толедскому митрополиту привилегию рукополагать с согласия короля епископов на вакантные епископские кафедры в других провинциях. Тем самым он получил права, заходившие чрезвычайно далеко и возвышавшие его над всеми остальными митрополитами. Прерогативы Толедо облегчали осуществление королевской власти над церковью, ибо право короля назначать епископов было официально признано церковью его государства. Привилегии, дарованные Толедо на Двенадцатом Толедском соборе, вероятно, также основывались на византийских образцах. Собор был созван при Эрвиге, который, будучи сыном византийца, наверняка был хорошо информирован о ситуации, сложившейся в Восточной Римской империи. В конечном итоге митрополит Толедский стал патриархом королевства вестготов, хотя он никогда и не употреблял этот титул.

Примечательна эволюция частных церквей (M. Torres, *El origen del sistema de 'iglesias propias'*, *Anuario de historia de derecho espanol* 5, 1928, S. 83-217). Речь идет о церквях, основывавшихся частными людьми на своей земле и украшавшихся ими на свои средства. Владелец частной церкви обладал по отношению к ней определенными правами: он мог представлять на рассмотрение епископа кандидатуры священников в своей церкви и удерживать у себя церковные доходы, превышавшие средства, идущие на ее содержание (9. Tolet., с. 2). Частные церкви были общеевропейским явлением, игравшим большую роль в Средние Века. В Испании первое упоминание о них мы встречаем в 546 г. в деяниях Леридского собора. Таким

образом, в данном случае речь идет о явлении римского происхождения, так как в те времена, когда вестготы еще были арианами, нельзя предполагать германское влияние на ортодоксальную церковь. Ограничение епископских прав в отношении, по-видимому, достаточно многочисленных частных церквей несло в себе угрозу для единства диоцезов. Вестготские соборы были постоянно вынуждены защищать права епископов. С познаниями деревенских священников дела часто обстояли отнюдь не лучшим образом. Четвертый Толедский собор потребовал от них знания Святого Писания и важнейших церковных постановлений. При рукоположении они должны были получать официальный допуск к служению.

Начиная с конца VI века необычайный подъем переживали монастыри. Похоже, арианам монашество не было известно. Правила, получившие в Испании наиболее широкое распространение, а именно Правило Исидора и Правило Фруктуоза Брагского, появились лишь в VII веке. Устав св. Бенедикта так и не вошел в употребление и, кажется, был совершенно неизвестен испанцам. На крайнем северо-западе полуострова отчетливо проявлялось ирландское влияние. Там возникли два монастыря-епископства Думио (диоцез Браги) и Бритония (диоцез Мондоньедо). В данном случае речь идет не о диоцезах в собственном смысле слова, а о монастырях, аббаты которых располагали епископскими правами по отношению к определенному кругу людей. Епископская власть аббата-епископа Думио простиралась на монахов и послушников этого монастыря. В юрисдикцию аббата монастыря Бритония, посвященного св. Максиму, входили частные церкви, принадлежавшие этому монастырю (J. Orlandis, *Las congregaciones monasticas en la tradicion suevo-gotica*, *Anuario de estudios medievales* 1, 1964, S. 103, 105. A. Mando, *Il monachesimo nella penisola iberica fino al sec. VII*. 4. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1957, S. 73-108). Возникновение обоих монастырей-епископств не поддается однозначному объяснению. Пожалуй, прежде всего следует предположить воздействие ирландских образцов, тем более что епископство Бритония уже одним своим названием указывает на то, что его насельниками были бритты, которые в V и VI веках из-за нападений саксов и англов уезжали не только в Бретань, но и в Галисию. Первый известный нам епископ Бритонии Махилок носит кельтское имя (Vgl. Schaeferdick, S. 130, Anm. 89. J. N. Hillgarth, *The East, Visigothic Spain, and the Irish*, *Studia Patristica* 4, 1961, S. 442 bis 456. Ibid., *Visigothic Spain and Early Christian Ireland*, *Proceedings of the Royal Irish Academy* 62, Sect. C, 1962, S. 167-192). Средоточием монастырской жизни в королевстве вестготов была область Бьерсо (пров. Леон и Понферрада). Мы не знаем названий большинства вестготских монастырей, а в других случаях невозможно локализовать дошедшие до нас названия, как, например, монастыря Бикларо. Значительная часть высшего духовенства вышла именно из монашеской среды.

Так же, как существовали частные церкви, были и частные монастыри (J. Arenillas, *La autobiografia de San Valerio como fuente para el conocimiento de la organizacion eclesiastica visigotica*, *Anuario de historia de derecho espanol* 11, 1934. S. 468-478). Некоторые из них были обязаны своим возникновением

исключительно материальным соображениям, так как монастыри пользовались определенными налоговыми льготами. Мы знаем, что насельниками таких монастырей были даже рабы владельца-основателя, который принуждал зависимых от него крестьян к принятию монашества.

Как ни странно, не было полностью искоренено язычество. О Масоне Меридском говорили, что он дружески общался с язычниками (*Vitae Patr. Emerit.*, 5, 2, 7. S. Mc Kenna, *Paganism and Pagan Survivals in Spain up to the Fall of the Visigothic Kingdom*, Washington, 1938). Неустанно заботиться об искоренении язычества обязал священников Третий Толедский собор. Землевладельцы, не стремившиеся к изгнанию этого зла из своих владений, подлежали отлучению от церкви. Двенадцатый Толедский собор вынес постановление о преследовании тех, кто почитал камни, источники и деревья и зажигал факелы (12. *Tolet.*, с. 11). При этом речь шла прежде всего о низшем слое свободных, так как в постановлении говорится, что именно против них должны были принимать меры их господ. Согласно постановлению Шестнадцатого Толедского собора следовало уничтожить «идолов» (*idola*). То, что было пожертвовано языческим богам, должно было отойти церкви. Судя по этому сообщению, язычество продолжало существовать и было еще довольно широко распространено. Если с ним боролись не столь жестко, как с иудейством, причину следует видеть в том, что речь шла о религии, выродившейся до уровня суверий низших кругов общества. В отличие от нее иудаизм обладал определенным потенциалом. В начале VII века Толедский митрополит был вынужден отлучить от церкви графа Фройю Толедского (о котором нам кроме этого ничего не известно), так как он открыто покровительствовал иудеям, бранил митрополита и основал синагогу (*Ep. Visig.*, 20).

В VII веке усилились социальные различия. С одной стороны, имелся чрезвычайно богатый высший слой, а с другой стороны, расло число рабов и вольноотпущенников. Имущество высшего слоя состояло по большей части из земельных владений. К сожалению, нехватка источников не позволяет подробнее изучить структуру вестготской земельной аристократии. Из законов выясняется, что некоторые имения находились в нескольких днях пути от места жительства своего владельца (*LV 9, 1, 9*). Знатные люди прибегали к земельным ссудам и в своем кругу (*LV 2, 1, 8*). Более подробную информацию можно было бы почерпнуть из документов, написанных на кусках сланца, если бы они дошли до нас в хорошем состоянии (*Vitae Patr. Emerit.*, 5, 2, 7). Такие документы были найдены в провинции Авила и, вероятно, составляли архив какого-то имения. Наряду с фрагментами нескольких частных грамот дешифровке подлежат также списки, касающиеся распределения масла и зерна между несвободными или колонами. К сожалению, они не могут способствовать разрешению важнейшего вопроса, а именно вопроса о соотношении господской земли, возделываемой рабами, и земли, выделенной зависимым колонам за выплату оброка. О размерах состояния высшего слоя может свидетельствовать закон о приданом, выпущенный Хиндасвинтом (*LV 3, 1, 5*). В нем устанавливалось, что

приданое не должно превышать одной десятой доли от всего имущества. В высших классах упоминаются люди с состоянием в 10000 солидов, которые соответственно могли выдавать приданое в 1000 солидов. Так как представители придворной знати приводятся еще до этой группы, их имущество должно было, как правило, оцениваться суммой больше 10000 солидов. Кроме даров, по всей видимости, выдававшихся наличными, на 1000 солидов можно было отдать в приданое десять рабов и десять рабынь, двадцать лошадей и украшения.

Состояние и свита предоставляли в распоряжение членов высших кругов силу, угрожавшую нарушить государственную организацию управления. Уже один из законов Пересмотренного свода Леовигильда запрещал, чтобы кто-либо назначал своим представителем на суде человека более могущественного, чем он сам (LV 2, 2, 8). Повторение этого запрета Хиндасвинтом показывает, что он почти не соблюдался (LV 2, 3, 9). Если расторжение какого-либо брака не было зафиксировано документально или перед свидетелями, то в случае вступления одной из сторон в новый брак в дело вмешивался граф или судья. Однако если речь шла о знатных супругах, которых судья не мог ни вызвать в суд, ни разъединить, о таком деле докладывали непосредственно королю (LV 3, 1, 6). Подобные примеры, которые можно легко умножить, говорят о силе высшего слоя.

Знать не составляла никакого сословия в юридическом смысле; ее представители пользовались таким же вергельдом, как и все остальные свободные. Тем не менее в результате социального расслоения свободное сословие распалось на группы «уважаемых» (*honestiores*), «могущественных» (*potentes*), с одной стороны, и «простых» (*viliores*), «низших» (*inferiores*), с другой. Вследствие имущественных различий многие свободные больше не были в состоянии платить штрафы, налагаемые судом, и потому подвергались телесным наказаниям. Так, Эрвиг постановил, что знатный человек, отдавший христианина во власть иудея, должен заплатить 10 фунтов золотом (= 720 солидов). Простолюдин платил половину; если он был неплатежеспособен, он получал 100 ударов и подвергался унижительному пострижению (LV 12, 3, 17). Знатный человек, подделавший королевскую грамоту, терял половину своего состояния, а простолюдин свою руку (LV 7, 5, 1). Если во времена вестготов дело не дошло до юридического признания расслоения свободного сословия, то причину этого следует видеть в том, что в вестготском государстве вергельд играл относительно мало важную роль по сравнению с тем значением, которое он приобрел в юридических системах других германских держав. Под влиянием римского права в Испании действовали другие формы наказаний (Размеры вестготского вергельда известны нам только по одному закону, устанавливавшему величину выплаты в случае злонамеренного нападения домашнего зверя (LV 8, 4, 16). Речь идет о чрезвычайно редком случае и можно предположить, что в свод был включен достаточно древний закон, не претерпевший значительных изменений. Римскому влиянию можно приписать засвидетельствованную в этом законе градацию по полу и возрасту, а также по экономической

полезности жертвы. Полный вергельд в размере 300 солидов (со времен Эрвига 500 солидов) выплачивался только за убийство мужчины в возрасте от 20 до 50 лет; за убийство 75-летнего, как за убийство 10-летнего, выплачивалось лишь 100 солидов).

К сожалению, мы мало что знаем о генеалогиях вестготских знатных родов и об истории их владений. В арабский период в верхнем течении реки Эбро значительным могуществом и обширными владениями располагал род Бану Квази. Один из его родоначальников, Фортунат, перешел при завоевании Испании в ислам и таким образом сохранил свое имущество и социальное положение (C. Sanchez-Albornoz, *Ruina y extincion del municipio Romano en Espana e instituciones que le reemplazan*, Buenos Aires 1943. Id., *El gobierno de las ciudades en Espana desde el siglo V al X*, 6. *Settimana di Studio*, S. 351-391. R. Gilbert, *El reino visigodo y el particularismo espanol*, *Estudios Visigoticos* 2, Rom-Madrid 1956, S. 46. E. Levi-Provencal, *Espana musulmana* (= *Historia de Espana* Bd. 4), 3. Aufl. Madrid 1967, S. 101). К знатым вестготам, утвердившимся и при арабской власти, относятся также сыновья Витицы и упоминавшийся выше Теодемир со своим сыном и преемником Атанагильдом.

Сложно определить и число знатных семей. В приговоре, вынесенном Павлу и его сторонникам, называются имена 52 осужденных, и всех их можно смело причислить к правящему классу, так как простые люди, конечно же, не считались достойными упоминания. При этом, похоже, в данном случае речь шла о большей части септиманской аристократии и о некоторых представителях знати Тарраконской Испании. Судя по всему, во всем государстве вестготов насчитывалось несколько сотен значимых в социальном и экономическом отношении семейств. Хотя цифры, приводимые псевдо-Фредегаром, могут оказаться крайне неточными, тем не менее они по меньшей мере не противоречат нашим данным. Впрочем, к придворной знати, по-видимому, принадлежал очень узкий круг семейств. Если включенные в Хронику Альфонса III генеалогии последних королей вестготов основываются на подлинной традиции, то начиная с 642 г. престол занимали представители только двух родов. Поэтому мы можем предположить существование внутри самой знати в высшей степени узкой «правлящей верхушки». Кажется, число простых свободных людей на протяжении VII века неуклонно уменьшалось. Причины этого процесса следует искать в закреплении, являвшемся частым правовым наказанием у вестготов, а прежде всего в более или менее добровольном переходе к зависимым отношениям. В законодательстве засвидетельствованы примеры самопродажи свободных людей в рабство (LV 5, 4, 10). Одна из формул, относящихся к этому явлению, упоминает в качестве основных причин нужду и нищету (Form. Visig. 32). Отношения зависимости, сначала не влиявшие на сословную принадлежность человека, также могли по прошествии времени ущемлять его личную свободу и, возможно, вели в конечном итоге к порабощению. Реккесвинт постановил, что свободные, вольноотпущенники и рабы, совершившие преступление по приказу своего

господина или покровителя, не несли за это наказания. «Необходимость подчиняться приказам» вполне искупала их вину (LV 8, 1, 1). Уголовное равноправие свободных и рабов в подобных случаях отражает опасную тенденцию к ограничению свободы, которую нельзя недооценивать. Из этого закона следует, что дружинники также все больше и больше закабалялись своими господами, ибо в случае свободных людей, совершавших злодеяния по приказу хозяина, речь шла скорее всего о его свитских.

Об исчезновении свободного сословия говорит прежде всего один закон Хиндасвинта. Если до сих пор свободный, умиравший в походе и успевший составить завещание, должен был заручиться подписями трех свободных, выступавших в роли свидетелей, то теперь король вынес решение, по которому достаточно было собственноручно написать этот документ, если невозможно было найти свидетелей (LV 2, 5, 13). Должно быть, имущественные дела простых свободных людей обстояли плачевным образом. Тот, кто не повиновался вызову в суд, должен был заплатить судье и жалобщику по 5 солидов. При невозможности уплаты штрафа такой человек получал 50 ударов (LV 2, 1, 19). Следовательно, были такие свободные, которые охотнее ложились под плеть, чем платили 10 солидов. Тиупад, не следовавший вызову на военную службу, получал 200 ударов, подвергался позорному пострижению и должен был заплатить один фунт золота. Если он не мог этого сделать, его продавали в рабство (LV 9, 2, 9). Этот закон показывает, что редко у какого тиупада имелось имущество стоимостью в 72 солида. Король пытался сохранить свободное сословие. Так, Эрвиг постановил, что всякий продавший себя может быть выкуплен на свободу своими родственниками за ту же цену (LV 5, 4, 10). Вамба запретил браки между свободными и церковными вольноотпущенниками, так как дети, рожденные в таких союзах, автоматически становились церковными вольноотпущенниками и не платили государству налогов (LV 4, 5, 7). В то время как изначально дети, рожденные в браке свободной женщины с рабом, считались рабами, Эрвиг постановил, что они, в случае если они без помех проживут тридцать лет в качестве свободных, больше не должны возвращаться в рабство (LV 3, 2, 3).

В социальной структуре ступенькой ниже свободных стояли вольноотпущенники (С. Sanchez-Albornoz, *Los libertos en el reino Asturo-Leones*, в: *Estudios sobre las instituciones medievales españolas*, Mexico 1965, S. 317-351). Как по римскому, так и по германскому праву рабы, после того как они обретали свободу, не получали всех прав свободного человека. Такими правами могли пользоваться только их дети. У вестготов вольноотпущенники были ближе к рабам, чем к свободным. Похоже, их статус еще более понизился в течение VII века. Так, Реккесвинт постановил, что они только тогда могут выступать на суде со свидетельскими показаниями против свободного, если отсутствовал свидетель-свободный. Тем самым в этом важном пункте вольноотпущенники были приравнены к рабам (LV 5, 7, 12). Они не могли свободно распоряжаться своим имуществом; после их смерти определенная доля их собственности отходила

отпустившему их господину (LV 5, 7, 13). Со времен Хиндасвинта бывший владелец сохранял все права на их имущество (LV 5, 7, 14). Обычным делом было дарование свободы «при условии дальнейшего повиновения» (*sub obsequio*). При этом бывший господин удерживал важные права в отношении своего бывшего раба (Form. Visig. 3). Также существовала тенденция к наследственному закреплению сложившихся зависимых отношений. В одном законе Реккесвинта говорится, что ни один человек из потомства вольноотпущенника не может вступить в брак с представителями рода отпустившего (LV 5, 7, 17). В данном случае за основу был взят закон из РЗВ, но тот предусматривал подобный запрет только для вольноотпущенника и его дочери (РЗВ 2, 20, 6). Эгика сделал еще один шаг вперед, выпустив постановление, согласно которому сыновья, внуки и правнуки вольноотпущенника оставались в зависимости от семейства бывшего господина (LV 5, 7, 20). Таким образом, полное дарование свободы, при котором рабу предоставлялось «римское гражданство», в конце VII века совершенно вышло из употребления (Различие между полным и неполным отпуском на свободу разъясняется в LV 12, 2, 14. Формулы для освобождения из рабства с наделением римским гражданством: Form. Visig. 2-4, 6. О «*libera manumissio sine patrocínio*» ср. 4. Tolet., с. 68). На это указывает также один закон Эрвига, по которому ни один вольноотпущенник не имел права покинуть своего господина, пока тот жив (LV 5, 7, 13).

Ответственность за такое развитие событий следует возложить на церковь. Вследствие запрета на продажу церковного имущества из этого положения выходили с помощью ограниченного освобождения рабов «*sub obsequio*», при котором церковь продолжала пользоваться трудом вольноотпущенников. Так как хозяин вольноотпущенников, а именно церковь, был бессмертен – а именно такие аргументы приводили отцы Четвертого Толедского собора – зависимость вольноотпущенника и его потомства сохранялась на все времена. Случалось также, что под церковное покровительство отдавались вольноотпущенники других господ (4. Tolet., с. 72). Вовсе не исключено, что стремление удержать вольноотпущенников в зависимости от их прежних хозяев явилось следствием уменьшения численности населения, приведшего к нехватке рабочей силы.

То, что вестготские соборы так часто обращались к рассмотрению дел вольноотпущенников, показывает, насколько важна была для церкви эта социальная группа. Похоже, множество вольноотпущенников изыскивало любые способы, чтобы уклониться от выполнения своих обязанностей. Поэтому Шестой Толедский собор потребовал, чтобы все вольноотпущенники того или иного диоцеза приносили официальное признание своего положения (*professio*) при занятии своей должности новым епископом. Девятый Толедский собор вновь указал на зависимость вольноотпущенников от их церквей. Некоторые епископы пытались вернуть вольноотпущенников в рабство, если при назначении нового епископа те несвоевременно предъявляли документы, подтверждающие их освобождение (3. Caesaraug., с. 4).

Еще хуже, чем у вольноотпущенников, было положение рабов (Ch. Verlinden, *L'esclavage dans le monde iberique medieval*, *Anuario de historia de derecho espanol* 11, 1934, S. 283-465). Судя по всему, их численность была очень велика. Шестнадцатый Толедский собор постановил, что у приходских церквей, даже если они были бедны и владели лишь десятью рабами, должен был быть собственный священник. Следовательно, во владении большинства приходских церквей, которых в государстве вестготов было несколько тысяч, находилось больше десяти рабов. При этом приходские церкви ни в коем случае не относились к числу крупных рабовладельцев. Монастыри и кафедральные соборы, но прежде всего аристократия и король располагали огромными толпами рабов. Рабами могли владеть даже бедняки: Проститутки, уличенные в постоянном возвращении к своей профессии, в качестве наказания дарились беднякам (LV 3, 4, 17). У одного раба могло быть несколько господ (LV 5, 7, 4). В данном случае, очевидно, господами этого раба были бедняки. Рабы были в принципе лишены всех прав, хотя закон и защищал их от наиболее грубых форм эксплуатации. В правовом отношении они отличались от вольноотпущенников прежде всего тем, что они, за незначительными исключениями, не могли выступать в суде. В случае правонарушения они, как правило, не привлекались к ответственности сами, но за них перед судом выступал их господин. Они могли, как римские рабы, владеть собственным имуществом (*rescilium*), хотя оно и не считалось частной собственностью в полном смысле слова (LV 5, 4, 13). Кажется, некоторые рабы достигали относительного благосостояния, так как Реккесвинт признал определенную ценность свидетельских показаний тех рабов, которые прежде не подвергались наказаниям и «не были отягчены нищетой» (LV 2, 4, 10). В этом законе очевидно признается правовое расслоение внутри сословия рабов. Вестготский закон проводит четкое разграничение между «полезными» (*idonei*) и «простыми» (*viles*) рабами (например, LV 3, 3, 9). К последней группе относились сельские рабы (*rustici*), а «полезные» рабы были, как правило, ремесленниками (LV 6, 5, 1). Некоторые несвободные могли так высоко подниматься по социальной лестнице, что позволяли себе грубо и презрительно обходиться с аристократами (LV 6, 4, 7). Этот закон Хиндасвинта проясняет разницу между юридическим статусом, по которому рабы были абсолютно бесправны, и социальным положением, позволявшим некоторым из них подниматься на ступень выше знатных людей.

Однако такое возвышение выпадало на долю очень немногих. Из законов и церковных постановлений VII века может даже создаться впечатление, что в тот период социальные противоречия и контрасты усугубились до предела. Растущую агрессивность обеих сторон можно считать признаком увеличивающейся напряженности в отношениях. Хиндасвинт запретил господам самовольно убивать своих рабов (LV 6, 5, 12). Реккесвинт запретил наносить рабам телесные увечья (LV 6, 5, 13). Немногим позже Меридский собор запретил епископам подвергать истязаниям церковных рабов. Так как это постановление было повторено

Одиннадцатым Толедским собором, можно сделать вывод, что подобные злоупотребления продолжали происходить.

Ответом на жестокость церковных и светских хозяев было насилие со стороны рабов. При Леовигильде аббат Нанктус из Африки прибыл в Лузитанию, где король подарил ему имение. Служившие там рабы присмотрелись к новому господину и с негодованием обнаружили, что он носит грязную одежду; им показалось лучше умереть, чем служить такому человеку, так как они, вероятно, боялись, что бедный аббат будет притеснять их хуже богатого. Они подстерегли Нанктуса в лесу и убили его (*Vitae Patr. Emerit.*, 3,8-12). Были также зафиксированы случаи, когда рабы прибегали к отравлению или «порче» (*Conc. Emerit.*, с. 15). Рабы, нападавшие на хозяина с мечами, камнями или каким-либо другим оружием, могли быть убиты без суда (*LV 6, 5, 12*). Возможно, существует какая-то связь между социальной напряженностью и сопротивлением нижних слоев общества вестготскому владычеству в VI веке. После того, как в Ороспеду вошли войска Леовигильда, в городе вспыхнуло восстание городских низов, которое, впрочем, было с легкостью подавлено. Можно ли в данном случае говорить об отголосках движения багаудов? Источники, находящиеся в нашем распоряжении, не позволяют нам дать ответ на этот вопрос; их составители принадлежали к высшим кругам общества и не проявляли никакого интереса к явлениям подобного рода.

Если вооруженные восстания против господ были довольно редки, то множество рабов пыталось избавиться от своего тяжелого положения с помощью побега. Вестготский свод законов насчитывает не менее 21 закона против беглых рабов: пять из них были новеллами, а два закона были изменены при Реккесвинте (*LV 10, 1 по 21*). Интенсивная законодательная деятельность доказывает неспадающую актуальность этой проблематики. Впрочем, все законодательные меры оказались недостаточными, так как в одном из последних вестготских законов Эгика жаловался, что нет ни одного города, крепости, села или двора, где не скрывались бы беглые рабы (*LV 9, 1, 21*). Жизни беглецов угрожало множество опасностей. На собственном опыте их испытал св. Фруктуоз. Когда он отправился в путешествие в Южную Испанию, один крестьянин принял его за беглого раба, потому что он был один, плохо одет и бос. Несмотря на все его уверения в обратном, Фруктуоз подвергся множеству оскорблений и был даже избит (*Vita Fructuosi*, с. 11). Какая-то часть беглецов подавалась в разбойники. Браулио Сарагосский извинялся перед своим другом Унанимом Валенсийским за долгое молчание, приводя в качестве причины то, что он долго не мог найти посланника из-за угрозы разбойничих нападений (*Braulionis ep.*, 24).

Законы, направленные против побегов, указывают на нехватку рабочей силы. Чтобы выйти из создавшегося положения, хозяева пытались самыми разными способами заполучить как можно больше рабов. Рабов соблазняли бежать в церкви, где они находились в безопасности, так как церкви пользовались правом невыдачи преступников, и справедливо или несправедливо жаловались на своих бывших господ. Один священник,

участвовавший в этой мошеннической игре, предлагал хозяину раба по низкой цене продать беглеца, которого тот не мог вернуть силой. Таким образом новому хозяину доставался ценный раб, который к тому же зачастую использовал во вред своему бывшему господину знания о его хозяйственном положении (LV 5, 4, 17). Другие выдавали своих рабов за свободных, чтобы те женились на свободных женщинах. Если брак состоялся и в нем были рождены дети, хозяин раба забирал его потомство в свою собственность (LV 3, 2, 7). По всей видимости, очень часто землевладельцы принимали на своей земле беглых рабов, чтобы пользоваться их трудом (LV 9, 1, 9).

Положение низших слоев общества, судя по тому, что нам известно, было действительно удручающим. Хиндасвинт издал строгий закон против детоубийств, так как число этих преступлений увеличивалось во всех провинциях его государства. Из текста закона вытекает, что речь шла об убийстве детей, рожденных в браке (LV 6, 3, 7). Мотивы следует искать прежде всего в экономических проблемах родителей. Шестнадцатый Толедский собор был вынужден выступить против участвовавших в вестготском королевстве самоубийств, чрезвычайно редкого явления для Средних веков.

Социальное развитие в VII веке характеризуется возрастающей поляризацией. Экономическое и политическое могущество сконцентрировалось в руках все более сужающегося аристократического круга, в то время как количество простых свободных людей все уменьшалось, а число вольноотпущенников и рабов увеличивалось. Города также не смогли породить социальный средний слой, который мог бы несколько сгладить эти резкие контрасты. Вестготские города были прямыми преемниками городов поздней античности. Впрочем, и здесь мы замечаем очевидные признаки упадка. К самым крупным по занимаемой площади городам относились Мерида, римские стены которой окружали 81 гектар земли, Кордова (70 га), Кармона и Сарагоса (по 47 га) и Луго (34 га) (J. M. Lacarra, *Panorama de la historia urbana en la peninsula iberica desde el siglo V al X*, 6. *Settimana di Studio*, publ. Spoleto 1959, S. 321). Впрочем, на основании этих данных мы можем сделать лишь очень условные выводы о численности городского населения, так как нам неизвестна его плотность, вероятно, сильно различавшаяся от одного города к другому.

Римская муниципальная система, основанная на городском самоуправлении, осуществлявшемся городским советом, уже в IV веке оказалась в критической ситуации, так как поддерживавший ее слой, а именно городской средний класс, оказался под угрозой исчезновения. В VI веке уже были города без городских советов (*Fragmenta Gaudenziana* с. 15, *MGH Leg. I*, 1, S. 471. Ср. P. Merea, *Estudios de derecho visigotico*, Coimbra 1948, S. 146). Полномочия курий, зафиксированные еще в РЗВ, все больше сужались и к началу VII века они занимались лишь делами, добровольно предоставленными в их распоряжение горожанами. О положении куриалов в вестготском государстве сообщает один закон Хиндасвинта, из которого следует, что сверх общих налогов они должны были выделять личные

средства на определенные работы по городскому благоустройству (LV 5, 4, 19). Этот закон говорит нам о том, что куриалы существовали еще в середине VII века, но что жили они в довольно угнетенном положении, как выясняется из ущемления их собственнических прав (C. Sanchez-Albornoz, *Ruina y extincion del municipio Romano en Espana e instituciones que le reemplazan*, Buenos Aires 1943. Id., *El gobierno de las ciudades en Espana desde el siglo V al X*, 6. *Settimana di Studio*, S. 351-391. Предложенная там интерпретация закона Хиндасвинта основывается на лингвистической ошибке). Хотя остатки древнего городского среднего класса находились на пути к полному вымиранию, в то же время его место не спешила занять никакая новая социальная группа. Ремесленное производство – как во времена античности – никоим образом не ограничивалось городскими пределами. Торговля, по всей видимости, находилась по большей части в руках евреев и восточных купцов, то есть двух социальных групп, представлявших собой периферию вестготского общества. В целом значение городов не следует преувеличивать. Доля городских жителей по отношению ко всему населению страны была довольно незначительной и вряд ли составляла когда-нибудь более 10 процентов. Так как подавляющее большинство населения жило в деревнях, города не могли оказывать сколь-нибудь значительное влияние на общегосударственные социальные процессы.

Таким образом, существенная часть населения не была заинтересована в сохранении вестготской державы, так как это государство ничего не могло им предложить. Смены правителя могли не опасаться, кроме евреев, также рабы и вольноотпущенники. И действительно, арабское завоевание положительно сказалось на экономическом положении низших слоев. Вряд ли будет ошибкой предположить, что социальная напряженность сыграла свою немаловажную роль в падении вестготского королевства. Причины этих социальных процессов лежали, с одной стороны, в давнем усилении позиций аристократии у вестготов. С другой стороны, определенную ответственность следует возложить и на общественные отношения поздней античности, к которым приспособились вестготы. Ассимиляция в существенной степени облегчалась тем фактом, что в обеих этнических группах ведущую роль играла знать. Социальное развитие вестготского государства во всех своих важнейших чертах явилось продолжением позднеантичных отношений. Критику позднеримского общества, предпринятую Сальвианом, по сути можно было бы отнести и к VII веку. Положение низших слоев населения, улучшившееся в V веке благодаря приходу вестготов, в конечном итоге вновь пришло к своему прежнему плачевному состоянию.

Об экономике вестготского государства мы располагаем лишь фрагментарными сведениями, на основании которых невозможно составить ясную или целостную картину. В отношении истории сельского хозяйства интересны упоминания об орошаемых землях; Реккесвинт назначил наказание за кражу воды в этих областях (LV 8, 4, 31). Иригационную систему можно было бы искать на юго-востоке, в области Валенсии и Мурсии, где до сих пор пахотные земли зависят от орошения. Торговые

отношения Испании с другими средиземноморскими странами осуществлялись, по всей видимости, через Картахену. Прямое сообщение с Италией по побережью Южной Франции играло лишь второстепенную роль (G. Mickwitz, *Der Verkehr auf dem westlichen Mittelmeer um 600 n. Chr.*, Festschrift A. Dopsch, 1938, S. 74-83). Чеканка денег ограничивалась выпуском одной трети солида (триента) (Miles, *The Coinage of the Visigoths of Spain*, New York 1951, S. 69). Теоретически эти монеты должны были весить 1,516 г, но в действительности их вес составлял не больше 1,4 – 1,5 г. Со времен Вамбы вес монет постоянно уменьшался, а монеты Витицы в среднем весили только 1,25 г. В этом проявлялся золотой кризис, тем более что начиная с Эгики содержание золота в монетах становилось все меньше и меньше. Монеты меньшего достоинства не выпускались. Можно было бы предположить, что в обращении были римские медные и, вероятно, серебряные монеты. Существовало 79 монетных дворов, которые, однако, функционировали не все одновременно. При Реккареде и Свинтиле монеты чеканились в 36 местах, а от правления Вамбы до нас дошли сведения лишь о четырех. Чеканка велась, как правило, в городах, и исключение составляла только Галисия, где засвидетельствовано существование не менее 38 монетных дворов. В. Рейнхарт пытался объяснить этот факт тем, что в Галисии велась активная речная золотодобыча (Reinhart, *Die suebischen und westgotischen Muenzen als kulturhistorische Denkmaler*, Germania 25, 1941, S. 190).

Большинство архитектурных сооружений вестготского периода исчезло без следа (О дальнейшем ср. E. Campos Cazorla, *El arte hispanovisigodo*, в: *Historia de Espana*, S. 492ff. H. Schlunk, *Arte visigodo*, в: *Ars Hispaniae*, 2 Aufl., Madrid, 1947), S. 227ff. Id., *Relaciones entre la peninsula iberica y Bizancio durante la epoca visigoda*, *Archivo Espanol de Arquelogia* 18, 1945, S. 177-204). Ни в одном крупном городе государства вестготов не сохранилось ни единого культового или бытового здания. Кроме архитектурных фрагментов, которые, впрочем, не могут дать полного представления о зданиях, элементами которых они когда-то были, до наших времен сохранилось лишь несколько церквей в Северной Испании. Самой значительной из них является Сан-Хуан-де-Баньос у Венты-де-Баньос (пров. Паленсия). Она была основана Реккесвинтом и освящена 3 января 661 г. От других церквей ее отличает и то, что в сохранившейся надписи зафиксирована дата ее постройки. В самой Паленсии от вестготских времен до нас дошли посвященные св. Антолину крипты кафедрального собора, но они не несут в себе никакой полезной информации. Крестообразный план лежит в основании непритязательной сельской церкви Санта Комба в Банде (пров. Оренсе). Интересные скульптуры обнаруживаются в церкви Сан-Педро-де-ла-Наве; она была разобрана на части при постройке плотины и восстановлена у селения Кампилло (пров. Сарагоса). На ее капителях изображены библейские сцены, такие как жертвоприношение Исаака или пророк Даниил в яме со львами. По мнению Г. Шлунка, этот рельеф восходит к какой-то миниатюре. Одну обнаруженную в церкви надпись, похоже,

следует считать календарем. Только в 1927 г. установили, что церковь св. Марии в Кинтанилле-де-лас-Виньяс (пров. Бургос) также была построена в вестготскую эпоху. Примечательно украшение внешних стен лентообразной лепкой, в которой отчетливо заметно восточное влияние. Очень серьезным изменениям подверглась церковь в Монтелиосе (округ Брага), посвященная св. Фруктуозу, и все же довольно легко восстанавливается ее первоначальный план. Характерной чертой этого плана является сильное византийское влияние, видное хотя бы уже из того, что за основу взят греческий крест. В церкви Сан-Педро-де-Бальшемао (округ Ламего) вестготские черты сохранил лишь план здания, а все остальное явилось результатом позднейших перестроек. Характерной чертой вестготской архитектуры является использование подковообразных арок. Это явление восходит к искусству римской Испании; римские надгробия из Северной Испании (например, в музеях Леона и Саморы) содержат подковообразные арки, выступающие в роли архитектурного орнамента. В Бехе сохранилась подковообразная арка римских времен.

Ни в области архитектуры, ни в сфере скульптуры вестготское искусство не обнаруживает ни малейших следов германского влияния. Наоборот, отчетливо заметны византийские черты, особенно усилившиеся во второй половине VII века. Восхищение перед восточносредиземноморскими образцами искусства привело даже к ввозу готовых капителей. Кроме того, довольно отчетливо проступает воздействие африканского и сирийского искусства. Отголоски германских традиций более ли менее обнаруживаются только в малых формах, но и в этой сфере исчезают в течение VI века. Так, например, германский тип фибул был вытеснен фибулами средиземноморского происхождения.

Литература в VII веке переживала неожиданный подъем (Ср. М. С. Diaz y Diaz, *La cultura de la Espana visigotica del siglo VII*, в: 5. *Settimana di Studio*, Bd. 2, publ. Spoleto 1958, S. 813-844; J. M. Lacarra, *La peninsula iberica del siglo VII al X*, 11. *Settimana di Studio*, Bd. 2, publ. Spoleto 1964, S. 233-278). При этом остается спорным вопрос, явился ли этот всплеск естественным продолжением живой классической традиции или же мы можем говорить о возрождении. В пользу первого предположения говорит то, что литературная жизнь поначалу наиболее активно развивалась в областях Южной и Восточной Испании, сильнее всего пропитанных римской культурой. Левант, внесший под византийской властью значительный вклад в церковную литературу благодаря трудам Лициниана Картагенского, после возвращения под власть вестготов утратил свое значение (J. Madoz, *Liciniano de Cartagena y sus cartas*, Madrid 1948). В конце VI – начале VII веков при митрополитах Леандре и Исидоре культурным центром становится Севилья (J. Fontaine, *Isidore de Seville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*, Paris 1959). Наиболее сильное влияние на традицию последующих столетий оказал прежде всего труд Исидора «Этимологии или истоки», словарь, в котором он обобщил существенную часть античного знания, расположив его изложение по предметным областям (*Isidor von Sevilla, Etymologiarum sive originum libri*

XX, hrsg. W. Lindsay, 2 Bde., Oxford 1962). Исидора упрекали и том, что он черпал свои сведения по большей части из вторых рук. И все-таки, если принять во внимание ограниченные возможности его времени и его окружения, достижениям последнего отца церкви нельзя отказать в праве на уважение. Его произведение стоит на рубеже античности и Средневековья (M. Cruz Hernandez, *San Isidoro y la 'cultura' hispano-visigoda*, *Anuario de estudios medievales* 3, 1966, S. 413-423). Исидора побудил составить этот словарь, позднее считавшийся образцовым произведением, его младший друг Браулио Сарагосский. Он первым получил один экземпляр «Этимологий», над которыми, тем не менее, Исидор продолжал трудиться до самой смерти (Braulionis ep., 6). Оба епископа состояли в оживленном духовном общении; почти в каждом их письме друг другу речь идет об обмене научными или литературными произведениями. После смерти Исидора в 636 г. Браулио остался самым именитым ученым вестготской державы. Реккесвинт послал ему некий кодекс, чтобы тот внес улучшения в текст этого свода (Ibid., 38). Если предположение, что в данном случае речь идет о вестготском своде законов, соответствует действительности, то, видимо, епископская библиотека в Сарагосе была богаче королевской в Толедо. Браулио с филологической тщательностью приступил к перерабатыванию текста, но в конечном итоге проще оказалось написать совершенно новый текст, чем поправлять присланный королем.

Еще при жизни Браулио значительным центром духовной жизни становится Толедо. Свидетельством такой эволюции может служить письмо Браулио аббату Цевриле, жившему при дворе. Епископ просил отыскать для него комментарии на Апокалипсис Апрингия из Бехи: «Это будет Вам легко, благодаря Вашему большому влиянию и прославленности города (Толедо); и даже если этой книги нет у Вас самих, Вы можете узнать, у кого она есть, чтобы мы получили ее через Вас.» (Ibid., 25). Браулио полагал, что книга может находиться в библиотеке графа Лаврентия. Однако Цеврила не сумел выполнить просьбу епископа: Книги Лаврентия в то время рассеялись по всей стране, а в библиотеке Хиндасвинта, в которой продолжил свои поиски аббат, нужного произведения не оказалось (Ibid., 26). Хотя преемником Браулио стал Тайо, также интересовавшийся наукой, место культурного средоточия государства во второй половине VII века занял Толедо (Произведения Тайо можно найти в: Migne, *Patrologia Latina* 80). Возросшее культурное значение этого города было следствием политической эволюции, в результате которой Толедо стал столицей и в мирском, и в церковном отношении. Евгений II Толедский, друг Браулио, был первым в ряду Толедских митрополитов, занимавшихся литературной деятельностью (MGH AA 14, S. 283-291). Он переработал стихотворения африканца Драконция, но наряду с этим написал множество собственных стихотворений и писем (M. Manitius, *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters* I, 1911, S. 194). Его преемник Ильдефонс (ум. 667 г.) составил каталог писателей. Образцом для него послужил сходный труд Исидора Севильского «О знаменитых людях» (*De viris illustribus*), в которой Севильский епископ в подражание

античным авторам собрал заметки о писателях и их произведениях (Издано в: G. v. Dzialowski, Isidor und Ildefons als Literaturhistoriker, 1898. Н. Koeppler, De viris illustribus and Isidore of Seville, The Journal of Theological Studies 37, 1936, S. 16– 34). И наконец, на историческом поприще своим трудом выделялся Юлиан Толедский (ум. 690 г). Его произведение, написанное в несколько высокопарном стиле, обладает высокой информативностью и было в своем роде исключительным достижением того времени: это единственное историческое произведение, появившееся в те десятилетия в христианских культурных кругах. Впрочем, на нем же и прерывается линия историков у вестготов, если не принимать во внимание скудные на слова списки королей и возможное существование одного ныне утерянного, но, вероятно, включенного в Хронику Альфонса III труда.

Язык вестготских законов и деяний соборов в VII веке оказался в состоянии упадка. Вместо почти классической ясности, которую можно увидеть еще в законах из Пересмотренного Свода, мы обнаруживаем риторический и велеречивый стиль. За морализирующими рассуждениями законодателя зачастую пропадает сам юридический смысл. И тем не менее эта латынь во много раз превосходит язык, на котором писали в то время в королевстве франков. В литературном отношении вестготская держава была последним убежищем классической традиции.

Эта культура была разрушена нападением арабов. Около 754 г. анонимный клирик из Толедо написал хронику, чрезвычайно сырой и грамматически абсолютно неправильный стиль которой говорит о литературном упадке. Причину такого развития событий следует видеть в том обстоятельстве, что носителем вестготской культуры был очень тонкий высший слой, в последние десятилетия сосредоточившийся вокруг королевского двора. С падением королевской власти и закатом аристократии была обречена на гибель и культура вестготского государства. Этим же объясняется и поразительно быстрая арабизация ортодоксальных испанцев, мосарабов. К середине IX века в Кордове были совершенно неизвестны произведения Вергилия, сатиры Ювенала и Горация. Евлогий привез эти труды в столицу Андалузии из Памплоны (Paulus Alvarus, Vita Eulogii, с. 9, издано А. Schott, Hispaniae illustratae, Bd. 4, Frankfurt 1608) Значение вестготской эпохи для испанской истории остается предметом споров. Если Р. Менендес Пидаль многократно подчеркивал, что этот период был важнейшей составляющей испанской истории, которая, не будь этой эпохи, сложилась бы совсем по другому, то А. Кастро отрицал любое вестготское влияние (А. Castro, Los Espanoles: como llegaron a serlo, Madrid 1965). Создается впечатление, что оба исследователя рассматривали только один аспект общей проблемы. Следует согласиться с Кастро, если считать важнейшим критерием органичность и континуитет культурного и государственного развития. В этом отношении арабское нашествие означало непоправимый перелом. Оставшееся в завоеванных областях население приняло арабскую культуру и, в конечном итоге, ислам. Хотя среди вестготов, бежавших в государство франков, мы находим такие выдающиеся

личности, как Агобард Лионский, Теодульф Орлеанский и Бенедикт Анианский, их деятельность всецело принадлежит франкской истории.

Вестготская государственная идеология королевства Астурии не может считаться естественным продолжением вестготских традиций, так как она возникла в результате сознательной политики Альфонса II. Речь шла о возрождении, а не о подлинной преемственности. Тем не менее, А. Кастро недооценил историко-формирующую силу этой идеологии. Не нуждается в доказательствах утверждение, что даже та идеология, которая основывается на произвольном толковании исторических фактов, может в свою очередь превратиться в формирующую силу и тем самым в политическую реальность. В этом смысле справедлива высокая оценка вестготского периода, которую дал Р. Менендес Пидаль. Заслугой вестготов остается и то, что они впервые в истории Пиренейского полуострова объединили его в единое самостоятельное государство (R. d'Abadal, *A propos du legs visigothique en Espagne*, 5. *Settimana di Studio*, Bd. 2, publ. Spoleto 1958, S. 582). Историческое значение вестготской державы в любом случае превосходит значение большинства других государств, образовавшихся в ходе Великого переселения народов. В развитии средневековой европейской государственной системы большую роль сыграло только королевство франков, получившее счастливую возможность жить и развиваться без тех катаклизмов, которые разрушили страну вестготов.

Нам следует окончательно отказаться от расхожих представлений Ф. Дана и его современников, считавших, что вестготская история является составной частью истории немецкой. Так как о возникновении немецкого государства можно говорить только после распада империи Карла Великого, то есть начиная примерно с 900 г., любое соотнесение с давно исчезнувшим вестготским государством отпадает уже по одним хронологическим соображениям. Племя вестготов говорило на языке, близко родственном языку племен, столетиями позже основавших немецкое государство. Но это единственная связь, которую можно установить между вестготами и средневековыми немцами. Тем более что этот язык исчез еще до распада вестготской державы, а само наименование «вестготы» полностью утратило свое этническое значение.

Кроме Испании на прямую преемственность с королевством вестготов претендовала и Швеция. На Базельском соборе 1434 г. посланник короля Эриха Николай Рагнвальди потребовал для представителей Швеции особого отличия при распределении мест на заседании. Якобы в качестве потомков готов шведам подобали исключительные почести, ибо готы своей достопамятной историей выделялись из всех других народов. На это Альфонс из Картахены, представитель короля Кастилии, возразил, что Испания тем более могла бы притязать на подобную честь. Ибо готы, отправившиеся на Иберийский полуостров, потомками которых являются испанцы, без сомнения были лучшими и храбрейшими людьми своего племени, а оставшиеся в Швеции самыми ленивыми и бездеятельными, и вести от них свой род не очень-то почетно (J. Svennung, *Zur Geschichte des Goticismus*,

Stockholm 1967, S. 34). Проблематичен также вопрос, к какому историческому периоду следует относить вестготское государство (W. Stach, Die geschichtliche Bedeutung des westgotischen Reichsgründung, *Histor. Vierteljahresschr.* 30, 1935, S. 417-445. K. F. Stroheker, Die geschichtliche Stellung der ostgermanischen Staaten am Mittelmeer, *Westgotenreich*, S. 101-133. Id., Um die Grenze zwischen Antike und abendlaendischem Mittelalter, *ibid.*, S. 275-308). Существуют диаметрально противоположные решения этой проблемы в зависимости от того, какие именно аспекты выдвигать на передний план. Если исходить из политической истории, то период вестготского владычества однозначно попадает в Средневековье, так как во главе государства стоял король, не предъявлявший никаких претензий на всемирное господство. Эта точка зрения подтверждается и Исидором Севильским, считавшим творцами истории народы (*gentes*) (Бейманн (H. Beumann, *Zur Entwicklung transpersonaler Staatsvorstellungen, Vortraege und Forschungen* 3, *Das Koenigtum*, 1956, S. 233) на основании гентилизма относит историю вестготского государства к Средним векам. Нельзя не отметить, что в данном случае речь идет всего лишь об одном аспекте вестготской истории, в то время как множество других оснований привело бы нас к признанию сильнейшего античного континуитета). В государственном устройстве вестготской державы можно найти как античные, так и средневековые черты. Ссуда земельных угодий в обмен на несение военной службы является прообразом ленной системы, в то время как социальное развитие следовало по пути, проложенному в эпоху поздней античности. Искусство и литература также имеют отчетливо античное происхождение. При таких обстоятельствах кажется невозможным точнее определить место вестготского государства в европейской истории.

Приложение. Государство свевов в Испании (409 – 585 гг).

I. Вместе с вандалами и не-германским племенем аланов через Рейн в 406 г. переправилась и часть племени свевов (О ранней истории этого племени см. Art. Suevi в RE IV, A, 1, col. 564. Цезарь, О галльской войне 4, 1-3. Тацит, Германия 38, 1. Schmidt, Westgermanen, S. 1ff. F. Lotter, Zur Rolle der Donausueben in der Voelkerwanderungszeit, MIOG 76, 1968, S. 275-298). В 409 г. им удалось прорваться на территорию Испании (Рейнольдс (R. S. Reynolds, Reconsideration of the Suevi, Revue belge de philologie et d'histoire 35, 1957, S. 19-47) считает, что испанские свевы пришли на эти земли морским путем, а их родину следует искать в Северной Германии. Тем не менее, он не сумел истолковать в нужном для себя ключе ясное свидетельство Орозия (Orosius 7, 40, 3)). Земли, более столетия пользовавшиеся благами мирной жизни, на долгие годы превратились в арену ожесточенных боев. По некоторым сведениям, голод, разразившийся в результате опустошительных войн, приводил даже к каннибализму (Hydatius 48. В отношении хронологии Идация, важнейшего источника по ранней истории свевов в Испании, мы следуем работе С. Courtois, Auteurs et scribes. Remarques sur la chronique d'Hydace, Byzantion 21, 1951, S. 23-54). Отбить нападения захватчиков сумели лишь некоторые города и замки, так как пришельцы не обладали познаниями в осадной технике. В конце концов опасность анархии склонила к миру и варваров. В 414 г. они заключили с римским правительством договор, по которому получали право поселиться на Иберийском полуострове в качестве федератов (Диснер, с. 31. Статус федератов безосновательно оспаривается Рейнхартом (Reinhart, Historia, S. 35). Правильно у Шмидта (Schmidt, Westgermanen, S. 206). Еще до этого завоеватели разделили между собой испанские земли. При этом аланы получили Лузитанию и Испанию Карфагенскую, вандалам-силингам досталась Бетика, а вандалы-хасдинги и свевы поселились на крайнем северо-западе, в римской провинции Галлеции (Галисия); свевы получили западную часть этой территории, лежащую вдоль побережья Атлантики (Hydatius 49: Gallaeciam Vandali occupant et Suevi sita in extremitate oceani maris occidua). Такой раздел владений подразумевает, что самым сильным племенем среди завоевателей считались аланы, в то время как свевы играли в этом конгломерате сравнительно незначительную роль. В. Рейнхарт оценивает их численность в 30 – 35000 человек. Нужно заметить, что по тем временам это было совсем не мало (Reinhart, Historia, S. 32. Он же оценивает численность свевских воинов цифрой в 8000-9000 человек).

В отличие от вандалов, благодаря отдаленному расположению своей области поселений свевы избежали нападения вестготского короля Валии. Они не смогли удержаться и против вандалов; когда те в 418 г. напали на земли свевов, от поражения их спасло только римское войско. Тем не менее, в 429 г. свевам было суждено потерпеть еще одну неудачу, когда они слишком рано выступили вслед отправившимся в Африку вандалам и напали

на Лузитанию. Вандальский король Гейзерих вернулся и разбил Хермигара, которого, судя по его имени, можно считать родственником короля Хермериха. После того как народ Гейзериха ушел из Испании, свевы заняли находившиеся прежде под властью вандалов области Северо-Западной Испании, натолкнувшись при этом на яростное сопротивление римского провинциального населения. В последующие годы свевы были заняты войнами с местными римлянами, которые под защитой крепостных стен и городских укреплений вели ожесточенную борьбу с захватчиками. Так как империя была не в состоянии оказать своим гражданам военную помощь – хотя хронист Идаций, епископ Чавеса, обратился за поддержкой к Аэцию – в 433 и 438 гг. были заключены мирные договоры, оказавшиеся, впрочем, крайне недолговечными (Hydatius, 100, 111, 113). Когда Хермерих в 438 г. вследствие тяжелой болезни назначил соправителем своего сына Рехилу, (Рейнхарт (Historia, S. 42) безосновательно говорит об отречении Хермериха, в то время как Идаций называет его королем еще в 441 г.) начался новый этап свевской экспансии, имевшей своей конечной целью завоевание всего Иберийского полуострова. В 438 г. Рахила предпринял грабительский поход в Бетику, в 439 г. он захватил Мериду, в 440 г. – Мертолу на Гвардиане, в 441 г. – Севилью. По сведениям источников, тогда свевы присоединили к своим владениям Бетику и Карфагенскую Испанию (Hydatius, 123). Под властью Рима оставалась только охваченная волнениями багаудов Тарраконская Испания. Сила свевов достигла своей высшей точки, и даже при этом не совсем ясно, можно ли говорить о том, что они твердо овладели захваченными землями.

После смерти Рехилы в 448 г. его сын и преемник Рехиар продолжил грабительские походы, обратившись, в отличие от своего отца, к Северной и Восточной Испании. Он разгромил басков, разграбил в 449 г. окрестности Сарагосы и военной хитростью захватил Лериду (Ibid., 142). В этом он действовал в согласии с римлянами; похоже, долина Эбро была захвачена восставшими багаудами. Цель, состоявшая в подчинении свевской власти всей Испании, тем самым была почти достигнута (Иордан, 229: ...Riciarius ... universam pene Spaniam sibi credidit occupandam,... (...Рикиарий ... решил, что ему надлежит захватить чуть ли не всю Испанию) (пер. Е. Ч. Скржинской). Завоевание Лериды: Hydatius, 142. Багауды: Reinhart, Historia, S. 45). Свевская политика завоеваний стала возможной благодаря поддержке вестготов: Рехиар был женат на сестре Теодериха II (Schmidt, Westgermanen, S. 208). Однако вследствие свевско-римских трений отношения между Рехиаром и его шурином значительно ухудшились. Возможно, именно под давлением вестготов свевы были вынуждены вернуть римлянам Карфагенскую Испанию (Hydatius, 155. Stein, S. 501). Многочисленные римские посольства, жаловавшиеся Рехиару на вторжения свевов на римскую территорию, не находили никакого отклика, хотя за их спиной стояла мощная вестготская держава. Как сообщают, Рехиар заносчиво ответил посланцам Теодериха II, что в дальнейших жалобах он, Рехиар, увидит лишь повод самому явиться в Тулузу. Тогда Теодерих увидит, как он защищает

свои права (Иордан, 231). Теодерих II, заручившись на сей раз согласием императора Авита, выступил в поход, чтобы наказать высокомерного соседа. 5 октября 456 г. на реке Орбиго, между Асторгой и Леоном, Рехиар потерпел сокрушительное поражение. Король свевов был ранен и бежал в Порту, но вскоре был вынужден капитулировать. В декабре 456 г. он был казнен (Hydatius, 178). Тем самым Теодерих II дал понять, что считает независимость свевского государства уничтоженной. Идаций также говорит о безвозвратной гибели свевской державы (Ibid., 175: ... regnum destructum et finitum est Suevorum. «Свевское владычество разрушено и закончено.) Хотя свевам и удалось снова добиться определенной самостоятельности, политические смуты последующих лет показывают, что этим поражением их государство было потрясено до самых своих основ.

Теодерих II назначил наместником захваченных земель Агривульфа из рода Варнов, который затем, хотя и не принадлежал к знати и, вероятно, был даже королевским рабом или вольноотпущенником, провозгласил себя королем свевов (Иордан называет его клиентом короля и упрекает: ... nec libertatem studens nec patrono fidem servans. «Ни к свободе не прилежал, ни верности патрону не соблюдал (пер. Е. Ч. Скржинской). О возвышении Агривульфа: Иордан, 234 и Hydatius, 179). Практически одновременно о своих притязаниях на престол заявил свев Мальдра (Hydatius, 181). Хотя Агривульф был побежден и казнен вестготами, волнения не прекращались. На сцене появлялись все новые и новые претенденты. Наряду с Мальдрой мы узнаем о Фрамте, Фрумаре и Рехимунде, из которых, впрочем, только последний достиг определенного политического веса. Кажется, он сумел договориться с вестготами. Его преемник Ремисмунд, избранный королем в 465 г., поддерживал с новыми соседями тесные отношения. В ответ на посольство Ремисмунда Теодерих II отправил к нему своих послов, которые доставили королю свевов подарки и оружие. Одновременно Ремисмунд женился на женщине из племени вестготов (Ibid., 226: qui (scil. Theudoricus) similiter suos (scil. legatos) ad Remismundum remittit, cum armorum adiectione vel munerum, directa et coniuge, quam haberet). Для определения государственно-правового положения свевской державы немаловажен упомянутый факт передачи оружия; Р. Венкус приходит к выводу, что Ремисмунд стал сыном по оружию Теодериха II (Wenskus, S. 27f. Ср. R. Gilbert, El reino visigodo y el particularismo espanol, Estudios Visigoticos 2, Rom-Madrid 1956, S. 35). Принятие оружия предполагает признание верховной власти вестготского короля. Так как оба правителя выступали в роли представителей своих племен, государственно-правовое значение этого акта становится очевидным: свевы признали верховенство вестготов.

С завершением Хроники Идация в 469 г. сообщения по свевской истории временно обрываются. Сам Исидор Севильский, писавший историю свевов, черпая свои сведения по раннему периоду из Идация, в первой трети VII века уже не смог собрать никакой информации о последующих десятилетиях существования свевского государства. Он был вынужден ограничиться лаконичным утверждением, что свевами правили короли

арианского вероисповедания (Isidor, HG 90. Следует отказаться от выдвинутого Шмидтом (Westgermanen, S. 213) мнения, что Исидор якобы ничего не сообщал о свевских королях из-за их арианской веры). Как показал К. Шефердик, Исидор не располагал достаточными данными о свевской истории даже середины VI века (Schaeferdiek, S. 250). Следовательно, можно выдвинуть предположение, что этот период истории свевов уже никогда не попадал на станицы хроник. Молчание писателей того времени указывает на то, что промежуток между 469 и 550 гг. был мирным периодом.

Около 550 г. правил король Харарих, при котором началось обращение свевов в ортодоксальное вероисповедание и который скончался в 568 или 559 г (Ibid., S. 123f, 247ff. Именно благодаря исследованиям Шефердика были опровергнуты прежние воззрения, представленные, например, в работах Шмидта (Westgermanen, S. 213). и Рейнхарта (Historia, S. 55)). Его преемник Ариамир известен нам только по деяниям собора, состоявшегося в 561 г. в Браге. Ему, по-видимому, наследовал в 565 г. Теодемир, правление которого закончилось в 570 г. Король Миро попытался расширить границы своего государства и вскоре пришел в непосредственное столкновение с вестготами. От растущего могущества Леовигильда король свевов хотел защититься союзом с королем франком Гунтрамом. Впрочем, поначалу этот союз так и не был заключен (Григорий Турский, 5, 41). Вестготский поход закончился в 576 г. тем, что Миро был вынужден просить о перемирии, которое, впрочем, было ему предоставлено на ограниченный промежуток времени. После неудачной попытки снять осаду с Севильи, в которой находился Херменегильд, Миро пришлось принести клятву верности Леовигильду. Такую же клятву принес и его сын Эборих, вскоре после этого наследовавший престол отца (Ibid., 6, 43: ... sacramenta exegit, sibi in posterum fore fedilem (Клятва Миро). Ср. Johannes v. Biclaro, a. 584). Таким образом государство свевов попало в зависимость от вестготов. Анти-вестготская партия, во главе которой стоял зять Эбориха Аудека, сместила его с престола и вынудила постричься в монахи. Тогда Леовигильд начал военные действия; Аудека был разбит, Леовигильд оккупировал страну и увез королевскую сокровищницу (Johannes v. Biclaro, a. 585: Liuuigildus ... Suevorum gentem, thesaurum et patriam in suam redegit potestatem et Gotorum provinciam fecit). Узурпатора постригли в монахи и отправили в ссылку в Беху. «Уничтоженное государство свевов перешло к готам (Isidor, HS 92). По-видимому, свевы быстро смирились со своей участью, тем более что их правовые и имущественные отношения не претерпели никаких изменений. Их область разделила судьбу вестготского королевства. После этого свевское государство упоминается лишь один раз. В Хронике Альфонса III, в основе которой, возможно, лежала какой-то более древний, ныне утерянный вестготский источник, сообщается, что король Эгика передал страну свевов своему сыну Витице. Следовательно, воспоминания о существовании когда-то независимой свевской державе сохранялись вплоть до конца VII века.

II. Во главе свевов, двинувшихся на запад в 409 г., стоял король. Возможно, он вел свой род от кого-то из царьков, известия о которых дошли до нас из более ранних источников. В династии Хермериха принцип наследования престола был более ярко выражен, чем у вестготов. Рехила был обязан королевским достоинством исключительно воле своего отца (Hydatius, 114: *Hermericus ... Rechilam filium suum substituit in regnum.* «Хермерих ... назначил королем своего сына Рехилу). Впрочем, против наследования короны Рехиаром поднялось скрытое сопротивление, мотивы которого нам неизвестны (*Ibid.*, 137: *nonnullis quidem de gente sua aemulis, sed latenter*). Вероятно, на Рехиаре и закончилась династия Хермериха. Примечателен выбор королем иноплеменника Агривульфа. Это событие напоминает в чем-то намерение остготов после поражения Витигиса провозгласить королем византийского полководца Велисария (Прокопий Кесарийский, *Война с готами*, 2, 30, 26 и 2, 29, 18). Пожалуй, выбор иноплеменника можно считать последней попыткой сохранить политическое единство племени.

Генеалогии поздних королей свевов неизвестны. Родственные связи королей Харариха, Ариамира, Теодемира и Миро не засвидетельствованы, но в пользу такого предположения говорит сходство имен трех последних. Насколько сильным в последние годы существования государства было чувство династической легитимности, показал приход к власти Аудеки. Хотя он был женат на сестре Эбориха, представительнице королевского рода, он женился на Сисегунтии, вдове Миро (*Johannes v. Biclaro*, а. 584. Григорий Турский, *История франков*, 6, 43). Похоже, с помощью этого брака он рассчитывал легитимизировать свою узурпацию. Как происходило провозглашение короля, нам неизвестно. Королевские выборы засвидетельствованы только один раз (*Hydatius*, 181).

В ранний период свевской истории королевскими резиденциями были Брага, Порту и Мерида (*O. Wendel, Das Suevenreich auf der Pyreneenhalbinsel, Zs. für Deutsche Geisteswissenschaft* 5, 1942, S. 308). Можно было бы предположить, что чаще всего посещалась именно Брага, располагавшаяся в центре свевской державы. В VI веке этот город становится важнейшей резиденцией короля (*Historia de Espana*, S. 147). Король (*rex Suevorum*) носил те же титулы, что и государь вестготов, но в его титулатуре отсутствовали специфически христианские эпитеты. Ариамир именовался «славнейшим (*gloriosissimus*) и «благочестивейшим (*piissimus*) (*Conc. Bracar. I*). Мартин Брагский называет Миро «тишайшим (*tranquillissimus*) и «милостивейшим (*clementissimus*) (*Martini episcopi Bracarensis opera omnia*, ed. C. W. Barlow, New Haven, Conn. 1950, S. 236). В этом явственно проявляются заимствования из античной императорской титулатуры.

В высшей степени правдоподобно существование у свевов знати, и тем не менее мы не находим о ней в источниках никаких сведений. Так как до нас не дошли свевские юридические трактаты (мы даже не знаем, были ли они когда-либо кодифицированы), мы не можем судить о социальных отношениях в государстве свевов. Не засвидетельствовано у свевов и

народное собрание (Рассуждения Рейнхарта (*Historia*, S. 70) о народном собрании не находят никакого подтверждения в источниках. То же самое относится и к его рассуждениям (S. 68) о социальной структуре у севов). Вероятно, не случайно наши источники ни разу не упоминают севских должностных лиц (Рейнхарт (там же) без приведения какой-либо аргументации говорит о дуках и комитов у севов. Методологически совершенно недопустимо безапелляционно переносить ситуацию, сложившуюся в вестготском государстве, на севов и заполнять пробелы истории севских государственных институтов вестготским материалом). Государство севов располагалось на столь ограниченной территории, что управление могло осуществляться с помощью крайне рудиментарного аппарата. К тому же следует помнить о том, что долгое время севам были недоступны города, что исключало возможность образования института комитов.

Римская система управления не совсем разрушилась. Идаций часто упоминает округа (*conventus*) Браги, Луго и Асторги (*Hydatius*, 102, 179, 202, 214, 249, 250). Эти территориальные единицы играли определенную роль в организации ортодоксальной церкви еще в VI веке (*Schaeferdiek*, S. 121).

Сотрудничество между беспокойными, хищными севами и римлянами началось довольно поздно. Переход Рехиара в ортодоксальное вероисповедание, по-видимому, создал благоприятные возможности для улучшения взаимопонимания. Впрочем, мы не располагаем на этот счет никакими сведениями. Коллаборационистами были «шпионы Оспинио и Аскарый, оклеветавшие в 460 г. епископа Идация перед королем Фрумаром (*Hydatius*, 201). В 468 г. мы видим Лусидия Лиссабонского в роли посла Ремисмунда (*Ibid.*, 251). По всей видимости, существенно улучшили отношения между римлянами и севами окончательный переход последних в ортодоксальную веру в середине VI века и долгий мир, наступивший после 469 г. Если из восьми участников Первого Брагского собора в 561 г. только один из них, Хильдерих, носил германское имя, то 11 лет спустя среди двенадцати участников Второго Брагского собора было уже четыре германца. Интегрирующую силу церкви, как и у вестготов, сложно переоценить, и тем не менее этот процесс у севов был прерван в связи с разрушением самого севского государства. Впрочем, следует считаться и с тем, что отдельные области сохраняли свою независимость от севской державы, как, например, земли, которыми владел Аспидий. Так как король Рехила в 448 г. умер, оставшись язычником, следует предположить, что на тот момент основная масса севов еще не подверглась христианизации (*Ibid.*, 137). И напротив, Рехиар был ортодоксальным христианином (*Schaeferdiek*, S. 107). Мы не знаем, как много соплеменников последовало его примеру. Провестготская политика Ремисмунда привела к усилению с 466 г. арианской пропаганды, которой руководил посланный королем вестготов миссионер Аякс. Жертвой арианства, похоже, пали как начатки ортодоксального христианства, так и остатки язычества. Окончательное обращение в православие произошло в середине VI века при не вполне выясненных обстоятельствах (*Gregor v.*

Tours, Liber de virtutibus S. Martini 1, 11, MGH SS rer. Merov. I, S. 594ff. Григорий Турский, История франков 5, 37. Ср. Schaeferdiek, S. 170 с прим. 52). С самого начала были налажены тесные отношения с Туром, откуда в Брагу были перевезены реликвии св. Мартина. Возможные политические основания для этого нам неизвестны. Обращение свевов было завершено выходцем из Паннонии Мартином Брагским. Он основал монастырь Думио, а между 561 и 572 гг. был митрополитом Браги. Уже его современники называли Мартина «апостолом Галисии. В своем главном труде «Об исправлении простолюдинов (De correctione rusticorum) Мартин ставил перед собой задачу искоренить языческие обычаи, широко распространенные среди римского населения.

Свевский язык исчез, не оставив после себя никаких следов. В конечном итоге свевы слились с римским населением. Многочисленные германские топонимы в Галисии не позволяют сделать никаких выводов о распределении свевских поселений, так как невозможно четко разграничить свевские и вестготские названия, а также потому что значительная часть топонимов появилась только в IX и X веках (Reinhart, Historia, S. 100ff. J. Orlandis, El elemento germanico en la iglesia espanola del siglo VII, Anuario de estudios medievales 3, 1966, S. 38).

Значение свевского государственного образования во многом уступает вестготскому государству. Периферийное расположение затрудняло сообщение с другими странами, но с другой стороны, защищало свевов от вражеских нападений. В противном случае столь малочисленное племя не могло бы столь долго сохранять независимое положение. В отличие от вестготов свевы не пользовались такой популярностью, и ни одно позднейшее государство не считало их своими предшественниками. Средневековая Португалия видела себя наследницей вестготов, а не свевов (Противоположная точка зрения Венделя (O. Wendel, Das Suevenreich auf der Pyreneenhalbinsel, Zs. für Deutsche Geisteswissenschaft 5, 1942, S. 313) совершенно необоснована).

Библиография

I. Сокращения

CE = Codex Euricianus = Кодекс Евриха

CJ = Codex Justinianus = Кодекс Юстиниана

CTh = Codex Theodosianus = Кодекс Феодосия

LRV = Lex Romana Visigothorum = Римский Закон Вестготов (РЗВ)

LV = Leges Visigothorum = Законы Вестготов

II. Источники

- Ammianus Marcellinus, *Opera quae supersunt*, 1921. Русский перевод Аммиан Марцеллин, Римская история, пер. Ю. А. Куликовского, А. И. Сонни, СПб 1994.
- Apollinaris Sidonius, *Epistulae et carmina*, MGH AA VIII.
- Braulio, *Epistulae*, hrsg. J. Madoz, *Epistolario de S. Braulio de Zaragoza*, Madrid 1941.
- Cassiodorus, *Variae*, MGH AA XII.
- Chronicon Caesaraugustanum*, MGH AA XI, S. 222-223.
- Chronik Alfons III (=Chronicon Rotense), hrsg. M. Gomez-Moreno, *Boletin de la Academia de la Historia* 100, Madrid 1932, S. 661-690.
- Claudianus, *Carmina*, MGH AA X.
- Codex Euricianus*, hrsg. A. d'Ors, *Estudios Visigoticos* 2, Rom-Madrid 1960.
- Codex Theodosianus*, hrsg. Th. Mommsen, P. M. Meyer, 1962.
- Concilia. Concilios Visigoticos e hispano-romanos*, hrsg. J. Vives, Barcelona-Madrid 1963.
- Continuatio Hispana*, MGH AA XI, S. 332-369.
- Epistulae Visigothicae*, MGH *Epistulae merovingici et karolini aevi*, S. 661-690.
- Excerpta Valesiana*, hrsg. J. Moreau, 1961.
- Formulae Visigothicae*, MGH *Formulae*, S. 575-595.
- Fredegarius, *Chronicae*, MGH *SS rer. Merov.* II.
- Gregor von Tours, *Historia Francorum*, MGH *SS rer. Merov.* I, 1. Русский перевод Григорий Турский, История франков, ред. Савукова В. А., М 1987.
- Hydatius, *Chronica*, MGH AA XI, S. 13-36.
- Isidor von Sevilla, *Historia Gothorum*, MGH AA XI, S. 268-295 (цитируется Isidor, HG).
- Isidor von Sevilla, *Historia Svevorum*, MGH AA XI, S. 300-303 (цитируется Isidor, HS).
- Johannes v. Biclaro, *Chronica*, hrsg. J. Campos, Madrid 1960.
- Jordanes, *Getica*, MGH AA V, 1. Русский перевод Иордан, О происхождении и деяниях гетов, пер. Е. Ч. Скржинской, СПб 1997.
- Julian von Toledo, *Gesta Wambae regis*, MGH *SS rer. Merov.* V, S. 500-535.
- Koenigsliste (Laterculus regum Visigothorum)*, MGH AA XII, S. 464-469.
- Leges Visigothorum*, MGH *Leges* I, 1.
- Lex Romana Visigothorum*, hrsg. G. Haenel, 1962.
- Marius von Avenches, *Chronica*, MGH AA XI, S. 232-239.
- Orosius, *Adversus paganos*, hrsg. C. Zangemeister, CSEL 5, 1882.
- Paulinus von Pella, *Eucharisticos*, hrsg. Brandes, CSEL 16, S. 291-314.

Prokop, De bello Gothico. Русский перевод Прокопий Кесарийский, Война с готами, пер.
С. П. Кондратьева, М 1996.
Prokop, De bello Vandalico. Русский перевод Прокопий Кесарийский, Война с вандалами, пер. А. А. Чекаловой, М. 1993.
Prosper Havniensis, Chronicon, MGH AA IX, S. 266-339.
Prosper Tiro, Chronicon, MGH AA IX, S. 341-499.
Salvian von Marseille, De gubernatione Dei, MGH AA I, 1.
Vita Emiliani, hrsg. L. Vazquez de Parga, Madrid 1943.
Vita Epifani, MGH AA VII, S. 84-109.
Vita Fructuosi, hrsg. F. C. Nock, Washington D. C. 1946.
Vitae Patrum Emeritensium, hrsg. J. N. Garvin, Washington D. C. 1946.
J. Vives, Inscriptiones cristianas de la Espana Romana y Visigoda, Barcelona 1941-1942.

III. Литература

d'Abadal, R., Del reino de Tolosa al reino de Toledo, Madrid 1960.
Campenhausen, H. v., Lateinische Kirchengeschichte, 1960.
Dahn, F., Die Könige der Germanen. Bd. 5, Die politische Geschichte der Westgothen, 1870.
Bd. 6, Die Verfassung der Westgothen. Das Reich der Sueven in Spanien, 1871.
Diesner, H.-J., Das Vandalenreich, 1966. Русский перевод Г.-И. Диснер, Королевство вандалов. Взлет и падение, СПб 2002.
Gamillschegg, E., Romania Germanica I, 1934.
Gamillschegg, E., Historia linguistica de los Visigodos, Revista de filologia espanola 19, 1932, S. 117-150, 229-260.
Halban, A. v., Das Römisches Recht in den germanischen Volksstaaten, 1899-1901.
Helbling, H., Goten und Vandalen, Zurich 1954.
Historia de Espana, hrsg. R. Menendez Pidal, Bd. 3, Espana Visigoda, Madrid 1963.
Kopke, R., Die Anfänge des Königtums bei den Goten, 1859.
Lot, F., La fin du monde antique et le debut du Moyen Age, Paris 1951.
Magnin, E., L'église wisigothique au VIIe siècle, Paris 1912.
Messmer, H., Hispania-Idee und Gothenmythos, Zurich 1960.
Reinhart, W., Historia general del reino hispanico de los Suevos, Madrid 1952.
Rubin, B., Das Zeitalter Justinians, Bd. 1, 1960.
Schaeferdiek, Die Kirche in den Reichen der Westgoten und Sueven bis zur Errichtung der westgotischen katholischen Staatskirche, 1967.
Schmidt, L., Die Ostgermanen, 1934.
Schmidt, L., Die Westgermanen, 1938-1940.
Schubert, H. v., Geschichte der christlichen Kirche im Frühmittelalter, 1921.
Seeck, O., Geschichte der Untergangs der antiken Welt, Bd. V-VI, 1913-1921.

- Stein, E., Geschichte des spaetroemischen Reiches, Bd. 1, 1928.
- Stroheker, K. F., Eurich, Koenig der Westgoten, 1937.
- Stroheker, K. F., Der senatorische Adel im spatantiken Gallien, 1948.
- Stroheker, K. F., Das spanische Westgotenreich und Byzanz, в: Germanentum und Spaetantike, 1965, S. 207-274.
- Stroheker, K. F., Leowigild, в: Germanentum und Spaetantike, 1965, S. 134-191.
- Stroheker, K. F., Spanische Senatoren der spaetroemischen und westgotischen Zeit, Madrider Mitteilungen 4, 1963, S. 107-132.
- Thompson, E. A., The Visigoths in the Time of Ulfila, Oxford 1966 (цитируется Thompson).
- Thompson, E. A., The Goths in Spain, Oxford 1969 (цитируется Thompson, Goths).
- de Valdevellano, L. G., Historia de Espana, Bd. 1, 2. Madrid 1963.
- de Valdevellano, L. G., Curso de historia de instituciones espanolas, Madrid 1967.
- Wagner, N., Getica 1967.
- Weibull, C., Die Auswanderung der Goten aus Schweden, Goteborg 1958.
- Wenskus, R., Stammesbildung und Verfassung, 1961.
- Wieacker, F., Recht und Gesellschaft in der Spaetantike, 1964.
- Zeumer, K., Geschichte der westgotischen Gesetzgebung, NA 23, 1898, S. 419-512; 24, S. 39-122; 26, 1901, S. 91-149.

Хронологическая таблица

- I в. до н. э. – Миграция готов в область Вислы
- II в. н. э. – Продвижение готов в Южную Россию
- III в. н. э. – Разделение племени на остготовов и вестготовов
- 2-ая пол. III в. – Нападения готов на Римскую империю. Поселение в Дакии.
- около 340 г. – Миссинерская деятельность Вульфилы
- 369-372 гг. – Преследования христиан среди вестготовов
- около 375 г. – Нападения гуннов на остготовов и вестготовов
- 376 г. – Вестготы просят принять их в Римскую империю
- 378 г. – Победа вестготовов над императором Валентом
- 382 г. – Мирный договор с Римской империей
- 395-410 гг. – Аларих I
- 402 г. – Битва при Полленции
- 408 г. – Первая осада Рима вестготами
- 410 г. – Захват Рима
- 410-415 гг. – Атаульф
- 414 г. – Брак Атаульфа с Галлой Плацидией
- 415 г. – Зигерих
- 415-418 гг. – Валия
- 418 г. – Мирный договор с Римской империей. Вестготы поселяются в Аквитании.

418-451 гг. – Теодерих I
436-439 гг. – Война с Римской империей
451 г. – Битва на Каталаунских полях
451-453 гг. – Турисмунд
453-466 гг. – Теодерих II. Первая кодификация вестготского права
456 г. – Завоевание государства свевов
466-484 гг. – Еврих
466-476 гг. – Продолжение завоеваний в Южной Галлии. Анти-православная церковная политика
около 475 г. – Обнародование Кодекса Евриха
484-507 гг. – Аларих II
494-506 гг. – Завоевание большей части Испании
506 г. – Обнародование Римского Закона Вестготов. Агдский собор.
507 г. – Поражение при Пуатье
507-511 гг. – Гезалех. Франки захватывают почти все вестготские владения в Галлии
511-526 гг. – Теодерих Великий
526-531 гг. – Амаларих
531 г. – Поражение в битве с франками
531-548 гг. – Теудис
548-549 гг. – Теудегизель
549-552 гг. – Агила I
552 г. – Высадка византийцев в Испании
551-567 гг. – Атанагильд
567/68-572/73 гг. – Лиува I
568/69-586 гг. – Леовигильд
570-572 гг. – Успешные войны с византийцами
573-575 гг. – Походы в Северную Испанию
578 г. – Основание Реккополиса
579 г. – Восстание Херменегильда
580 г. – Арианский государственный собор в Толедо
584 г. – Поражение Херменегильда
585/86 г. – Завоевание государства свевов
Неустановленная дата – Обнародование Пересмотренного Свода
586-601 гг. – Реккаред I
587 г. – Переход короля в ортодоксальное вероисповедание
589 г. – Третий Толедский собор. Переход вестготов в православие.
Исторический труд Иоанна Бикларского
601-603 гг. – Лиува II
603-610 гг. – Виттерих
610-612 гг. – Гундемар
612-621 гг. – Сисебут
615 г. – Выгодный мирный договор с византийцами. Принудительное крещение евреев
621 г. – Реккаред II

621-632 гг. – Свинтила
около 625 г. – Завоевание последних византийских владений в Испании
Создание исторического труда Исидором Севильским
632-636 гг. – Сисенанд. Внутренние беспорядки
636-639 гг. – Хинтила
639-642 гг. – Тульга
642-652 гг. – Хиндасвинт. Подчинение аристократии. Интенсивная законодательная деятельность
649-672 гг. – Реккесвинт
654 г. – Обнародование Судебной Книги
661 г. – Постройка церкви Сан-Хуан-де-Баньос
672-680 гг. – Вамба
672 г. – Восстание Павла. Исторический труд Юлиана Толедского
680-687 гг. – Эрвиг
681 г. – Последняя кодификация вестготского права. Антииудейское законодательство
687-702 гг. – Эгика
693/94 – Эпидемия чумы
694 г. – Порабощение всех евреев
698-710 гг. – Витица
710-711 гг. – Родерих
711 г. – Нападение арабов
711-714 гг. – Агила II
714-720/21 гг. – Ардо. Арабы захватывают Септиманию
721/25 г. Победа Пелагия при Ковадонге над арабами. Позднее стала считаться началом Реконкисты